ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

КИТ ДАФФИЛД

18+

СЛАДКАЯ ШТУЧКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Сладкая штучка
Кит Даффилд

Аннотация
Кит Даффилд. Сладкая штучка
1998
2023
1999
2023
Январь 2000 года
2023
2000
2023
Декабрь
Январь
Благодарности

Аннотация

В городке своего детства на южном побережье Англии известная писательница Беккет Райан не была уже больше десяти лет. Она давно разорвала отношения с родителями, но теперь оба умерли с разницей в неделю, и ей необходимо присутствовать на похоронах. Вернувшись, Беккет обнаруживает, что местные жители ее ненавидят и осуждают ровно в той степени, в какой любили и почитали ее отца и мать.

А ведь горожане не знали по-настоящему родителей Райан. Их никто не знал по-настоящему.

Но вот посреди ледяного моря враждебности появляется Линн, единственная, кто относится к Беккет с теплотой и симпатией. В детстве Линн была ее лучшей подругой, а сейчас стала преданной фанаткой. Вот только… Беккет уверена, что никогда прежде не встречала эту Линн.

И по мере того как она знакомится с местными жителями, из глубин памяти всплывают события детства – события, которые совсем

не хочется вспоминать.

Впервые на русском!

Кит Даффилд
Сладкая штучка

Посвящается Бену, моему старинному другу

Серия «*Звезды мирового детектива*»

Kit Duffi eld
PRETTY LITTLE THING
Copyright © 2024 by Kit Duffi eld
This edition is published by arrangement
with Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Илоны Русаковой

© И. Б. Русакова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

1998

Этот тихий смех я слышу именно ночью, когда весь дом спит.

Тоненький, булькающий звук; так смеются грудные младенцы.

Я лежу с открытыми глазами, но не могу пошевелиться. У меня перехватило горло.

— Беккет? — Звук шагов в коридоре; это мама, она подходит к двери в мою комнату. — Ты не спишь?

А в такие моменты я никогда не знаю — сплю или бодрствую.

— Ты снова потревожила отца, Беккет. — В дверном проеме появляется ее силуэт. — Ты издаешь очень неприятные звуки.

Мама садится на край кровати, и одеяло на мне натягивается. Я пытаюсь заговорить, но голос мне изменяет, и вместо слов из горла вырывается действительно очень противный на слух стон.

— Тише-тише. Успокойся, это все твое воображение.

Голос мамы звучит странно, он приглушенный, как из могилы.

— Ну же, брось свои глупости, — говорит она откуда-то издалека. — Посмотри на меня. Ты в своей постели, ничего страшного не происходит, ты в безопасности, тебе ничто не угрожает.

Но я смотрю не на маму, а в угол у нее за плечом, где вижу два светящихся в темноте глаза.

2023

1

Сколько себя помню, всегда не переносила, когда за мной кто-нибудь наблюдал.

Думаю, это из-за того, что в такие моменты чувствуешь себя беспомощной. Мы ведь не позволяем, чтобы кто-то прикоснулся к нам без нашего на то согласия, верно? А вот запретить смотреть не можем.

Как, например, этот парень. Сидит, развалившись на трех сиденьях в вагоне поезда, попивает «Ред булл» и смотрит на меня из-под слегка опущенных век.

— Поезд идет на Эштон-Бэй, — говорит голос из динамика. — Следующая станция Хэвипорт…

Я игнорирую парня с «Ред буллом» и смотрю в окно на проплывающие мимо скалы цвета ржавчины. Оказывается, я уже совсем позабыла этот последний отрезок пути; здесь железная дорога, извиваясь, словно цепляется за край берега, в то время как внизу, прямо под тобой бурлит море. Если посмотреть вниз, вполне можно почувствовать себя плывущей по воде, а не пассажиркой

поезда. То есть такое ощущение, будто ты прибываешь на край света.

— Если заметите посторонние предметы, пожалуйста, сообщите об этом машинисту или любому сотруднику…

Бросаю взгляд вправо. Он все еще на меня смотрит.

«Глупышка, — сказала бы мама, — это все твое воображение».

И отец бы покачал головой: «Не все в этом мире вертится вокруг тебя, Беккет».

Они вполне могли бы так сказать, если бы оба не умерли на прошлой неделе.

— Мы знакомы?

Видишь, мама, он со мной заговорил.

– Эй… девушка!

Я притворяюсь, будто увлечена своим телефоном, но этот парень явно не собирается играть по правилам, поэтому я смотрю на него.

— Я вас где-то уже видел? — не унимается он.

— Нет, не видели.

— Нет, видел, — говорит парень, кивая, как голубь перед голубкой. — Та статья в газете. Видел вашу фотографию, ну и статью почитал.

Я морщу лоб. Статья — это ладно, но фото… Мне не кажется, что это было необходимо.

— В реальности вы гораздо симпатичнее.

— Хэвипорт, — оповещает голос из динамика, и я встаю со своего места.

— Прям даже не верится, — продолжает парень, пока я качу свой чемодан к дверям. Поезд постепенно останавливается. — Вы та писательница, Беккет, как там, Беккет Райан. А правда… Эй, погодите…

Я нажимаю на кнопку на дверях, и они с шипением открываются.

— Это все правда, да? — спрашивает мне в спину тот парень, пока я выхожу из вагона на холод. — Вы убили своих родителей?

2

Хэвипорт, южное побережье, ворота на Английскую Ривьеру.

Колесики моего чемодана скрипят по асфальту, пока я качу его с автостоянки у железнодорожной станции в сторону городской площади и дальше по небольшому кварталу с маленькими заведениями кафе-мороженого и сувенирными лавками. Накрапывает мелкий дождик, воздух насыщен запахами водорослей и соленой морской воды с легкими оттенками фритюрного масла. От ряда пустующих залов игровых автоматов доносится

какофония разных режущих слух мелодий. Чайки чертят круги в небе.

Вот это почти на сто процентов соотносится с моими воспоминаниями, и это далеко меня не радует, скорее погружает в депрессию.

— Эй, девчуша, куда это ты бредешь?..

Через дорогу от меня какой-то тощий старикан с пинтой пива в костлявой руке, покачиваясь, стоит у облицованной галькой стены паба «Рекерс армс». Он указывает в мою сторону и, улыбаясь беззубым ртом, снова вопрошает:

— Эй, куда бредешь, девчуша?

Потом поднимает свою пинту в приветствии, да так, что пена переливается через край бокала. Я ускоряю шаг и, просто потому, что не могу положиться на свою память, достаю телефон и набираю нужный адрес. На стене общественного туалета можно прочесть граффити, приветствующие мое возвращение домой, начертанные с помощью пульверизатора.

Ад пуст. Все бесы здесь[1].

Дальше дорога круто уходит вверх и, петляя, ведет мимо банка, почты и целой череды заколоченных зданий. На улице тихо, но тихо — это не

---

[1] Примечания: 1

Hell is empty and all the devils are here (У. Шекспир. Буря).

значит безлюдно. Я чувствую на себе взгляды… Невысокая дородная женщина с распухшими продуктовыми пакетами, судя по лицу, явно не в духе; парочка тинейджеров хрустит чипсами и о чем-то переговаривается, прикрывая рот ладонью.

Ты убила своих родителей.

Что ж, будем надеяться, здесь у них это не общепринятая линия партии.

Ближе к вершине холма ряды кафешек и лавок постепенно уступают место однотипным домам с террасами. Приземистые, потемневшие от дыма и выхлопных газов, они жмутся друг к другу и наблюдают за тем, как я сворачиваю с главной улицы и направляюсь в восточную часть Хэвипорта, в этот кроличий садок из муниципальных домов и промышленных зон. Каждая улица похожа на предыдущую, но некоторые кажутся мне знакомыми, и по мере продвижения к цели моя карта в телефоне словно бы обновляется. Когда в поле зрения появляется поворот на Умбра-лейн, я убираю телефон в карман.

До поворота остается всего несколько метров, и тут я кое-что замечаю. Высокая каменная арка в стороне от дороги стоит на страже нескольких бетонных зданий и явно измученного жаждой

поля для спортивных игр. Я сбавляю шаг и останавливаюсь.

Средняя школа Хэвипорта.

В центре арки на красном камне вытравлен герб школы — увитый канатом корабельный якорь. На гербе девиз: «Лучшее будущее для всех».

В школе еще идут занятия, так что ограждение по периметру закрыто, но перелезть через него для меня не проблема. Я хватаюсь за верхнюю перекладину, подтягиваюсь и, перевалившись через нее, спрыгиваю на мокрый асфальт. Потом уверенно шагаю к главному входу, но, немного не доходя, сворачиваю направо, туда, где в угловой части здания находится просторный кабинет директора школы. Там, заглянув в окно, можно увидеть его стол. Я бью кулаком по стеклу и сразу вскрикиваю от боли; стекло разбивается, и я отдергиваю руку, а на осколках остаются следы крови.

Господи, Беккет.

Хватит.

Делаю выдох, смотрю через дорогу в сторону минимаркета «Паундпушер» и вижу бесконечные полки с бутылками вина.

У меня першит в горле; определенно, надо

выпить.

3

Линн

Я уже двадцать лет мечтала о том, когда это наконец случится.

Беккет Райан в моем городке, она так близко, что я вижу телефон у нее в заднем кармане.

Когда Беккет доходит до конца улицы, какой-то фургон останавливается на светофоре и перекрывает мне вид. Я смещаюсь в сторону по скамейке на автобусной остановке, пока снова не вижу ее, а она тем временем открывает дверь «Паундпушера» и заходит внутрь, закатывая за собой чемодан. Чемодан очень маленький, так что ясно: надолго она в городе не задержится. У меня сжимается сердце; я думала, что времени будет больше.

Что ж, надо по максимуму использовать то, что есть.

Беккет идет по магазину, глядя то вправо, то влево. У нее короткая стрижка, наверняка стриглась в одном из этих модных салонов, где клиентам предлагают шампанское. Стрижка «пикси»: сзади коротко, а рваная челка с филировкой длинная, такая, что падает на один глаз.

Она то и дело откидывает челку, а я смотрю на нее и представляю ее на лондонских книжных вечеринках в окружении поклонников. И там она в длинном черном вечернем платье.

Отрывисто рычит двигатель притормаживающего автобуса. Я от неожиданности подпрыгиваю на месте и теряю из виду Беккет. Автобус подъезжает к остановке, я смотрю под ноги и считаю комочки жевательной резинки на тротуаре.

— Едешь сегодня, милая? — спрашивает водитель.

Я, продолжая смотреть под ноги, отрицательно мотаю головой. Водитель бормочет что-то нечленораздельное, и двери закрываются.

Когда автобус отъезжает, снова смотрю в сторону магазина. Беккет стоит у кассы с бутылкой вина в руке. В винах я не разбираюсь, но уверена, что она-то уж точно знает в них толк. Готова поспорить: Беккет даже различает по качеству сорта винограда и, покупая вино, совсем не смотрит на ценник.

Беккет Диана Райан пьет только лучшее красное вино.

Беккет

Это самое дешевое вино в магазине, знаю, потому что просмотрела все ценники на полках.

— Итого девять семьдесят пять, — говорит кассир, отставляя бутылку к пяти выбранным мной пакетам лапши быстрого приготовления.

— Карточка?

Кассир отрицательно качает головой.

— Только после десяти фунтов, минимум.

Открываю кошелек и, пока он складывает мои покупки в синий полиэтиленовый пакет, достаю наличку. И в процессе этих действий случайно замечаю приклеенное к стеклу объявление, напечатанное на листе формата А4.

Понедельник, 20 ноября, 19:00, Ратуша Хэвипорта.

Открытое собрание, посвященное обсуждению наследия Гарольда Беккета Райана, всеми любимого директора средней школы Хэвипорта и высоко уважаемого члена общества…

— Мисс?

Я тяжело сглатываю.

— …мисс?

Кассир смотрит на меня, удивленно изогнув брови. Достаю из кошелька пригоршню мелочи, но рука меня не слушается, и монеты рассыпаются по прилавку, некоторые даже скатываются на пол.

Выйдя из минимаркета, ставлю чемодан и па-

кет с покупками у стены, а сама, зажмурившись, давлю на глаза кончиками пальцев.

Просто дыши.

Надо на чем-то сосредоточиться, хотя бы на этой пустой автобусной остановке через дорогу.

Наследие Гарольда Беккета Райана.

Только не испорти мне все, девочка.

Я смотрю в сторону остановки так напряженно, что начинает резать в глазах. Смотрю, пока не начинает казаться, будто все вокруг плывет. Считаю до десяти.

Пульс постепенно приходит в норму, и мир вокруг тоже: продавец в магазине отвечает на звонок по телефону, в небе противно кричат чайки.

Беру свой пакет с покупками, указатель на Умбра-лейн зовет меня продолжить движение к цели.

Нельзя вечно это откладывать.

И вот я стою и смотрю на Чарнел-хаус, на его темные окна, а они смотрят на меня в ответ. Все дома на Умбра-лейн превосходят любые здания Хэвипорта, но дом моего детства, он превосходит их всех: в нем свободно может проживать семейство из шести человек, и стоит он отдельно от соседних — отгорожен от них проржавевшим

забором. Массивный, как танк, он доминирует над всеми жилищами вокруг: громада из серого камня словно возносится к самому небу.

Я крепко сжимаю ручку чемодана и какое-то время просто смотрю и принимаю или, точнее сказать, вбираю в себя эту картину.

В тени портика с колоннами широкие парадные двери из массива красного дерева. Каменная кладка возрастом в два века минимум уже начинает дряхлеть. Три окна на первом этаже достаточно высокие, чтобы разглядеть через них человека в полный рост.

С тех пор как я в последний раз стояла на этой садовой дорожке, прошло уже больше десяти лет; ничего не изменилось, только в окне хозяйской спальни занавеску никто ожидаемо не отодвигает.

Я подхожу к парадному входу.

В доме холодно до мурашек. Дышу в сложенные горстью ладони и оглядываю холл. Картина мрачная: пустая вешалка для одежды, под потолком — темная люстра, справа — массивная дверь, за дверью — кабинет отца (но это если мне память не изменяет). Сама того не желая, но не в силах побороть любопытство, тянусь к латунной дверной ручке. Замечаю на ней странный,

напоминающий выброшенную на берег медузу, ребристый узор и тут же отдергиваю руку.

Потом нащупываю на стене выключатель. Люстра оживает, холл заливает тусклый свет, и я невольно вскидываю брови.

Да, дом далеко не в лучшем состоянии: мебель покрыта слоем пыли, плинтусы все в пятнах плесени. А в одном углу под потолком зияет маленькая, похожая на открытый рот ребенка дыра; я смотрю туда и гадаю, что же может скрываться за этими стенами.

Черные точечки плесени и мурашки по коже.

Пронзительный телефонный звонок бьет по ушам с эффектом старого пожарного колокола. Обернувшись, замечаю на покрытом салфеткой столике древний дисковый телефон родителей. Смотрю на него и не уверена, стоит ли отвечать на звонок; ощущение такое, как будто кто-то пытается дозвониться из моего прошлого.

В итоге поднимаю трубку, она холодит щеку.

— Э-э… алло?

— Мисс Райан? — спрашивает женский голос с легким, возможно азиатским, акцентом.

— Слушаю вас.

— Это баронесса Джавери из Анкора-парк. — Звонившая выдерживает паузу, чтобы ее титул

как-то улегся в моем сознании, и продолжает: — Друг ваших родителей.

Последняя фраза звучит как-то странно, неправильно, что ли. Для меня родители никогда не ассоциировались с парой, у которой могут быть друзья.

— Их смерть для меня настоящая, невосполнимая потеря, мисс Райан.

— Вы… зовите меня Беккет.

— Вряд ли вы меня помните, Беккет, но я была знакома, то есть знала Гарольда и Диану много лет. Прекрасные были люди.

— Могу ли я чем-то вам помочь? — спрашиваю я, слегка подергивая телефонный провод.

— Просто хотелось убедиться в том, что мы увидим вас на городском собрании в следующий понедельник. Это собрание будет устроено в память о вашем отце.

— О… понимаю. Боюсь, что…

— Как председатель собрания, я выступлю с предложением, которое может вас заинтересовать.

— Но я должна вернуться в Лондон.

Повисает долгая пауза, наконец баронесса откашливается и продолжает:

— Возможно, вы не совсем сознаете, как много

сделал ваш отец для нашего города. Его уход опечалил многих и многих людей.

Я сжимаю кулак, подношу его вплотную к губам и наконец отвечаю:

— Баронесса… Дело в том… Я здесь не с визитом, а просто приехала, чтобы уладить кое-какие дела моих родителей.

— То, о чем я говорю, касается их дел в том числе.

Снова повисает пауза.

Баронесса Джавери понижает голос:

— Не хочу показаться неделикатной, но в ваш адрес, в связи со смертью ваших родителей, выдвигаются довольно резкие и при этом, я бы сказала, голословные обвинения. А теперь, когда вы вернулись, это все может очень плохо на вас отразиться… Если вы не придете на собрание.

Оглядываюсь по сторонам. Парадная дверь все еще открыта, мой чемодан стоит у порога… Я даже еще не сняла пальто.

Толкаю входную дверь ногой, дверь с сухим щелчком закрывается.

— Как вы узнали, где я?

— Это Хэвипорт, люди болтают, от них ничего не скроешь.

Невольно вспоминаю продавца и то, как он

вполголоса переговаривался с кем-то по телефону.

Баронесса делает резкий вдох и спрашивает:

— Беккет?

— Послушайте, — говорю я, — а вы не могли бы просто по телефону ввести меня в курс дела?

— Боюсь, это не представляется возможным. Мне на выходных надо еще до мелочей все выяснить, разобраться что и как. — Баронесса умолкает, и я слышу, как где-то там, откуда она мне звонит, тикают напольные часы. — Мы можем рассчитывать на то, что вы придете на собрание?

Прислоняюсь спиной к стене и запускаю пальцы в волосы.

— Хорошо, я приду.

— Вот и славно. — Интонация баронессы смягчается, не очень, но все-таки. — Значит, договорились — в понедельник, в семь вечера. Городская ратуша. До свидания.

Она прекращает разговор, а я смотрю на трубку и слушаю монотонные, как жужжание насекомых, гудки.

4

Стоя у подножия лестницы, наливаю в бокал остатки вина. Дело ближе к часу ночи, и я впервые за время пребывания в доме оказалась именно в этом месте на первом этаже.

Я просто не могла прийти сюда трезвой.

Воздух влажный и неподвижный. Смотрю вверх на лестничную площадку и буквально чувствую, как мне на плечи давит влажная тишина. В этом состоянии и в этой атмосфере даже трудно понять — одна я здесь или вдруг вот прямо сейчас смогу увидеть маленькую девочку — себя маленькую, — которая выглядывает из-за приоткрытой двери, улыбается и сразу исчезает.

Закрываю глаза.

Мама была права.

От воображения никакой пользы, одни неприятности.

Поднимаюсь по лестнице, пальцы тихо скользят по перилам, вино приятно согревает горло. Поднимаясь, чувствую тяжесть дома — вес его арматуры и цементного раствора, — тяжесть комнат, которые едва ли захочу вспомнить.

Добравшись до лестничной площадки, останавливаюсь и жду, пока глаза привыкнут к

полумраку. Прямо напротив меня у стены — зеленый комод, а на нем — ваза с длинными засохшими цветами. В зеркале, испещренном ржавого цвета пятнами, отражается мой размытый силуэт. Слева — ванная комната с той самой персикового цвета ванной. Когда-то я все это видела. Я помню.

А дальше — их спальня.

Обстановка похожа на декорации съемочной площадки: просторное, погруженное в полумрак помещение ждет, когда вернутся актеры. Мамины тапочки все еще под туалетным столиком с зеркалом, один лежит на боку. На спинке стула висит кожаный ремень. Высокая кровать с балдахином не прибрана, покрывала на матрасе сбились в складки.

В больнице мне сказали, что именно здесь они и умерли.

Я на родительской кровати никогда не спала и спать не собираюсь.

В этом доме много комнат, но в свои солидные тридцать два года я не желаю спать все ночи уик-энда на полу, так что выход у меня один.

Прекрасно это осознавая, я разворачиваюсь и направляюсь в детскую. Ту, что была когда-то моей.

От вина все немного плывет перед глазами, и дверной проем словно превращается в загадочное зеркало, из тех, за которыми тебя ждет неизвестность: возможно, шагнув в нее, окажешься в воронке смерти.

Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять…

Вхожу в комнату. У дальней стены — односпальная кровать, застелена так, будто ждала меня со дня моего отъезда. Прижимаю холодную ладонь ко лбу и крепко зажмуриваюсь.

Просто засыпай, Беккет.

Ты уже тысячу раз так засыпала.

Открываю глаза.

Надо мной нависает полумрак. Лежу неподвижно, руки и ноги как будто бетоном налились; чувство такое, будто я в течение нескольких часов не двинула ни на дюйм ни рукой, ни ногой.

В голове гудит, как в колоколе, во рту пересохло; облизнув губы, чувствую привкус железа. Переворачиваюсь на бок и обнаруживаю на прикроватном столике винный бокал, весь в красных капельках, как в брызгах после кровавого преступления.

А потом сквозь призму этого бокала вижу через холл нечто в спальне моих родителей, и от этой

картины кровь стынет у меня в жилах.

Вдавленные в кровать силуэты.

Силуэты людей.

Нет-нет, перестань.

Я в полусне, еще немного пьяна, и разное может примерещиться. Делаю глубокий вдох, несколько раз моргаю и стискиваю зубы. В памяти оживают события прошлого вечера. Ну вот, все в порядке. Вспоминаю, что, перед тем как пойти спать, заглянула в родительскую спальню и там на кровати увидела эти собранные в складки покрывала. Теперь я снова смотрю на них, и мой мозг стартует раньше сигнального выстрела.

На постели никого нет.

Но тогда почему под покрывалом шевелится чья-то ступня?

Нет.

— Нет!

Это уже я. Кричу громко, хрипло, даже закашливаюсь от выпитого накануне вина. Сажусь и спускаю ноги с кровати.

Да, это глупо, но, если не сделаю этого сейчас, всю ночь не засну. Медленно, словно какой-то ржавый дроид, встаю и, неслышно ступая, выхожу из спальни. Не поднимая глаз, прохожу мимо зеленого комода с вазой с высохшими цветами. В

зеркале скользит моя тень.

На пороге хозяйской спальни останавливаюсь и опираюсь рукой о стену. Пульс учащается.

Ты уже рядом, малышка Беккет. Просто подними голову и посмотри. Мы ждали тебя.

Я поднимаю голову и сразу расслабляюсь. Кровать пуста. Она пуста уже почти неделю, и с тех пор ничего не изменилось.

Теперь, подойдя ближе, я отчетливо вижу, где лежала моя мать те несколько часов до своей смерти: на потерявших белизну простынях вырисовывается неглубокая вмятина. Да, картина печальная.

А чего ты ожидала? Естественно, их здесь нет.

Да и откуда им здесь взяться, если меньше чем через семь часов я буду сидеть в зале, полном незнакомцев, которые составят мне компанию на кремации родителей?

5

Линн

Я беру прядь волос и прикладываю к одному глазу, как пиратскую повязку, просто чтобы посмотреть, стану ли похожа на нее, если отращу длинную челку.

Представляю себя героиней телешоу или пресс-конференции.

Репортеры засыпают меня вопросами. Например: «У вас новая стрижка?» или «Вы начали работать над новым романом?».

Смотрю на свое отражение и недовольно хмурюсь. Глупости все это, даже воображать не стоит. Волосы у меня слишком светлые, даже хуже чем светлые: они тусклые… скучно-светлые, не такие темные и загадочные, как у Беккет. Да и я сама недостаточно хороша для такой стильной стрижки, и меня уж точно не будут засыпать вопросами журналисты на какой-нибудь там конференции.

Я бы там совсем растерялась, вообще не нашлась бы с ответами, сидела бы дура дурой.

Поворачиваюсь к своей кровати, где небрежно разложена моя черная одежда. Я — эгоистка и сегодня очень хорошо это понимаю. Беккет сейчас плохо, она убита горем, а рядом нет никого, кто бы ей посочувствовал. Она совсем одна в этом большом доме, ей предстоят похороны родителей, а я тут перед зеркалом, словно какая-то школьница, изображаю разные прически. В итоге разглаживаю морщинки на платье карандаш и делаю глубокий вдох. Может, я и не смогу ей сегодня особо помочь, но попробовать в любом

случае стоит. Я могу быть другом, не приятельницей, а действительно хорошим другом.

Потом думаю о своих родителях, так и вижу, как они сидят на старом диване, сидят вместе, но не разговаривают. Я родителей не очень люблю, но, если они умрут, все равно буду горевать. А Беккет предстоит попрощаться и с отцом, и с матерью в один день. Даже не представляю, что у нее сейчас на душе.

Беккет

Быстро вышагиваю в черных кроссовках через автостоянку к крематорию Хэвипорта; на лбу выступил пот, на часах над входом — одиннадцать десять, я опаздываю.

Зазевавшись, ступаю в лужу и забрызгиваю себе брюки. В голове с похмелья гудит, да еще не выспалась и поэтому не сообразила перед выходом из дома подзарядить телефон, он по дороге сдох, и мне пришлось блуждать по улицам и переулкам.

Крематорий находится на другом конце города, еще западнее школы, так что почти всю дорогу я, хоть и было худо, практически пробежала трусцой. В душе теплилась надежда, что мое позднее прибытие останется незамеченным, так как не все придут ровно в назначенный час, но, увы, у

входа в крематорий нет ни души.

Прижимаю ладонь к двери и явственно слышу в голове голос отца: «Веди себя должным образом, Беккет. Не заставляй повторять дважды».

В зале прощаний народу битком, но при этом все из уважения к усопшим хранят молчание. Я иду по проходу, и все собравшиеся смотрят в мою сторону, совсем как стебли кукурузы клонятся на ветру в одном направлении.

— А вот и дочь явилась, — шепчет кто-то справа от меня.

— Удивительно, как она набралась смелости сюда к нам заявиться.

— Она что, в джинсах?

Я хмуро оглядываю скамьи и наконец замечаю свободное местечко в ближайшем ряду. Жестом прошу даму на крайнем месте подвинуться, она жестом просит пару секунд подождать, пока все сидящие один за другим не сдвинутся. Наконец я сажусь и благодарно ей киваю, она же просто без выражения смотрит на меня, потом поворачивается к своему, как я понимаю, супругу и что-то тихо бурчит ему на ухо.

Устроившись на скамье, расстегиваю пальто и оглядываюсь по сторонам. В зале прощаний человек двести, может даже больше. Люди пере-

дают друг другу бумажные салфетки, некоторые достают из карманов носовые платки; атмосфера несколько напряженная, как будто все как один задержали дыхание.

На деревянном постаменте бок о бок стоят два гроба, латунные ручки и прочая фурнитура поблескивают в лучах холодного зимнего солнца. Я с любопытством их рассматриваю. Гробы, на мой взгляд, всегда какие-то слишком уж большие, прямо как ладьи викингов.

Память подкидывает воспоминание, одно из очень немногих, что сохранились у меня о жизни в Чарнел-хаусе.

Иногда, если я слишком уж громко реагировала на свои ночные кошмары и разные страхи, мама проскальзывала ко мне в комнату и садилась на край кровати. А когда она начинала меня успокаивать, голос ее звучал приглушенно, как из могилы.

Тише-тише, Беккет. Брось ты свои глупости. Это все твое воображение.

– Мисс Райан? — говорит кто-то возле самого моего уха.

— Господи Исусе! — вскрикиваю я от неожиданности.

Рядом со мной стоит полная леди с добрыми

глазами; одной рукой она прижимает к груди библию, а вторую кладет мне на плечо.

— Нет, где уж мне, — сдержанно улыбаясь, отвечает женщина. — Я скорее… Его представитель.

Я растерянно моргаю, и она представляется:

— Пастор Вустер. Мы ведь говорили по телефону, помните?

— Да, конечно. — Я прижимаю влажную ладонь ко лбу. — Простите, пастор.

— Ну что вы, вам не за что извиняться. Однако мы скоро начнем, так что… — Пастор мельком смотрит по сторонам. — Вы бы не хотели сесть в первом ряду? Я оставила для вас местечко.

Мой взгляд тем временем перескакивает с одного гроба на другой и обратно, и я думаю о том, что вот Райаны наконец и воссоединились.

— Не беспокойтесь, — отвечаю я, благодарно сложив ладони у груди, — мне и здесь неплохо.

Пастор чуть склоняет голову и уходит к алтарю, кивая по пути знакомым прихожанам. А я откидываюсь на жесткую спинку деревянной скамьи и чувствую, как у меня начинают гореть уши. Теперь уж точно все взгляды устремлены в мою сторону. Прихожане не просто смотрят, они меня оценивают.

А потом что-то привлекает мое внимание. На

скамье через проход от меня в ряду мрачных мужчин в серых костюмах сидит довольно миниатюрная светловолосая женщина и смотрит на меня с милой, печальной улыбкой. Я понятия не имею, кто она такая, но ее улыбка странным образом дарит мне утешение.

А когда я улыбаюсь в ответ, ее лицо словно освещается изнутри.

Пастор в обнимку с библией возвращается от алтаря, и оба гроба одновременно медленно опускаются. В зале повисает хрупкая, как тончайшее стекло, тишина, но, когда, усыпанные цветами, гробы исчезают из виду, ее нарушает чей-то сдавленный вскрик, а потом и приглушенные рыдания.

И рыдает не какой-то один человек. Рыдают те, кто сидят передо мной и кто сидит по сторонам тоже. Даже у пастора глаза на мокром месте.

А я… Меня все это просто бесит.

Вы ведь их даже не знали! Никто из вас их не знал!

Хотя могу допустить, что эти люди имеют право вот так скорбеть по усопшим. Они собрались здесь в этом холодном, в смысле бездушном, зале, все оделись в черное и держат друг друга за руки, пока два умерших человека, которых они любили

и уважали, медленно опускаются в бушующее пламя печи крематория.

Я лишь жалею, что, стоя здесь, среди этих незнакомых людей, которые с таким пиететом относятся к усопшим Гарольду и Диане Райан, не могу в полной мере разделить их печаль.

В зале неожиданно раздается громкий женский голос:

— Я бы хотела сказать несколько слов.

Головы прихожан одновременно поворачиваются.

Я, естественно, тоже поворачиваюсь и вижу женщину лет сорока пяти — пятидесяти, она прижимает к груди скомканный в кулаке носовой платок, а рядом с ней стоит насупившийся мальчик.

Глаза у женщины покраснели от слез.

— Это ведь… это ведь позволительно? — спрашивает она.

Пастор Вустер, которая стоит у задней стены зала, кивает как-то нерешительно, а потом уже с сочувствием в голосе говорит:

— Да… да, конечно, Джоанна.

Джоанна судорожно втягивает воздух и оглядывается по сторонам, как будто только сейчас понимает, перед какой многочисленной аудито-

рией ей предстоит «сказать несколько слов».

— Я не… я не собиралась здесь выступать с какими-то там речами, но мне кажется, что я все-таки должна это сделать. — Голос Джоанны подрагивает, а ее маленький сын явно смущен и тычется лицом в бедро матери. — Мой старший, Харви, он хотел быть здесь, но не смог, не смог, потому что он сейчас в Шотландии… Он в университете в Эдинбурге, а я… мне не по карману оплатить его перелет сюда… — Джоанна смотрит себе под ноги и качает головой. — Но… но в любом случае он бы хотел быть здесь сегодня, потому что мистер Райан… Гарольд… изменил его жизнь.

Тут в зале прощаний повисает вполне ожидаемая тишина. Джоанна убирает за ухо прядь волос.

— Харви, он был трудным мальчиком, и когда он поступил в среднюю школу Хэвипорта, он и читать-то толком не умел. В общем, все на нем поставили крест. А я… что я могла сделать, ведь я — мать-одиночка. А вот Гарольд, он разглядел что-то такое в Харви, он упорно с ним занимался, тратил на него вечера в свои выходные, и вот теперь мой сын… — у Джоанны срывается голос, слезы набегают на глаза, и кто-то из ее друзей приобнимает ее за плечо. — И теперь у Харви

есть будущее, и этого будущего не было бы без его учителя. — Тут Джоанна с облегчением выдыхает и улыбается сквозь слезы. — Вот и все, что я хотела сейчас сказать.

Люди в зале вокруг меня начинают одобрительно переговариваться, потом кто-то хлопает, и совсем скоро хлопки превращаются в аплодисменты. А сын Джоанны поднимает голову, смотрит на мать и улыбается.

И тут у меня за спиной раздается уже другой голос, хриплый такой и громкий:

— Я бы тоже хотела кое-что сказать.

Аплодисменты смолкают. Слышен звук шагов. Все в очередной раз поворачиваются на голос. В проходе на кресле-каталке пожилая леди, колени ее укрыты шерстяным одеялом.

— Мы из дома престарелых, того, что на холме.

И да, она не одна: по флангам от ее кресла-каталки стоят четверо стариков в униформе.

— И я сейчас расскажу вам о Гарри Райане… О Гарри? Да нет же, он был не просто Гарри, он был самым что ни на есть Бобби Дэззла[2]. — Собравшиеся в зале прощаний умиленно смеются, атмосфера становится почти домашней. — Он

[2] Примечания: 2

Название огромного самородка, бобби дэззла. Здесь в значении «замечательный человек»

приходил к нам раз в месяц и читал нам вслух. Какое же это было наслаждение. И читал он не какую-нибудь там современную чушь, как бы сам Гарри это назвал, нет, он читал нам классику… «Грозовой перевал», Диккенса… О, это было так чудесно. Будь на то моя воля, я бы посвятила его в рыцари.

В зале снова смеются и хлопают в ладоши. Некоторые даже выкрикивают что-то типа мягкой формы «вау!». В общем, церемония прощания начинает походить на ток-шоу.

— И я… я тоже хочу кое-что сказать.

Все головы поворачиваются влево.

А мне как будто иглу в сердце воткнули.

— Я Саймон, Саймон Слейтер.

Голос молодой, даже подростковый.

Он встает в одном из первых рядов. Костюм на нем, прямо скажем, сидит плоховато.

— Некоторые из вас наверняка думают, что я тот еще засранец. — Саймон говорит с улыбкой, и его простодушное заявление вызывает серию смешков в зале. — Но сказать по правде, я не знаю, где бы сейчас оказался, если бы не мистер Райан. — Саймон принимается внимательно разглядывать носки своих туфель. — В школе я действительно был говнюком, да еще и веч-

но валял дурака, учиться совсем не хотел, но мистер Райан относился ко мне не так, как все остальные, все остальные ведь считали, что от меня одни проблемы и толку из меня никогда не выйдет. А мистер Райан прикинул, что в чем-то же я могу быть хорош, ну и я сказал ему, что хочу стать абористом, это такие специалисты, которые ухаживают за деревьями, как врач за людьми. И перед тем как заболеть, мистер Райан устроил меня на специальные курсы… и… вообще. — Саймон сбивается, мне тоже кажется, что я вот-вот пущу слезу, но он сглатывает и продолжает: — Мой старик бросил мать, когда я был совсем мелким, так что отца у меня, можно сказать, никогда и не было, но мистер Райан, он… он присматривал за мной, как за родным сыном.

Меня словно резко ударяют под дых, сильно так, как тараном. Я хватаюсь за живот и едва не задыхаюсь. Да, ощущение такое, будто меня ударили, хотя ко мне никто не прикасался и даже в мою сторону никто не смотрел.

Начинает кружиться голова.

Так горюют потерявшие близких люди? Скорбь настигает внезапно, как меткий выстрел из арбалета?

Опираюсь на край скамьи и оглядываюсь на

вход в зал прощаний. Зрение затуманивается. Я больше не могу здесь находиться. Мне надо отсюда уйти.

Линн

Слезы текут по щекам, все салфетки я уже использовала, щиплет глаза.

Но я плачу не по Гарольду и Диане. И не рассказы Джоан Уизерс и Саймона Слейтера так меня растрогали. Я плачу из-за нее.

— Ну что ж… Всем спасибо за добрые слова, — говорит пастор, и в это время все в зале наблюдают за тем, как Беккет идет к выходу из зала прощаний. — Предлагаю открыть свои программки, сегодняшнюю службу мы закончим гимном с четвертой страницы — «Пребудь со мной».

Двери за ней захлопываются. Начинает играть орган.

А я протискиваюсь мимо людей в моем ряду.

— Простите, извините, простите меня.

Люди перешептываются, но мне плевать, я иду к дверям.

Думаю, я знаю, куда она направилась.

6

Беккет

Я иду на побережье, морской воздух уже поку-

сывает щеки, от встречного ветра приходится пригибаться. Здесь, ближе к скалам, тихо и безлюдно; я, сжав кулаки в карманах пальто, иду прямо посреди дороги.

Он присматривал за мной, как за родным сыном.

Живо представляю мальчишеское лицо Саймона Слейтера: в ярком свете зала прощаний оно было розовым, как ветчина. Парень говорил искренне, не соврал ни словом… Все они там говорили искренне. Но человек, которого они восхваляли, не был моим отцом, это был плод воображения целого города.

Гарри Райан, Бобби Дэззла.

В трудный момент всегда рядом.

Я останавливаюсь и прислоняюсь к столбу в ограде. Легкие работают, как кузнечные мехи, в горле что-то клокочет — не пойму, то ли крик рвется наружу, то ли рыдания, — зажмурившись, тяжело сглатываю. Потом начинаю считать в уме. За веками проплывают разноцветные пятна. Когда досчитываю до десяти, неприятное ощущение постепенно уходит. Прикладываю прохладную ладонь ко лбу и тут же отдергиваю — ладонь вся мокрая. Погода сменилась, утреннее солнце уступило место противному моросящему

дождику, надвигаются темные тучи, но я не собираюсь возвращаться в Чарнел-хаус. Пока еще не собираюсь. Покинув крематорий, я тем же путем вернулась на Умбра-лейн, а потом пошла дальше на восток, перешла через железнодорожные пути и пошла дальше, следуя своему чутью, по старой фермерской дороге. По мере моего продвижения ландшафт становился шире, а воздух чище.

А прочувствованные похвалы в адрес отца продолжают звенеть у меня в ушах.

С того места, где я стою сейчас, уже можно услышать, как бурлит, шипит и пенится океан. Столб, к которому я прислоняюсь, соседствует с перелазом, и мой внутренний компас подсказывает: если пройду через болотистое поле, то выйду к обрывистым красным скалам Хэвипорта. Вообще-то, я не до конца понимаю, что здесь делаю, но чувство такое, будто меня влечет какая-то невидимая сила, и я готова ей подчиниться. Я пойду куда угодно, только не в этот дом; надо где-то провести час или два, пока в голове не прояснится.

Пока тащусь вверх по идущему под уклон полю, грязь заляпывает кроссовки, наконец выбираюсь на ровное открытое пространство, где ветер хлещет меня по лицу и дергает за полы пальто, словно нетерпеливый ребенок.

Теперь мне открывается перспектива темного, покрытого рябью Ла-Манша, а на фоне белесого неба вырисовывается одинокий силуэт маяка. Когда подхожу ближе, становится ясно, что маяком не пользуются уже много лет: большинство окон разбиты, краска на рамах облезла, повсюду ржавые пятна. На месте двери зияет, словно разинутая беззубая пасть, огромный проход в стене.

Вглядываюсь туда, пытаясь разглядеть детали обстановки. Я бывала здесь раньше, точно бывала.

Рядом с маяком стоит металлический знак:

ВНИМАНИЕ!

УГРОЗА ОПОЛЗНЕЙ

СОБЛЮДАЙТЕ ОСТОРОЖНОСТЬ

НЕ ПОДХОДИТЕ К КРАЮ ОБРЫВА!

Стоит под углом, как будто клонится к земле, сознавая всю тщетность своего существования: люди сюда приходили, и, судя по смятым пивным банкам и серым следам от кострищ на траве, совсем недавно.

Я решаю рискнуть и прохожу мимо знака; в нос сразу ударяет соленый запах моря. Ближе к обрыву ветер становится резче, да еще стонет тоненько так, по-девичьи. У меня даже мурашки по спине пробегают.

— Привет, — негромко говорит кто-то у меня за спиной.

Я вздрагиваю от неожиданности и, обернувшись, вижу возле предупреждающего знака миниатюрную молодую женщину из зала прощаний, ту самую, что печально мне улыбалась.

У меня от удивления челюсть отвисает.

— П-привет, — отвечаю я, но мое приветствие скорее похоже на вопрос.

Что, черт возьми, она здесь делает? Маяк больше чем в миле от крематория.

— Вы были на похоронах.

Женщина чуть наклоняет голову и внимательно на меня смотрит. Сейчас ее черед говорить, но она, похоже, этого не понимает.

— Я Беккет.

Она кивает:

— Беккет Диана Райан.

Очень хочется отступить назад, но обрыв слишком уж близко.

— А вас как зовут?

Женщина морщит нос, как будто я сказала что-то смешное.

— Линн. И давайте на «ты».

Я откидываю с глаз влажную челку и внимательнее ее рассматриваю. Растрепанные светлые

волосы цвета капучино, глаза выразительные, чуть раскосые, как у лани, черты лица тонкие, эльфийские, кожа нежная, с россыпью малюсеньких, как у ребенка, веснушек. Она симпатичная, но сама этого не сознает.

Я смотрю ей за плечо.

— Ты могла бы остаться, если б захотела. В крикетном клубе — поминки.

— Знаю, — говорит Линн и делает шаг вперед. — Просто хотела убедиться, что ты в порядке.

Сначала я думаю, что это довольно мило, но потом понимаю, что она, скорее всего, появилась со стороны маяка, как будто пришла сюда раньше меня, как будто знала, что я из крематория направлюсь именно сюда.

— Слушай, а как ты узнала, что я приду к маяку? — спрашиваю я, стараясь говорить непринужденно, но получается не очень.

Линн краснеет.

— О, это… ну… это долгая история.

— Что ж, готова послушать, люблю истории.

— Знаю, я прочитала все твои книги.

Я искоса поглядываю на Линн и поднимаю воротник пальто.

— Извини, а мы раньше…

— Встречались ли мы? — заканчивает за меня

Линн и не может сдержать улыбку, а потом подходит еще ближе и понижает голос, как будто делится со мной некой тайной за семью печатями: — Конечно мы встречались, Беккет. Я — твоя лучшая подруга.

7

Линн

— Ты… прости, что?

Беккет в шоке. Мы только заговорили, а я уже ляпнула что-то не то.

— П-подожди, ты… ты не поняла. — Я запинаюсь и сжимаю кулаки. — Это, наверное, звучит дико…

Беккет не отвечает.

— Я хотела сказать, что была твоей лучшей подругой, когда мы обе были маленькими.

Она вскидывает брови.

— Да-да, все верно. — Беккет смеется. — Прости, я было подумала, что ты маньячка какая-нибудь.

Я понимаю, что она это не всерьез, но ее слова все равно причиняют мне боль.

— Мы в школе учились в одном классе, — говорю я и убираю волосы за уши. — На всех уроках сидели за одной партой.

Я жду. Она молчит.

— На переменках вместе играли, и ты делилась со мной своим ланчем. Мы решили, что всегда будем держаться вместе, даже если… — Я умолкаю, а она морщится. — Ты не помнишь?

— О, ничего личного, поверь. У меня о жизни в Хэвипорте до школы-интерната остались только обрывочные воспоминания, да и то по пальцам сосчитать.

Главное, не паниковать. Она все вспомнит. Ей просто нужно время.

— А теперь, — Беккет взмахом руки указывает на маяк, — вернемся к твоей длинной истории. Ты знала, что я после похорон пойду именно сюда, так?

— Угу.

— Чтоб меня, Линн, даже как-то жутковато от этого.

А я улыбаюсь, знаю, что не следовало бы, но ничего не могу с собой поделать.

— Я не шучу, — говорит она.

Улыбка тут же слетает с моего лица.

— Нет-нет, прости… я… — У меня начинают дрожать колени; кажется, я действительно все запорола. — Я понимаю, что ты не шутишь. — указываю на маяк. — В детстве он был нашим секретным убежищем. Мы постоянно сюда при-

ходили.

Беккет хмурится и оглядывается по сторонам.

— Мои родители разрешали нам здесь играть?

— Мы говорили им, что идем играть ко мне. А мои родители… ну, им было все равно, где я и чем занимаюсь.

Беккет какое-то время молча смотрит на меня, а потом уточняет:

— То есть этот маяк был… нашим личным девчоночьим клубом?

Я радостно улыбаюсь:

— Да! Это был наш личный клуб, и мы всегда могли здесь ото всех укрыться. — Я снова смотрю на маяк. — Там на самом верху, в старой диспетчерской, есть люк; если закрыть его на засов, до тебя никто не доберется. Это было наше тайное убежище.

Беккет прищуривается, как будто пытается что-то припомнить, а я смотрю на пролив.

— В детстве, когда мы из-за чего-нибудь злились или нам было из-за чего-то грустно, мы прибегали сюда, становились на краю обрыва и кричали во все горло. Нам казалось, если будем кричать достаточно громко, ветер подхватит все плохое, что делает нам больно, унесет далеко в море и бросит там, и это плохое больше никогда

не вернется.

Птица, охотясь за рыбой, пикирует в черную воду. Я жду, когда она вынырнет.

— И как? Срабатывало?

— Что? — Я поворачиваюсь к Беккет.

Она слегка улыбается:

— Этот наш ритуал. Срабатывал?

— О… не знаю. Иногда.

Беккет поднимает с земли камешек и трет его большим пальцем.

— Интересно, для взрослых такие ритуалы срабатывают? Или только для детей? — спрашивает саму себя Беккет и забрасывает камешек в воду.

Я слежу за его падением.

— О чем ты?

— Да так, ерунда. — Беккет качает головой. — Тебе не обязательно слушать о моих проблемах.

— А ты расскажи, поделись со мной.

Беккет вроде как собирается поделиться, но в итоге не решается и, проведя рукой по волосам, говорит:

— Брось, Линн, ты же не психотерапевт. И мы с тобой, по сути, чужие люди.

— Нет… мы не чужие.

У меня сжимается сердце. *Мы не чужие.*

– Я просто устала, вот и все. Не могу спать в этом

жутком старом доме.

— Правда? А мне он всегда казался таким красивым.

Мне нравилось приходить играть в Чарнелхаусе, там были такие просторные комнаты и столько мест, где спрятаться.

— Думаю, когда-то он действительно был красивым, но после того, как отец заболел, за домом перестали следить, и теперь он, что называется, пришел в запустение. — Беккет потерла глаза. — Прежде чем выставить его на продажу, там надо провести очень серьезные работы, а я не могу себе этого позволить.

Я морщу лоб:

— А как же гонорары за все твои книги?

Беккет на секунду замирает и смотрит в сторону города.

— Мне пора идти, — говорит она.

Прикусываю язык — снова напортачила.

— Прости, я не хотела совать нос…

— Да нет, все в порядке. Просто… просто мне надо разобраться с кое-какими бумагами в доме. Родительские дела, ты понимаешь…

Дождь усиливается. Тяжелая капля падает мне на шею и скатывается по позвоночнику. Беккет застегивает пальто.

— И спасибо тебе. — Она смотрит на меня. — Спасибо, что пришла, чтобы посмотреть, как я.

— Да не за что. Мне это ничего не стоило.

Я бы для тебя что угодно сделала.

— А теперь… — Она смотрит мне за плечо. — Интересно, какой самый короткий путь домой. Тот, каким я пришла?..

Я кое-что украла у тебя, Беккет.

— Нет, вряд ли. Я поднялась сюда от линии Шоттс…

Я забрала кое-что твое, когда мы были детьми, а потом так и не вернула.

— …на пути будет старая ферма, ее надо обойти…

Однажды, очень скоро, я расскажу тебе об этом. Но не сейчас. Сначала мне нужно, чтобы ты стала мне доверять.

— После перелаза сверни налево, — говорю я, — так выйдешь на главную дорогу, которая приведет тебя к железнодорожному мосту. Двадцать минут — и ты дома.

— Спасибо. — Беккет кивает вниз по склону. — Ты идешь?

Отчаянно хочу пойти с ней, быть с ней — это все, чего я хочу, но действовать надо осторожно. И так уже успела достать ее своими глупыми

вопросами. Чтобы стать подругой Беккет, надо держаться холодно, как она.

— Да нет. Побуду здесь еще немного… понаблюдаю за птицами.

Беккет с любопытством смотрит на меня и выше поднимает воротник пальто.

— Понятно. Ну что, еще увидимся?

— Конечно, — говорю я и, провожая ее взглядом, повторяю: — конечно, мы еще увидимся.

8

Беккет

Я сижу на полу в отцовском кабинете с высоким потолком и обшитыми деревянными панелями стенами, причем сижу, вытянув перед собой широко расставленные ноги, совсем как двухтрехлетний ребенок. Рядом картотечный шкаф, нижняя полка выдвинута, на паркете веером рассыпаны старые банковские выписки, у моего бедра пристроилась украденная из родительского домашнего бара липкая бутылка рома.

Когда поднимаю бутылку, ром замедленно плещется, сразу понятно — не какое-то сухое вино. Подозреваю, в детстве мне не дозволялось входить в эту комнату, но я наверняка частенько пробиралась сюда тайком. Пусть я этого не

помню, но обстановка в кабинете кажется мне знакомой: двухтумбовый стол с покрытой пятнами столешницей из зеленой кожи; дымный аромат древесины; щель под дверью, достаточно широкая, чтобы выдать крадущегося мимо человека.

Делаю глоток рома и морщусь.

Видел бы ты меня сейчас, отец. Пью твой ром, копаюсь в твоих банковских бумагах. Это послужило бы достаточным оправданием для того, чтобы выкрутить мою маленькую ручонку, верно? Не сильно, а так, чтобы кожа покраснела. Так сказать, предупредительный выстрел.

Под завалом из банковских бумаг пищит мой телефон.

Зейди: Надеюсь, сегодня все прошло не слишком ужасно. З. х[3]

Я отъезжаю по полу назад, прислоняюсь к картотечному шкафу и улыбаюсь, глядя на экран телефона. Из Лондона я уехала меньше двух дней назад, а кажется, что прошло уже две недели.

Беккет: Была на худших двойных похоронах. Теперь отпиваюсь ромом.

Зейди печатает ответ, а я тем временем делаю

---

[3] Примечания: З

Х в конце смс означает поцелуй или искреннюю симпатию.

еще один большой глоток рома.

Зейди: Как там родной городок? С тобой еще не провели ритуал «плетеного человека»?

Беккет: Нет пока. Но ты должна знать… у тебя есть конкурентка.

Зейди: Только не говори, что встретила кого-то, кто может поименно перечислить всю десятку из команды «Блейзинг сквод»[4].

Беккет: Если бы. Но у тебя действительно соперница в департаменте лучших друзей.

Зейди: Объясни.

Поеживаясь возле острого угла шкафа, вспоминаю встречу с Линн на скале у маяка. То, как она неподвижно там стояла и ждала, когда я с ней заговорю. Вспоминаю ее ангельское личико под моросящим дождем.

Беккет: Она пошла за мной после похорон и сказала, что мы с ней в начальной школе были лучшими подружками. Знает мое второе имя и еще много чего. А я ее вообще не помню.

Зейди: Похоже на какой-то подвох.

Беккет: Она действительно… уникум. Чувствуется энергетика сталкера. Вот что происходит, если с детства никуда из Хэвипорта не уезжать.

---

[4] Примечания: 4

«Блейзинг сквод» (Blazing' Squad) — английская хип-хоп-группа.

Вытянув шею, смотрю в эркерное окно на улицу. Припаркованные на ночь машины уже покрылись инеем. В этом городе с наступлением темноты становится очень тихо, я бы сказала — пугающе тихо.

Снова светится экран телефона.

Зейди: Постарайся там, чтобы она тебя не убила. То есть мне, конечно, все равно, но я СЛИШКОМ СТАРА, чтобы искать другую верную собутыльницу.

Беккет: На 70% уверена, что не убьет.

Зейди: Воспользуюсь шансом. Спи спокойно, дорогая. x

Беккет: Доброй ночи x

Закрываю телефон, бросаю его обратно в кучу банковских бумаг и, пока он скользит по счету кредитной карты, вспоминаю, почему вообще сижу в этой комнате. Ситуация моя плохая — об этом я уже несколько месяцев как знаю, — но час, потраченный на изучение финансов Райана, показал, что все еще хуже, чем я думала.

Гарольд и Диана были трудолюбивыми и богобоязненными гражданами. Они, в общем-то, следили за своими финансами, жили по средствам и умудрялись откладывать. Но то, что не было потрачено на лечение деменции отца в

домашних условиях, на прошлой неделе было пожертвовано благотворительному фонду по борьбе с домашним насилием в Эксетере, притом что в завещании указано, что, как только Чарнел-хаус будет продан, первые триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов должны быть направлены в среднюю школу Хэвипорта для строительства новой научной лаборатории самого высокого технического уровня.

Тогда, и только тогда будет обеспечено положение завещания, касающееся единственной наследницы покойного.

Думаю о пятнах плесени на стенах, о скрипах и стонах, которые слышу здесь ночью. Дом холодный и запущенный. Рынок недвижимости — не та тема, в которой я разбираюсь, но Хэвипорт вряд ли можно назвать быстро растущим городом, и хотя отцовский дом большой и просторный, все в нем устарело еще десять, а то и двадцать лет назад. Без общего косметического ремонта деньги от его продажи не покроют строительство новой научной лаборатории.

Неуклюже повернувшись на заднице, беру из кучи бумаг потрепанный лист с загнутыми краями и снова заставляю себя прочитать набранный печатными буквами текст. Это не одна

из банковских выписок отца, нет, этот документ я привезла с собой.

Вверху страницы жирным красным шрифтом набрано:

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ
ПО ИПОТЕКЕ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ПО ИПОТЕКЕ

Ref: Беккет Райан, 108 Уолдорф Райз, Лондон, почтовый индекс W11 3VP

Уведомляем вас о том, что, поскольку вы с сентября 2022 года регулярно не погашаете ипотечный кредит, ваша задолженность достигла неприемлемого уровня. С этого момента мы вправе принять меры и в силу этого требуем полного погашения оставшейся задолженности.

Если платеж не будет произведен незамедлительно, у нас не останется иного выбора, кроме как вернуть недвижимость в нашу собственность.

Семь лет назад я подписала самый крупный в своей жизни контракт на написание книги, это была фэнтезийная трилогия «Небеса Хеллоуина», а сумма была шестизначная. Тогда я впервые в своей взрослой жизни почувствовала себя по-настоящему богатой и, не раздумывая, купила квартиру в Ноттинг-Хилл, не гламурное какое-нибудь жилье, а скромную квартирку, но при

этом дорогую и желанную плюс в двух шагах от Портобелло-роуд. В то время у меня были деньги и были перспективы и казалось, что так будет всегда. Именно что казалось.

Таким образом, после того как в понедельник будет определена стоимость Чарнел-хауса, я более или менее обрету почву под ногами. То есть пойму, сколько тысяч фунтов смогу «поднять», чтобы спасти мое скромное жилье в самом престижном районе Лондона.

Так и слышу голос матери: «У других людей, в отличие от тебя, есть реальные проблемы, а не какие-то выдуманные».

И она права.

Мама, ты всегда права.

Снова берусь за бутылку рома, поеживаюсь — в доме-то прохладно, — хмуро смотрю на пирата на этикетке. Да, это она бы тоже не одобрила. Женщине не подобает пить крепкие напитки. Закупориваю бутылку.

Впереди ночь в холодном доме, и для согрева логичнее заняться отоплением.

В подвале и без того холодно, так еще и пол каменный. Потерев ладони, щурюсь и смотрю на древний газовый котел родителей. Лет ему немерено, он бы отлично смотрелся в парке

аттракционов в стиле стимпанк — эдакое нагромождение или сплетение покрытых известковым налетом труб, воздуховодов и непонятно что показывающих счетчиков.

На вогнутой табличке для пользователей все еще можно прочитать:

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПОМОЩИ ЗВОНИТЕ ПО ЭТОМУ НОМЕРУ _____ (ТОЛЬКО В РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ)

Посмотрев чуть выше этой таблички, вижу брошюрку, и на душе становится как-то полегче. Руководство по эксплуатации? Встаю на цыпочки, чтобы до нее дотянуться, но теряю равновесие, и брошюрка падает в узкую щель между стеной и котлом отопления. Просовываю руку в эту щель. Ощущение не из приятных… Что там? Паучьи гнезда? Дохлые мухи? Отшелушившаяся человечья кожа?

Просовываю руку до самой подмышки и наконец нащупываю краешек этой самой брошюры.

Перемещаю вес, чтобы ее вытащить, и в этот момент делаю тревожное открытие: не знаю как, но я застряла.

И мне почему-то делается смешно. То есть это все как-то слишком уж глупо, что ли.

Мама, помоги.

А потом смеется кто-то еще, и мне становится совсем не смешно.

Я резко оглядываюсь:

— Кто здесь?

Смеялся не взрослый. Это был ребенок.

Моя рука все еще в капкане у котла. Я напрягаю зрение, пытаюсь разглядеть хоть что-то, хоть какой-то намек на движение в темноте.

Бледный намек на живую плоть.

А потом физически это ощущаю: маленькие холодные пальчики прикасаются к моим пальцам.

— Нет!

Я в ужасе отдергиваю руку и обдираю ее о неровную, колючую стену. Пошатываясь, отступаю на шаг и, бухнувшись на задницу, прижимаю оцарапанную руку к груди… верещу от омерзения, пока у меня по боку, а потом и по животу быстро бежит семейка каких-то насекомых.

— Брысь… пошли прочь…

Отмахиваюсь от них свободной рукой, и они растворяются в темноте. Боль уплотняется под кожей, на ссадине выступают капельки крови, словно головастики вылупляются.

Лежу с открытыми глазами.

Я дома?

Нет.

Здесь слишком темно, прямо как в пещере. И слишком холодно.

Пробую ощупать матрас по бокам от себя, но руки не слушаются. Пытаюсь поджать пальцы ног и повернуть ступни, но они как будто в капкане… И тут я вспоминаю.

Я лежу в своей детской кровати в спальне на втором этаже в Чарнел-хаусе.

От паники замирает сердце.

Я не должна лежать в этой кровати. И вообще не должна быть здесь.

Я внутри дома, и он наблюдает за мной, чуть покачиваясь и поскрипывая, как пришвартованная к пристани лодка. Он знает, что я здесь, знает, что не могу пошевелиться, ему это нравится, и он показывает мне, беспомощной, разные картинки.

Пакеты с мукой в кладовой.

Притаившийся в водоотводной трубе паук.

Тебе надо проснуться, Беккет. Ты еще спишь. Все это не имеет отношения к реальности.

Зловещие красные скалы Хэвипорта. Пенящиеся над склизкими водорослями волны. Покрытый ржавчиной якорь. Маленькая девочка, убившая своих родителей.

Тебе это снится, снится, снится.

Дыхание у меня учащается, становится пре-

рывистым, я чувствую привкус крови во рту и неприятную тяжесть в желудке. Надо проснуться. Надо, чтобы кто-нибудь меня разбудил.

Мама?

Матрас у меня в ногах прогибается под чьим-то весом, одеяло натягивается… Так было всегда, когда она тихо садилась на край кровати, чтобы за мной присмотреть. Я жду, когда мама заговорит. Жду, когда скажет приглушенным, словно доносящимся откуда-то издалека голосом: «Тише-тише. Успокойся, это все твое воображение. Ты в своей постели, ты в безопасности, тебе ничто не угрожает».

Но жду напрасно.

Застонав, приподнимаю голову, чтобы встретиться с ней взглядом, и вижу на краю кровати черную сгорбленную фигуру. У нее нет глаз и рта, нет волос на голове. Безликая фигура смотрит на меня, и стон застревает у меня в горле.

Комнату окутывает тишина.

Фигура наклоняет голову, как какое-нибудь любопытное животное, шея у нее хрустит, как будто кто-то наступил на дровяное коротье для растопки. Звук становится громче, заполняет комнату, и мне уже трудно дышать. Я не могу пошевелиться. Не могу закричать.

Шея этого непонятного существа сгибается под нереальным углом, кажется, еще чуть-чуть — и кожа его лопнет от натяжения, и тут оно падает на кровать, как сброшенная простыня или покрывало.

Я обретаю свободу, как будто с меня сняли наручники. Судорожно ощупываю матрас, приготовившись к столкновению с живым существом, кем бы оно ни было. Но рядом никого нет. В этом доме я абсолютно одна.

Никого и ничего изначально рядом со мной не было.

9

Вечер понедельника, четыре дня с моего прибытия в Хэвипорт. В ратуше людно и шумно, стены эхом отражают людские голоса, ложки позвякивают о края чашек.

Мы с Линн устроились в укромном уголке ближе к задней части зала, но мое присутствие не осталось незамеченным: каждые секунд двадцать кто-нибудь обязательно отвлекается от разговора с собеседником и украдкой смотрит на меня из-за завесы поднимающегося от чашки с чаем пара.

Наконец со сцены раздается голос, который пе-

рекрывает всю болтовню и прочие звуки в зале:

— Добрый вечер, всем добрый вечер.

За кафедрой стоит высокая, эффектная женщина; она оглядывает собравшихся и продолжает:

— Ну что ж, полагаю, мы все готовы начать?

В зале воцаряется тишина.

Я стараюсь не смотреть в сторону сцены.

— Добро пожаловать в ратушу на наше открытое собрание. Для тех, кто еще со мной незнаком, представлюсь: я — баронесса Джавери, и это собрание посвящено памяти достойного во всех отношениях Гарольда Райана, который, к нашему прискорбию, почил в своем доме на Умбра-лейн в начале этого месяца…

Голос баронессы звучный и властный, а я, пока ее слушаю, пытаюсь привести мысли в порядок. У меня в голове полная каша: ночью накануне этого собрания я почти не спала, и не только ром тому виной.

Я видела нечто в темноте.

— Как вы, должно быть, слышали, Гарольд проявил необычайную щедрость и завещал значительную часть своего состояния на строительство новой научной лаборатории при средней школе Хэвипорта. — (Теплые, прочувствованные аплодисменты.) — Этот проект преобразит

школу, в которой уже много лет не обновлялось оборудование и остро ощущается нехватка учебных площадей. Польза от этих преобразований, несомненно, станет существенной для многих поколений жителей Хэвипорта. И в память об этом на стене школы появится мемориальная доска с именем Гарольда, но не только; там же будут выгравированы имена его отца Уоллеса и его деда Беккета, которые были директорами нашей школы и, кроме того, их почитали в округе за волонтерство и социальную активность.

Стоило баронессе упомянуть моего тезку прадеда Беккета, как тела вокруг меня словно начали слегка вибрировать; это имя незримо повисло у меня над головой.

— Но помимо этого, — продолжает баронесса, — мне хотелось бы обсудить то, как мы, горожане, сможем наилучшим образом выполнить обязательства Гарольда перед нашим городом. Семья Райан заложена в ДНК Хэвипорта, и наш долг сохранить их наследие, как хотели бы того Гарольд и его любимая супруга Диана.

Любимая супруга.

– И благодарю вас всех за то, что пришли.

Я смотрю на Линн, которая сидит рядом со мной, сцепив руки на коленях. Она перехватыва-

ет мой взгляд и улыбается.

— Буквально через минуту у каждого из вас будет возможность высказаться, но сначала я бы хотела выступить с предложением, которое, как мне представляется, поспособствует достижению наших общих целей. — Баронесса прикрывает ладонью глаза. — Кен, не мог бы ты чуть убавить свет?

Невидимый Кен откликается на просьбу баронессы, и зал ратуши словно бы погружается в сумерки.

— А теперь взгляните на это фото, — предлагает баронесса.

На стене за трибуной — экран, и на нем появляется не особо четкий слайд. Там — мой отец: ворот рубашки расстегнут, галстук ослаблен, гоняет мяч с командой радостных, возбужденных детей, а на заднем плане какие-то флажки и вроде как палатка с пирожками или пирожными.

— Кто-то из вас, возможно, помнит этот день — июль девятьсот девяносто… девятого? Да, кажется, девяносто девятого. Эта фотография была сделана на одном из мероприятий, которые Гарольд организовал для сбора средств для местной детской благотворительной организации. И мы все, глядя на это фото, можем увидеть, как много

для него значила эта деятельность настоящего филантропа…

Июль 1999 года

— Мам, а где папа?

Я в кухне, сижу за столом, завтракаю.

— Говорила же, он весь день пробудет в школе.

Мама стоит у раковины и отвечает мне, даже не оглядываясь через плечо.

— Но сегодня суббота.

На столе рядом с глубокой тарелкой с овсяными хлопьями лежат странички с моим новым рассказом. Я сочиняла его целых четыре недели, скрепила все страницы и даже нарисовала обложку, так что мое сочинение похоже на всамделишную книжку.

— Хочется, чтобы он прочитал мою историю, — говорю я, размазывая ложкой хлопья по тарелке. — Мы ведь почитаем вместе, когда он вернется, да?

— Папа вернется сильно уставшим.

— Так всегда, он всегда устает.

Мама замирает возле раковины, потом стягивает с рук желтые перчатки для мытья посуды и оборачивается ко мне лицом.

— Ты хоть знаешь, чем занят сегодня твой отец? — спрашивает мать и указывает на парад-

ную дверь в дом.

Я отрицательно качаю головой.

— Он сейчас в школе. Он в школе в свой выходной и проводит благотворительный сбор. Сбор денег для нуждающихся маленьких детей. Для маленьких и нуждающихся, а не для таких, как ты, которые живут в больших домах и у которых есть все, что они пожелают. Для маленьких, бедных и, может, даже оставшихся без одного из родителей. Это ты понимаешь?

Я киваю и молча разглядываю скатерть.

— И знаешь, Беккет… Эти твои рассказы… — Мама выдыхает, как будто ей становится грустно. — Неплохо бы нам об этом поговорить.

Я растерянно моргаю. Просто не понимаю, о чем она. А мама кладет перчатки в раковину.

— Твой отец… — говорит мама, — он… Мы считаем, тебе лучше заканчивать с этим сочинительством.

Я морщу лоб.

— Почему?

— Просто мы считаем, что все эти ведьмы и эльфы…

— Тролли, мам.

— Не важно, называй как хочешь, главное, что из-за них тебе снятся кошмары.

Они ничего не понимают. Ничего не понимают и не знают о моих кошмарах.

— Чушь собачья.

Мама распрямляет спину.

— Прошу прощения, что? Ты где таких слов нахваталась?

— Кошмары мне снятся вовсе не из-за моих рассказов. Мои рассказы, наоборот, меня успокаивают, мне лучше становится, когда я сочиняю.

— Твой отец говорит…

— Да что он вообще знает? — Я ударяю кулаком по столу рядом с тарелкой, которая подскакивает и переворачивается, а хлопья оказываются на столе. — Он никогда не читал мои рассказы. И ничего не понимает, потому что никогда их не читал!

Я очень стараюсь не расплакаться, ведь считается, что я уже далеко не ребенок, но слезы все равно набегают на глаза.

Дыхание у мамы учащается.

Молоко капает со стола, а у меня тошнота подступает к горлу.

У кого-то звонит телефон.

— Будьте добры, переведите телефоны в беззвучный режим, — говорит баронесса. — Надеюсь, мы сможем продержаться сорок пять минут

без рингтона «Кэнди Краш».

В зале раздаются сдавленные смешки, а потом снова звонок.

Все поглядывают в мою сторону, а я прижимаю ладонь к карману и, поморщившись, извиняюсь:

— Простите, простите…

Достаю телефон. Это мой агент. Отклоняю звонок и перевожу телефон в беззвучный режим.

Спустя несколько секунд на экране появляется сообщение:

Беккет, ты должна что-нибудь для меня написать. Не забыла еще, как это делается? У тебя чертовски хорошо получается. Никакого давления. Говард. x. P. S. Немного давления.

Через несколько рядов впереди меня встает мужчина и, чтобы привлечь внимание, поднимает руки с открытыми ладонями:

— Простите, но я просто не готов это дальше терпеть.

— Вообще-то, Джозеф, я пока еще не давала слово желающим выступить, — говорит баронесса.

— Знаю и прошу прощения за несдержанность, но хотелось бы кое-что сказать, прежде чем мы продолжим. — Джозеф поворачивается и смотрит прямо на меня. — Я считаю, что хватит нам уже притворяться, будто ее тут нет.

Жители Хэвипорта следят за его взглядом, и вскоре я оказываюсь в центре их внимания. Все лица собравшихся в ратуше обращены ко мне.

— Джозеф… — Баронесса отходит от трибуны. — Я не думаю, что сейчас время и место…

— Если кто меня не знает, я — Джозеф Арнольд, мы с женой держим кофейню «На берегу». А еще я пишу для местной газеты, и у многих из вас будет возможность прочитать мою статью, то есть колонку за этот месяц. — В зале раздаются одобрительные возгласы, кто-то даже хлопает в ладоши, а Джозеф снова смотрит на меня. — Мисс Райан, вам это может показаться странным, но смерть ваших родителей отразилась на всех и каждом в этом зале. Мы все скорбим. Я не хочу, чтобы меня сочли мстительным и потому намерен прямо здесь и сейчас поставить вас в известность… — Он затыкает большие пальцы за ремень и продолжает: — Вам следует знать, что мы считаем вас, пусть не на сто процентов, но виновной в их смерти.

Зал согласно гудит. Я бросаю взгляд на баронессу, но она отходит еще дальше от трибуны и прикрывает рот ладонью. Помощи ждать не приходится, и я просто стараюсь дышать ровно и глубоко.

— Деменция пожирала вашего отца… Сколько? Четыре года? Да, это длилось четыре года. — Зал гудит, люди явно недовольны. — И насколько я могу судить, вы за это время ни разу его не навестили. — Гул усиливается, люди начинают выкрикивать в мой адрес едкие, оскорбительные словечки. — Хуже того, даже когда Гарольд умер и ваша мать осталась наедине со своим горем, вы не соизволили явиться, а явились с опозданием на неделю, когда потеря супруга довела ее до самоубийства. Ваши родители всей душой болели за наш город, и вы должны были о них позаботиться, но, как нам всем здесь известно, даже шага в этом направлении не предприняли. Да, вы изволили выкроить время из своего, без сомнения, плотного графика известной писательницы и явились на похороны родителей, но при этом не нашли времени, чтобы поприсутствовать на их поминках. — Тут Джозеф рубит воздух ладонью и обращается ко всем собравшимся в ратуше: — Если хотите знать мое мнение, она вернулась по одной-единственной причине — чтобы заработать на продаже родительского дома.

Это последнее утверждение порождает какофонию голосов; они отражаются от высокого потолка и движутся на меня, словно пчелиный

улей, угрожая лишить минимального личного пространства.

Я встаю, мне надо им как-то все объяснить.

— Послушайте, я понимаю, вы сейчас злитесь на меня, и понимаю, что мой отец много для вас значил, но…

— Ты явилась сюда и думаешь, что слишком хороша для нас, но ты ничего не знаешь о нашем городе.

Это уже не Джозеф, а кто-то другой, можно не гадать, кто именно, такое мог сказать любой на этом собрании.

Я в кольце недоброжелателей.

— Может, если б ты меньше болталась по этим модным медиавечеринкам, а больше времени проводила со своими родителями, то они и сейчас были бы живы…

— И вообще, почему бы тебе не вернуться в свой Лондон?

Я пытаюсь что-то ответить, подобрать слова, но ничего не получается, даже челюсти разомкнуть не могу. Возможно, потому, что эти люди правы. В свидетельстве о смерти отца может быть указан инсульт, матери — самоубийство, но это только половина истории. В последний раз я наведывалась в родительский дом больше десяти

лет назад.

А одиночество убивает.

— Что? Нечего сказать?

— Они умерли из-за тебя…

И после этого оскорбительные заявления обрушиваются на меня сплошным потоком. Люди вскакивают с мест, что-то выкрикивают, а я сжимаю пальцами виски и чувствую, как в голове усиливается давление. Перед глазами, словно обрывки какой-то старой кинопленки, мелькают картинки: якорь Хэвипорта, мокрый и зеленый; лужица скисшего молока; темные силуэты родителей корчатся и толкаются на кровати в их спальне.

Два горящих гроба, приглушенные голоса за языками пламени.

Вот чего ты заслуживаешь, мелкая паршивка.

И тут через весь этот гвалт прорывается громкий, едва ли не срывающийся на визг женский крик:

— Заткнитесь! Умолкните! Заткнитесь вы все!

Я, совершенно сбитая с толку, смотрю на сцену.

Это ведь не может кричать баронесса?

А потом снова этот голос на грани истерики:

— Заткнитесь все!

Рядом со мной стоит на стуле Линн.

Она судорожно сжимает кулаки. Ей удалось заставить замолчать весь зал.

— Вы, вы все… — Линн тяжело дышит, лицо у нее покрылось красными пятнами. — Это нечестно. Это несправедливо.

У Линн от напряжения трясутся кулаки. В зале — тишина, только кто-то кашлянул в задних рядах.

— Вы, вы ничего о Беккет не знаете, — запинаясь, продолжает Линн, она кажется такой маленькой на своем возвышении. — И вы не имеете права судить ее. Так что просто… просто оставьте ее в покое. Да, просто оставьте ее в покое.

В зале становится как-то неестественно тихо. Линн, сжимая кулаки, не мигая, смотрит вниз со своего стула, и в эту секунду я представляю наблюдающую за разрушением величественного старинного дома гаргулью.

— А теперь не могли бы мы продолжить? — предлагает вернувшаяся к своей трибуне баронесса. — Это городское собрание, а не турнир по взаимным оскорблениям.

Ее последняя фраза обращена к Джозефу, который теперь сидит, словно кол проглотил, и

смотрит прямо перед собой.

— Как я уже говорила…

Линн слезает со стула, садится, а я кладу ладонь ей на колено и тихо, подрагивающим голосом говорю:

— Спасибо.

А она смотрит на мою руку так, будто ей на колено села какая-то волшебная птица.

— Сказанное подводит нас к важной для города теме, — продолжает баронесса. — Джозеф упомянул о возможной продаже Чарнел-хауса, дома Гарольда и Дианы, и это то, что я хотела сегодня вечером со всеми вами обсудить.

Зал ратуши накрывает тишина, я пытаюсь выровнять дыхание. Все успокаиваются, на меня больше никто не смотрит, но я еще слышу шипение недобрых голосов.

— На данный момент Чарнел-хаус остается в собственности семьи Райан, как это и было на протяжении многих поколений. Но в настоящее время, в соответствии с пожеланиями Гарольда, рассматриваются варианты продажи дома, и, учитывая эти обстоятельства, у меня имеется предложение, которое, надеюсь, принесет пользу многим людям на многие годы вперед.

Два ручейка шепотков пробегают по залу, неко-

торые из собравшихся ерзают на своих местах, по стенам пробегают лучи фар от проезжающей мимо ратуши машины.

— Мы знаем, что Гарольд был крайне обеспокоен тяжелым положением детей из неблагополучных семей Хэвипорта и считал защиту этих детей со стороны городского совета, мягко скажем, недостаточной. — Баронесса обводит взглядом зал и поднимает указательный палец. — И я верю, что мы, как сообщество, в состоянии это изменить. У нас есть уникальная возможность почтить память этого замечательного человека, одновременно инвестируя в будущее нашего города, то есть в его детей и подростков. — Баронесса обхватывает трибуну руками, словно обнимает за плечи старого приятеля. — Друзья, я хочу выступить с предложением, если, конечно, оно удовлетворит пожелания мисс Райан, выкупить дом Гарольда и сообща поучаствовать в открытии совершенно нового для нашего города заведения, и назвать его «Детско-юношеский приют Хэвипорта». Полагаю, все согласятся с тем, что дом, где некогда жил один из самых уважаемых граждан нашего города, — наилучшая локация для подобного заведения.

По залу прокатывается волна одобрения; си-

дящие по соседству горожане склоняются друг к другу, чтобы поделиться своим мнением об услышанном.

— Естественно, учитывая не самое лучшее состояние городской казны, многие из вас вправе задаться вопросом: откуда возьмутся средства для осуществления этого проекта? И дабы развеять эти опасения, я обязуюсь, по крайней мере на ранней стадии проекта, взять все его финансирование на себя.

Голоса в зале усиливаются, а потом перерастают в аплодисменты, и баронесса позволяет себе скромно кивнуть.

А я смотрю вверх на высокий сводчатый потолок.

Приют для детей.

– Благодарю, — перекрывает баронесса аплодисменты, — и спасибо за ваш энтузиазм.

У меня от всего этого шума начинает звенеть в ушах. Я думаю о фундаментальном изъяне в плане баронессы Джавери и о том, что она скажет, когда о нем узнает.

— Ваша поддержка вдохновляет, и, уверяю, без нее в нашем городе ничего не может случиться…

Сегодня утром была проведена оценка родительского дома. Агент усиленно топтался по

половицам, принюхивался к пятнам плесени, открывал и закрывал до упора краны. И все с кислым выражением лица. А под конец энергично, как набивший руку кассир фастфуда, выдал чек. Тут уже скисла я.

На пять тысяч ниже предполагаемой стоимости научной лаборатории Гарольда.

— Скоро у меня на руках будет более подробная информация, касающаяся воплощения этого проекта, ну и конечно, надо будет соблюдать правила охраны труда и техники безопасности, но я уверена: мы пройдем через все эти шторма…

Что бы теперь ни случилось, я потеряю свою квартиру. И выхода у меня два: либо я остаюсь бездомной в Лондоне, либо запертой здесь в Чарнел-хаусе, единственном препятствии на пути к столь необходимому для Хэвипорта детскому приюту. При мысли об этом шея у меня нагревается, как электрод.

— У кого-нибудь есть ко мне вопросы?

К потолку сразу тянется с десяток рук. Баронессе задают самые разные, касающиеся разрешения на производство строительных работ, страховки, безопасности и инженерно-экологических изысканий вопросы. Но я не могу сосредоточиться и практически не слышу, что она отвечает.

Собрание логическим образом подходит к концу.

— Хотелось бы еще раз поблагодарить вас всех за то, что пришли на наше сегодняшнее собрание, и прошу: без колебаний обращайтесь ко мне в ближайшие недели с любыми идеями или пожеланиями. Я надеюсь и верю, что у нас все получится. На этом позвольте пожелать всем доброй ночи.

Итак, собрание окончено, но я решаю уйти последней и пережидаю в дальнем конце помещения. Все перед уходом бросают взгляды в мою сторону и недовольно поджимают губы.

В зале пустеет, я надеваю пальто и поворачиваюсь к Линн.

— Спасибо, что…

Но она не дает договорить и указывает на оставшуюся с вечера ссадину у меня на руке.

— Что у тебя с рукой?

— О, ерунда, подралась с бытовой техникой.

Линн чуть склоняет голову набок:

— Я не понимаю.

— Котел… Впрочем, не важно. — Я сую руки в карманы пальто. — Еще раз спасибо, что за меня заступилась.

Линн смотрит под ноги.

— Тебе не нужно меня благодарить.

Наклоняюсь, чтобы перехватить ее взгляд.

— Но я действительно тебе благодарна. Ты спасла мою шкуру. — Линн робко улыбается, а я закидываю сумку на плечо. — Ты единственная поддержала меня в эти непростые деньки. Завтра я уезжаю, а так бы обязательно предложила вместе где-нибудь потусить.

Линн словно открывается мне навстречу. Какие у нее красивые глаза, совсем как у беспомощного олененка.

— Но…

Нас прерывает уверенный женский голос:

— Беккет!

Мы оборачиваемся.

— Мы можем поговорить? — спрашивает баронесса.

10

Нетерпеливо булькает электрический чайник.

Баронесса берет со стола чашку с блюдцем.

— Чаю?

— А на кофе, как я понимаю, можно не рассчитывать? — интересуюсь я, поборов приступ зевоты.

— Ну конечно, вы натура творческая и, значит,

предпочитаете кофе, — с лукавой улыбкой говорит баронесса.

— Совсем не обязательно. Просто жутко вымоталась.

Баронесса ставит чашку на стол.

— Ждите здесь. У меня есть идея получше.

Она стремительно проходит через холл, толкает двустворчатые двери в кухню, и я остаюсь одна в просторной комнате.

Оглядываю ряды пустых кресел, сцену за тяжелым бархатным занавесом, оставленный без внимания электрический чайник и думаю о Линн, о том, как она посмотрела на меня через плечо, прежде чем уйти в ночь. Линн, похоже, была удручена тем, что наши недолгие дружеские отношения прервались, но мы обменялись номерами телефонов, и она, как, впрочем, и все в таких обстоятельствах, обещала позвонить, если будет в Лондоне.

Всегда хотела побывать в Лондоне.

Возможно, я никогда больше ее не увижу.

Из кухни доносится голос баронессы:

— Я знала, что в этой подсобке обязательно найдется нечто особенное… — Двери распахиваются, и снова появляется она, но теперь уже с бутылкой виски в руке. — Вот, осталось после

лотереи, что проводил Ротари-клуб. — Баронесса снимает фольгу с горлышка. — Вы к виски как относитесь? Положительно?

У меня слегка першит в горле.

— Э-э… да.

Открыв с легким хлопком бутылку, баронесса ставит на стол два тамблера и наливает две щедрые порции.

Мы садимся.

Баронесса поднимает свой тамблер.

— Ваше здоровье, Беккет.

— Спасибо. — Мы чокаемся. — Простите, но как мне вас называть? Миледи?

Баронесса смеется и качает головой.

— Просто Надия. И давайте без церемоний, ни к чему это.

— Хорошо, Надия. Ваше здоровье.

Она откидывается на спинку стула и внимательно на меня смотрит, а потом спрашивает:

— Итак, что вы думаете о моем предложении?

Причем, как специально, делает это в тот момент, когда я отпиваю глоток виски. Я, соответственно, закашливаюсь и прижимаю кулак ко рту.

— Это… великолепная идея. Да, идея отличная, и поверьте, я не собираюсь вставать между

жителями Хэвипорта и городскими благотворительными проектами.

— Но?

Я ставлю свой тамблер на стол.

— Дело не в том, хочу ли я продать дом, а в том, могу ли я себе это позволить.

— Ах вот как.

Смакуя терпкий вкус виски, провожу языком по зубам, а баронесса выжидающе на меня смотрит.

— У меня сейчас не лучшие времена… в финансовом смысле, — признаюсь я и выдерживаю паузу, но выражение лица баронессы не меняется. — В общем, банк вот-вот отберет у меня квартиру, и я надеялась, что продажа дома поможет мне выбраться из этой ямы. Но произойдет это только в том случае, если за дом дадут приличную цену.

— И?..

— Сегодня утром агент по недвижимости провел оценку дома. Результат таков — нужную сумму я смогу выручить, только если проведу капитальный ремонт дома, который на данный момент не могу себе позволить.

— Это мне известно.

Я морщу лоб:

— Что вам известно?

— То, что вы провели оценку дома и в какую сумму его оценили.

— Но я никому… — Тут я откидываю голову назад и безрадостно усмехаюсь. — Нет, можете не объяснять. Это Хэвипорт, и этим все сказано.

Надия приподнимает брови:

— Схватываете на лету.

Я снова беру свой тамблер.

— Ну а вы теперь понимаете, что я влипла. То есть либо я возвращаюсь в Лондон и занимаюсь диванным серфингом[5], либо переезжаю в Чарнел-хаус и жду, пока не появятся средства на его ремонт. А это поставит крест на вашем проекте по организации детско-юношеского приюта.

— То есть вы стоите перед дилеммой.

Я киваю и прикусываю щеку, а Надия закидывает ногу на ногу.

— Не возражаете, если я расскажу вам одну историю? — Я мотаю головой, а Надия ставит тамблер себе на колено и продолжает: — Мои родители прибыли, точнее, приплыли на корабле в Англию из Индии в начале пятидесятых. Сначала «бросили якорь» в Бирмингеме, правда им там никогда особо не нравилось — слишком шумно

---

[5] Примечания: 5

Заниматься диванным серфингом — жить по друзьям.

и грязно. Но отец был человеком смекалистым и практическим, так что очень скоро стал владельцем преуспевающего продовольственного магазина и смог отложить кое-какие деньги. — Вспоминая об отце, Надия тепло улыбается. — У него был план, он хотел жить на берегу моря — на английской Ривьере, так он говорил, — а все считали, что он не в своем уме, потому что в те времена иммигранты из Индии селились сообществами в больших городах: в Лондоне, в Бирмингеме, ну и так далее. Но отец… он у меня был из тех, кто сам выбирает свой путь в жизни. В общем, он переехал в Хэвипорт и открыл индийский ресторан. Здесь я и выросла. Времена были непростые, проявлений расизма хватало, но мы выстояли, и многие местные жители были к нам очень добры, и постепенно мы сроднились с этим городом.

В восьмидесятых я вышла за Эндрю. Он был лихим пилотом вертолета, но, кроме того, оказался бароном и проживал в поместье Анкора-парк неподалеку от города. По тем временам наш брак был событием в некотором роде скандальным, хотя думаю, нынче мало кто обратил бы на это внимание. — Тут Надия вздыхает. — Мы были очень счастливы, но он умер довольно молодым,

мы еще и детьми обзавестись не успели, а после я так замуж больше и не вышла.

— Печально слышать, сочувствую.

Надия чуть склоняет голову:

— Благодарю. Но тут мы подходим к моменту, который объясняет, почему я вам все это рассказываю. — Она поднимает указательный палец, мне становится понятно, что это такой характерный для нее жест. — Я стала состоятельной женщиной, и это далось мне не так-то просто. Мой отец прибыл в Великобританию, можно сказать, с пустыми карманами и смог с нуля отстроить свою жизнь. И он передал мне свою целеустремленность. Я прилежно и упорно училась, устроилась миграционным юристом, очень неплохо зарабатывала и стала финансово независимой. Отец часто мне говорил, что до того, как мы переселились в Англию, он считал, что это страна, где у всех хватает еды и есть крыша над головой, но, оказавшись здесь, понял, что это далеко не всегда так. Отец увидел, что некоторые люди в этом городе живут в ужасающей бедности, и это стало для него настоящим шоком. Он всегда говорил: «Если у тебя появится возможность помочь неимущим в нашей общине, сделай это».

Надия умолкает на секунду, облизывает пере-

сохшие губы и продолжает:

— Беккет, я дам вам за Чарнел-хаус на десять процентов больше от запрашиваемой цены. Торговаться не стану, не буду выдвигать никаких требований и не буду давить на вас из-за состояния водопровода, из-за сырости или площади второй спальни.

Я подаюсь вперед, чтобы сказать что-то, но она снова поднимает указательный палец.

— И я прослежу за тем, чтобы все работы по ремонту дома ваших родителей были проведены на самом высоком уровне. Я знаю здешних людей, очень хороших людей, и смогу все должным образом организовать. От вас ничего не требуется, вы просто даете соглашение на продажу дома, и все.

У меня сердце аж в горле пульсирует.

Я хочу что-то сказать в ответ, но Надия решает продолжить.

— При одном лишь условии, — говорит она, наморщив лоб. — Вы должны понимать: то, что сегодня здесь произошло, действительно меня расстроило. Я расстроилась именно из-за вас, потому что нутром чувствую: вы такого отношения не заслуживаете. Но и жителям нашего Хэвипорта я тоже сочувствую. Они расстроены, они даже злятся, и я в состоянии понять почему.

И мне по мере моих возможностей хотелось бы это как-то уладить.

Я убираю челку со лба.

— То есть…

— Иными словами, я бы хотела, чтобы вы, несмотря на все обстоятельства, задержались в Хэвипорте на неделю или две, может быть, на три.

— То есть вы всерьез полагаете, что это… поможет? — нахмурившись, спрашиваю я.

Надия кивает.

Я втягиваю воздух сквозь зубы и резко выдыхаю.

— Надия, вы очень добры и вовсе не обязаны… Но у меня уже было несколько конфликтов с местными, чему вы были сегодня свидетельницей. Они презирают меня, да что там презирают, они готовы обвинить меня в смерти родителей.

— Давайте рассмотрим это с их точки зрения, — предлагает Надия и откидывается на спинку стула. — Ваша семья глубоко укоренена в этот город. Школа Хэвипорта на протяжении многих и многих лет давала приют социально уязвимым детям, нуждающимся и пострадавшим от наводнений. Более того, согласно легенде, ваш прапрадед был в команде рабочих, которые

в восьмидесятых годах девятнадцатого века переоборудовали ее из старой текстильной фабрики. — Надия демонстрирует мне открытые ладони. — А затем, спустя столетие, юная наследница Беккет делает то, что до нее не делал никто из Райанов — она навсегда покидает Хэвипорт. Вы отказываетесь от места, которое всячески помогали отстроить ваши предки.

— Для меня это никогда не было формой отказа или какого-то там отречения от родных мест.

— Для вас, конечно, нет. Но жители Хэвипорта именно так это и воспринимают.

Разговаривать с баронессой — все равно что боксировать с собственным отражением: она всегда отбивает удар до того, как он достигнет цели.

— И вы… что вы в данной ситуации мне предлагаете?

— Просто хоть на минуту почувствуйте себя на их месте. Попробуйте вспомнить — каково это жить в таком городе, как Хэвипорт.

— Меня отправили в школу-интернат, когда мне было девять. — Я хмуро смотрю в свой тамблер с виски. — И собственно, больше о том времени я толком вспомнить ничего и не могу.

— Воспоминания вернутся, если вы им это позволите. Вы в детстве вели дневник или

что-нибудь вроде того? Записки какие-нибудь, например?

— Вообще-то, я из тех детей, кто любит все записывать. Но в доме никаких своих записей не нашла.

Надия отмахивается:

— Это не важно. Вы вернулись в город, а теперь прогуляйтесь по улицам, загляните в кафе, посидите в пабах. Уверена, это повлияет на ситуацию. — Надия наклоняется вперед и опирается локтем на колено. — Эти люди, они, может, вас и не знают, но думают, что знают. То есть для них вы воплощение всех тех высокомерных англичан, кто смотрит на них как на узколобых и ограниченных провинциалов.

— Но это совсем не так.

— Вы уверены?

Я откидываюсь на спинку стула и удивленно смотрю на Надию, а она в ответ поднимает раскрытую ладонь.

— Ничего личного, но Лондон — это пузырь, и пока бултыхаешься в этом пузыре, очень легко забыть о том, как живут люди в других местах по всей стране. — Надия смотрит на стену, как будто может видеть сквозь нее. — В таких городах, как Хэвипорт, люди чувствуют себя забыты-

ми, ненужными для страны, а такие люди, как ваш отец, помогают им почувствовать свою значимость. Многие дети, особенно мальчики Хэвипорта, растут с ощущением безнадеги, они уверены, что у них нет никакой перспективы, а потом у них появляется шанс пойти в школу вашего отца, окончив которую они выйдут сильными и амбициозными личностями. Не все, конечно, но многие. И родители их будут за это благодарны. — Надия снова выпрямляется на стуле и покачивает в руке тамблер с виски. — Гарольд, он был символом надежды, а у нас в Хэвипорте с надеждой на будущее не очень-то хорошо.

Я припоминаю разные картинки, которые успела увидеть с того дня, как приехала сюда: граффити — *Ад пуст. Все бесы здесь*; целые улицы заброшенных, пустующих домов; пьянчужка возле паба, который таращился на меня через дорогу, — и невольно задаюсь вопросом: насколько это все отличается от того, что можно увидеть в центре города в обычный субботний вечер?

— Все так плохо?

Надия поджимает губы.

— Вы когда-нибудь бывали на заброшенном маяке?

Я напрягаюсь совсем как вызванный к директору школы провинившийся тинейджер и, подумав, решаю соврать:

— Э-э, нет… вроде не бывала.

— За фермой Барнарда, по ту сторону от линии Шоттс? — уточняет Надия. — В общем, край скалы там очень нестабильный. Причем уже много лет. Совет отказывается что-либо предпринимать для изменения ситуации, поэтому мы установили там предупреждающий знак о возможных оползнях и, соответственно, об угрозе жизни. Пока что эта мера срабатывает.

Я вспоминаю раздавленные пивные банки и следы от кострищ.

А вот в этом, миледи, я бы не была так уж уверена.

– Но однажды какой-нибудь местный парнишка, или девчонка, или пьянчужка, или просто кто-то не совсем в своем уме обязательно пройдет мимо нашего знака, край скалы обвалится и несчастный рухнет на камни в море. И только тогда городской совет соизволит взяться за решение проблемы. И вот так местные власти относятся ко всем возникающим в Хэвипорте проблемам. Пока люди не начнут умирать, они деньги тратить не станут.

Я мельком смотрю на ее ухоженные руки и три кольца с бриллиантами и поудобнее устраиваюсь на стуле.

— А если у вас есть свободные деньги, разве вы не в состоянии оплатить укрепление породы или как там это называется? Не об этом ли говорил вам отец?

Баронесса приподнимает бровь и слегка кивает:

— Я понимаю, почему вы спрашиваете, но это все равно что лить воду в дырявое ведро. Решу одну проблему, сразу появятся другие. — Она пристально смотрит мне в глаза. — А детский приют? Инвестируя в этот проект, я решаю проблемы для следующих поколений. Это реальная перемена в жизни города, и приют переживет меня, в отличие от решения одной выбранной наугад проблемы из целого списка подобных.

Надия отпивает чуть-чуть виски, а я прикладываю пальцы к губам и задумываюсь. Меня в городе определенно терпеть не могут, и, что бы там ни говорила Надия, я вряд ли смогу это изменить. Но баронесса — умная женщина и к тому же знает, что положение мое безвыходное.

— Вот таков в общих чертах мой план, — говорит она и стряхивает с юбки невидимые

крошки. — А каков ваш?

Плюс ко всему я еще и сообщение от своего агента получила. Сюжета для следующей книги у меня нет, пока нет, но я должна начать писать, иначе какие-то микрозадумки растворятся, как папиросная бумага в воде, и книга вообще никогда не случится. Может, начать писать здесь, пока пережидаю шторм? Свободного времени у меня хоть отбавляй, и в просторном скрипучем доме родителей никто не будет отвлекать от мыслей о будущей книге.

Я допиваю виски и соглашаюсь:

— Ладно, хорошо.

Надия чуть вскидывает голову:

— Что ладно и хорошо?

— Договорились.

Баронесса потрясает поднятым кулаком.

— Отлично, Беккет, вы приняли правильное решение.

— Сомневаюсь, что местные будут такого же мнения.

Надия кривит губы в усмешке:

— Дорогая, вы только дайте им время. Уверяю, жители Хэвипорта гораздо лучше, чем вы о них думаете.

— Что ж, придется поверить вам на слово.

Надия откидывается на спинку стула.

— Уверена, вы не раз слышали о том, что в маленьких городках люди не запирают входные двери. Казалось бы, клише, но в Хэвипорте это действительно так. Или было так до недавнего времени. Люди знают друг друга и, соответственно, друг другу доверяют.

Я поглядываю на оставшийся в тамблере виски и пытаюсь представить, как ухожу из своей лондонской квартиры, оставив дверь незапертой. Или стучусь к соседям ниже этажом, чтобы просто поболтать о том о сем и выпить чашечку чая. Но по правде сказать, я бы с большим трудом смогла узнать кого-то из своих соседей в какой-нибудь очереди, хоть в супермаркете, хоть в аэропорту.

— И вам они тоже станут доверять, если только вы им это позволите.

Тут я слышу скрип и, подняв голову, вижу, что Надия в одной руке держит пробку, а в другой — бутылку.

— Ну что? Еще по глоточку на дорожку?

Я протягиваю баронессе свой тамблер.

— А знаете, вы мне напоминаете Гарольда, — говорит Надия, освежая наши бокалы. — Та же стойкость или, может, устойчивость и этот взгляд… — Она плавно ставит бутылку на стол. —

Но что-то мне подсказывает, что вам это не нравится.

Моя рука с тамблером замирает возле губ.

Я могла бы ей обо всем рассказать; могла б, если бы захотела. Например, о том, как уважаемый всеми гуманист, которым она так восхищается, избивал свою дочь. Или о том, что почти ничего не помню о своей жизни до школы-интерната, но очень хорошо помню вот эту картинку: надо мной нависает огр[6] и на моих бедрах появляются кровоподтеки.

Но баронесса не захочет об этом слышать, да и никто другой в Хэвипорте тоже этого не захочет.

Наш маленький секрет. Плохой секрет. Никто не должен о нем узнать.

– Мы с отцом не были близки, — говорю я и отпиваю глоток виски.

Надия отводит взгляд, и я вижу, как она стискивает челюсти.

Какое-то время мы молчим, тишину нарушает только доносящийся снаружи звук прилива. Этот звук, в зависимости от того, где вы находитесь, может быть тише или громче, но Хэвипорт он никогда и ни при каких обстоятельствах не по-

---

[6] Примечания: 6

Огр — мифический великан-людоед.

кидает.

Надия выпрямляется на стуле.

— Как насчет того, чтобы встретиться снова в конце недели, а там посмотрим, как и к чему мы пришли? Можете, если пожелаете, посетить Анкора-парк. У меня там имеется первоклассная кофемашина и шеф-повар, он же, если потребуется, бариста.

— О, тут вы ошибаетесь. Дело в том, что в Лондоне у меня шеф-повар — француз, а бариста — итальянец. Настоящие ценители никогда не идут на компромиссы.

Надия понимающе улыбается:

— Значит, в субботу?

— Договорились.

— Вот и чудесно. — Надия встает. — А теперь прошу меня простить…

Она, напевая что-то под нос, удаляется в дамскую комнату, а я достаю телефон и просматриваю контакты.

В этом городе, кроме баронессы, ко мне благожелательно относится только один человек.

Набираю сообщение:

Планы изменились. Останусь еще ненадолго. Не хочешь потусить? Б. х

Она будет рада.

Линн.

До сих пор помню ее лицо, когда я сказала ей о том, что уезжаю из Хэвипорта. Такое печальное и потерянное, как будто она долгие годы ждала моего возвращения, и вот теперь я, едва приехав, решила ее оставить.

И мне действительно хочется снова с ней повидаться.

Зейд — моя единственная настоящая подельница, но наши совместные ночные загулы неизменно заканчиваются какими-то пьяными выходками, и что-то мне подсказывает, что с Линн все будет не так. Она наверняка захочет поговорить, прогуляться, подышать свежим воздухом на побережье.

Возможно, задержаться здесь не такая уж плохая идея. Наверное, это даже пойдет мне на пользу.

Горожане могут этому и не обрадоваться, но мне действительно хочется верить тому, что сказала о них Надия. Надеяться, что люди способны меняться и менять свое отношение к другим. В конце концов, местные могут сколько угодно надувать щеки, но на самом деле никто из них не желает мне зла. Ведь так?

11

Линн

Поглаживаю пальцем буквы на экране телефона: Б-е-к-к-е-т.

Не могу поверить в то, что она уезжает. Не могу поверить в то, что больше никогда не услышу ее голос. Я даже не могу подписаться на нее в соцсетях — ее там просто нет. Да, у меня останутся воспоминания о последних нескольких днях, но мне этого мало. Мне нужно ее увидеть.

Накрываю ладонью обложку ее блокнота.

ДНЕВНИК Беккет ДИАНЫ РАЙАН. 8–9 ЛЕТ СЕКРЕТНО!!! НЕ СМОТРЕТЬ!!!

Брать чужое — плохо. Я это знаю. Но брать чужое, потому что тебе грустно? Или потому, что тебя толкает к этому любовь? Не знаю.

Жужжит телефон — пришло сообщение.

Читаю от кого и чуть не задыхаюсь.

Беккет Диана Райан.

Планы изменились. Останусь еще ненадолго. Не хочешь потусить? Б. х.

Она остается. Она остается! О, как же это чудесно! И она хочет со мной повидаться. У меня даже голова кружится. Нужно придумать что-то действительно классное.

Например, в пятницу она может пойти со мной в паб. Да, было бы здорово позависать там вместе. Но захочет ли она туда пойти? В Лондоне она наверняка ходит во всякие модные места, а наши пабы с ними не сравнить. Смешно сравнивать Хэвипорт с Лондоном.

И потом, что, если они влюбятся друг в друга? Что, если она в него влюбится?

Нет. Нельзя о таком думать. Она не захочет стать моим другом, если я постоянно буду паниковать.

Набираю дрожащими пальцами ответ.

Я рада!!:):) Очень-очень рада. Есть идея: мой парень — музыкант, в пятницу играет в «Рекерс армс». Не против пойти? Л. х

Прикусываю щеку. Не слишком ли? Не слишком поторопилась с ответом?

На экране телефона — бегущие мерцающие точки. Она отвечает.

Забей для меня местечко.

Тут уже я прижимаю ладонь к груди и даже начинаю смеяться, глупо так, прямо как дура.

Она действительно хочет пойти со мной в паб. Она действительно хочет со мной встретиться.

Потом вспоминаю про дневник, что лежит у меня на коленях. На обложке дневника надпись,

сделанная ее детским почерком. Не следовало его красть, я это понимаю, мне вообще не следовало воровать ничего из того, что я в своей жизни украла, только тут я ничего не могу с собой поделать — это у меня в крови.

Но случай с дневником — это другое. Худшая кража в моей жизни, потому что предмет кражи принадлежал ей, а не кому-то там еще. Когда стащишь пакет с чипсами или помаду в аптеке — это ерунда… Но то, что принадлежит Беккет, — это совсем не ерунда. Она была моей единственной подругой, и я ее предала.

Я ведь понимаю, как много значил для нее дневник. И как много он бы значил, найди она его сейчас. Перед тем как родители ее отослали, она несколько дней его искала. Мы даже вместе искали, и я постоянно вынуждена была притворяться, будто не знаю, где он.

Она захочет узнать, где он был все это время.

Но я не должна торопиться, мне надо подождать.

Главное, что я прочитала в ее смс, — мы теперь друзья. Настоящие друзья. А если она узнает, что я украла ее дневник, все может измениться.

Но если я все сделаю правильно, мы снова станем лучшими подругами. Ничто не должно

встать между нами.

12

Беккет

У нее есть парень?

Такого я не ожидала, мне-то показалось, что у нее никого нет.

Смотрю на экран телефона и представляю ее лицо с этими крохотными веснушками и такими доверчивыми глазами.

Моя лучшая подруга Линн Уайлдинг.

А потом я вижу картинку; она возникает, как негатив фотографии постепенно проявляется под водой. Школьная парта. Время ланча. Несколько лежащих друг на друге маленьких сэндвичей и ярко-зеленое яблоко. Пакетик с «хула-хупс». Два открытых ланч-бокса: один — желтый, другой — серый. Крошки на ламинате.

— Хорошо, Беккет, — говорит Надия, проходя через комнату, и берет со стола свой тамблер. — Итак, на чем мы остановились?

Я поднимаю на нее глаза, но пока еще не могу вынырнуть из-под волны нахлынувших воспоминаний.

Надия морщится:

— С вами все в порядке?

А я вижу то яблоко и почти чувствую его запах. Сладкий и резкий.

— Я, пожалуй, пойду, вы не против?

У Надии округляются от удивления глаза, а я чувствую, что краснею.

— Простите… — Я уже взяла свою сумку. — Не хотелось бы показаться грубой, но мне надо вернуться в Чарнел-хаус. Да… мне нужно вернуться и начать писать.

Надия перестает морщиться и по-доброму улыбается.

— Ну конечно я не против, — говорит она, присаживаясь на край стола. — Если муза зовет, ей нельзя отказывать.

Я допиваю виски и надеваю пальто.

— Это было… вы были… в общем, спасибо вам. Позвоните, когда будут новости насчет дома, хорошо?

— Обязательно позвоню. — Надия поднимает свой тамблер. — Увидимся через неделю.

Я на прощание машу ей рукой и направляюсь к двери.

Вернувшись домой, устраиваюсь за маленьким столом в моей детской спальне, открываю ноутбук и лихорадочно заполняю пустую страницу.

Лично для меня процесс писания никогда не

был легким делом, но сегодня я словно попала в поток, и он несет меня, как в те уже почти забытые дни, когда я писала, потому что меня переполняли мысли и казалось, если я их не выскажу хоть в какой-то форме, то просто взорвусь изнутри.

Такого со мной не было уже несколько лет.

«Я знаю — в этом доме никого, кроме меня, нет. Знаю это, но чувствую иначе. В простенках раздаются какие-то звуки, в темных углах притаились смутные силуэты. Мой отец, моя мать. Маленькая девочка спит в своей постели…»

Эти слова никогда ничем не станут, с писательской точки зрения. Это вообще не рукопись. Впрочем, не важно. Я даже не планирую когда-нибудь потом перечитать написанное сейчас. Мне просто надо это все из себя выплеснуть.

«Сначала Чарнел-хаус был последним местом в этом мире, где я бы хотела прожить свою жизнь. А потом я стала в нем растворяться. Клетка за клеткой, атом за атомом…»

Писк телефона выдергивает меня из потока мыслей.

Говард: Ты жива! Прекрасная новость. Мне гораздо легче угощать клиентов вином и ужином, когда они еще живы.

На обратном пути из ратуши я все-таки сдалась и ответила своему агенту. Сейчас он, может, мне и помешал, но все равно заставил улыбнуться.

Беккет: Когда ты вообще угощал меня вином или ужином?

Говард: Угощал разок на Пикадилли, после того как ты выиграла премию Уотрестоунс.

Беккет: Тот ужин оплатил издатель.

Говард: Но ужинал с тобой я? Насколько помню, тогда съел целую гору креветок.

Я смотрю на экран лэптопа. Курсор мигает мне в ответ.

Беккет: Не могу болтать всю ночь. (Эмодзи — зевающая физиономия.) Надо писать.

Тут мне даже кажется, что я слышу, как Говард приподнимается в кресле и расправляет плечи.

Говард: Знал, что вернешься! Браво. Так держать, не буду мешать.

Я на секунду задумываюсь и шлю следующее сообщение:

Беккет: Проясняю — это просто поток сознания. Не книга. х

Говард: Это мне судить. (Эмодзи — подмигивающая физиономия.) Г. х

Переключаю телефон в режим полета и бросаю его на кровать.

Тишина.

Пальцы замирают над клавиатурой, я окидываю взглядом комнату: замысловатые узоры на обоях, трещины в плинтусе, мое бдительное отражение в темном окне.

Этот дом, какой бы гнетущей ни была царящая в нем атмосфера, мне помогает. Он словно хочет, чтобы я писала.

И я начинаю вспоминать.

1999

Мама считает, что я уже слишком взрослая для ночных кошмаров. Но они все равно случаются.

— Подоткнешь одеяло поплотнее? — прошу я, когда приходит время укладываться спать.

— Я ведь говорила тебе — ты больше не ребенок, ты слишком взрослая девочка для подобных глупых страхов.

— Мне всего восемь лет.

— Верно, тебе восемь и ты больше не ребенок.

Я подтягиваю одеяло к подбородку.

— Сейчас ты видишь только мою голову. Так похоже, будто ее отрубили.

Мама цыкает языком.

— Не говори глупости.

— Я — отрубленная голова на подушке.

— Хватит.

— Восемь лет — не так много, еще можно подтыкать одеяло.

— Тебе-то откуда знать? — Голос матери звучит отрывисто и резко, как удары палочками по барабану. Глаза у нее сердитые и печальные одновременно. Она вздыхает: — Послушай, Беккет,

ради всего святого, пощади, я устала, а ты вечно… болтаешь без умолку. Хватит, давай уже спи.

После этого она выключает свет и уходит вниз, а я остаюсь в комнате одна. Лежу на спине, смотрю в потолок и считаю про себя. Думаю о всяких насекомых в простенках. Дохожу до тысячи.

Проходит какое-то время, но я не могу сказать сколько. Может, пять минут, а может, пять часов.

В доме очень тихо.

— Я не такая взрослая, чтобы мне больше не подтыкали одеяло, — шепчу я, а сама продолжаю держать край одеяла у самого подбородка.

А потом чувствую, как оно натягивается.

Что это может быть?

Потом снова словно кто-то рывком стягивает одеяло.

Я крепко зажмуриваю глаза.

Это не по-настоящему.

Я сплю, и, как говорит мама, мне это все просто снится.

Но одеяло вокруг меня натягивается сильнее и плотнее прижимается к телу. Я пытаюсь выскользнуть из-под него, но не могу, одеяло давит мне на руки и ноги.

И на шею.

Мне тяжело дышать.

Я сейчас задохнусь.

Это все не по-настоящему, это не по-настоящему.

— Подоткнешь одеяло, мама?

Кто это спросил? Голос не мой, он противный и скрипучий, как будто сплетен из нескольких.

— Подоткнешь одеяло, мамочка?

Я хочу позвать на помощь.

Почему я не могу позвать на помощь?

Я не могу дышать.

Пожалуйста, перестань, прошу, не делай мне больно.

Я хочу проснуться. Хочу проснуться. Я сейчас задохнусь…

И вдруг просыпаюсь. Лежу калачиком на полу и смотрю вверх на кровать. Мне жарко, я вся вспотела, одеяло скрутилось вокруг меня, щеки щиплет от слез. И мне нужно, чтобы она меня обняла, чтобы прижимала к себе, пока мне не станет лучше.

Потом смотрю в щель под дверью на лестничную площадку. Мир как будто улегся набок. Дверь в их комнату закрыта.

Мама говорит, что я теперь слишком взрослая для каких-то детских кошмаров.

2023

13

Барменша с прищуром смотрит на меня и, проводя влажной тряпкой по стойке, интересуется:

— А вы та самая самодовольная писательница из Лондона?

Я принужденно улыбаюсь:

— Да, она самая. — На экране моего телефона высвечивается эсэмэс: Линн уже в пути. — Большой бокал красного, пожалуйста.

— Желаете винную карту, мэм?

Я отрываюсь от телефона.

— О… конечно. Может, у вас есть «Мальбек» или…

Барменша с ухмылкой приподнимает брови.

Я выключаю телефон.

— Впрочем, сойдет любое, что предложите.

Пока барменша наливает мне вино, оглядываю паб.

Несмотря на данное Надии обещание почаще показываться в городе, с вечера понедельника я отходила от дома максимум до магазина на углу. Все это время я находила для себя самые

разные занятия, например заполняла мусорный контейнер всяким хламом или просто, снедаемая чувством вины, бродила по дому с зашторенными окнами и без конца повторяла себе, что остаюсь здесь только с целью подготовить его к продаже.

Впрочем, понятно, что сделка заключалась не в этом, и потому сегодня я окунусь в ночную жизнь Хэвипорта и постараюсь раствориться среди местных жителей.

«Рекерс армс» заполнен наполовину; разговоры завсегдатаев пока негромко булькают, закипят они позже, другими словами, пятничный вечер только начинается. Женщина в кожаном топе курит с приятелем электронные сигареты, компания незрелых пацанов сидит с кружками лагера и хихикает в свои телефоны. А на заднем плане звучат какие-то однотипные рок-песенки посредственных исполнителей.

В дальнем углу под телевизором с плоским экраном на стуле рядом с микрофонной стойкой установлен обшарпанный усилитель.

Я сгребаю со стойки сдачу, отхожу к ближайшему столику, сажусь и, баюкая в ладонях бокал с вином, смотрю на ржавую головку микрофона.

Да уж, это место определенно не располагает к исполнению песен собственного сочинения. На-

деюсь, у парня Линн достаточно толстая кожа…

— Беккет!

Я поворачиваюсь ко входу в паб и вижу Линн. Она складывает зонтик, а рядом с ней — сногсшибательно красивый молодой мужчина с гитарой за спиной.

— Прости, что опоздали, — извиняется Линн, пока они пробираются к моему столику, хотя они вовсе не опоздали. — Дождь начался, ну и… в общем, извини. А это Кай.

Я встаю им навстречу. Кай протягивает мне руку. Его пальцы сжимают мои.

— А ты, значит, Беккет, — говорит он с мелодичным шотландским акцентом.

Я совершенно растеряна, слова застревают в горле.

— Э-э… да… привет.

Он отпускает мою руку:

— Рад познакомиться.

Голос у него мягкий, успокаивающий, с легкой хрипотцой.

Я не спец по шотландским акцентам, но у Кая, похоже, акцент коренного жителя восточного побережья.

— Да, ну а ты… наверное, волнуешься из-за сегодняшнего выступления? — блею я в ответ, а

сама стараюсь на него не пялиться.

Глаза у него темные, даже черные, почти как у меня.

— Ага. Но с другой стороны, это ведь всего лишь выступление в пабе, так что посмотрим, как оно пройдет. — Кай снимает гитару с плеча. — И знаешь, Беккет, хочу сказать — сочувствую, по поводу твоих родителей.

Я пытаюсь небрежно пожать плечами, но то, как искренне и с какой теплотой он это произнес, мешает среагировать легко, и я сдавленным голосом отвечаю:

— Спасибо.

— Так уж получилось, что не смог быть на похоронах.

У меня комок подкатывает к горлу, кажется, еще чуть-чуть — и разревусь на глазах у всех.

Поглаживаю шею и как можно спокойнее отвечаю:

— О, ничего страшного. Я сама на половине церемонии не присутствовала.

У Кая от удивления округляются глаза. А я… поджимаю пальцы на ногах.

И тут он приходит мне на помощь:

— Могу я предложить тебе выпить?

Я смотрю на свой все еще на две трети полный

бокал.

— Конечно, почему бы и нет.

— Вина?

Мне становится неловко, и тут я краем глаза замечаю, как Линн ему кивает. А я-то чуть не забыла, что она тоже тут с нами.

Кай отходит к барной стойке, чтобы заказать нам напитки. Я молча сижу с Линн и постукиваю ногтем по своему бокалу, а она каждые несколько секунд нервно поглядывает на меня, совсем как девчонки на своих кавалеров на школьной дискотеке.

— Ну что, — говорю я и слегка киваю в сторону барной стойки. — Твой парень просто красавчик.

Линн резко выпрямляется на стуле.

— Что?

Она прямо не на шутку встревожилась.

Я провожу рукой по волосам:

— Просто хотела сказать, что он… славный.

Парни за столиком в другом конце паба разражаются смехом, я отпиваю глоток вина, а Линн начинает теребить свой рукав.

— Да, он славный. И мне он очень…

— А вот и я, — говорит Кай у нее за плечом, он ставит наши напитки на стол и целует Линн в

макушку. — О чем решили без меня поболтать?

— О политике, о чем же еще, — как бы в шутку отвечаю я.

Кай сдерживает улыбку.

— Кто б сомневался. — Потом снимает гитару с плеча и указывает на импровизированную сцену. — Хотелось бы с вами тут потрещать, но пора воткнуть вилку в розетку и начать играть. Пожелайте удачи.

Мы хором отвечаем:

— Удачи.

Тут Линн отваживается посмотреть мне в глаза и говорит, но не мне, а себе под нос:

— Не сглазить бы.

Спустя еще десять минут Кай начинает играть. Никто из персонала паба его не представляет и даже просто не приветствует, а посетители игнорируют и начинают говорить громче, как будто хотят заглушить мешающий им голос. Под нежный перебор гитарных струн из кранов под давлением, шипя и пенясь, льется в кружки пиво.

Но когда Кай начинает петь, у меня волосы на затылке шевелятся.

— Вау, — шепчу я Линн, не донеся бокал до рта, — а он действительно хорош.

Пальцы Кая пританцовывают на грифе электрогитары, ее звуки чистые и переливчатые, как вода в горном ручье. Кай поет, прикрыв глаза, строки его песни мрачные, интригующие и прекрасно соотносятся с его меланхоличным акцентом.

Помню Рождество под дождем, Помню, говорил тебе, что все будет хорошо И даже лучше. Но мы выросли и разъехались, И теперь я тебя совсем не вижу.

– Это он написал?

Линн кивает, а я трясу головой: мне неловко оттого, что я в этом усомнилась. Неловко и неприятно.

Я вспоминаю, как впервые услышала альбом Джеффа Бакли «Grace». Мне тогда было четырнадцать. Помню, как держала в руках, не в одной, а именно в двух руках тот компакт-диск, смотрела как зачарованная на обложку и поражалась тому, что кто-то — с таким же устройством горла и связок, что и у меня, — способен так петь. Мне казалось, что это нереально.

Исполнительский талант Кая в «Рекерс армс» неуместен, он просто принадлежит другому миру. Кай использует свой голос как инструмент, легко переходит, нет — перелетает, словно на

крыльях порхает, от хрипловатых тонов к фальцету, каким поют церковные гимны юноши на пороге своего возмужания.

К концу песни я ловлю себя на том, что часто моргаю и глаза мои полны слез. Отворачиваюсь от Линн и промакиваю глаза — я не плакала уже много лет.

— Спасибо, — под звуки заключительного аккорда скромно, но с достоинством говорит в микрофон Кай.

Мы с Линн хлопаем в ладоши. Но только мы с ней, и больше никто.

И дальше его сет проходит в том же духе. Кай исполняет очень поэтичные, сложные по содержанию и трогающие за душу песни — в основном свои, ну и несколько каверов. Мы с Линн хлопаем в полном восторге, а все в пабе удивленно поглядывают на нас, будто мы хлопаем пустому месту.

Так проходит минут сорок.

Пока я смотрю на то, как Кай подтягивает струны гитары, кто-то толкает меня под локоть, причем так грубо, что я роняю бокал на стол и вино красной лужей разливается по скатерти.

Круто повернувшись на стуле, вижу, как невысокий худощавый мужчина неспешно удаляется от нашего столика в обшарпанную кабинку возле

туалетов и при этом держит в каждой руке по две бутылки сидра. Его приятели оживленно и громко беседуют, их столик весь в круглых следах от теперь уже пустых бокалов пива.

Мужчина бухается на мягкий диванчик и встречается со мной взглядом.

— Вот черт. Я что, разлил твою выпивку?

Я поднимаю открытые ладони, как будто нахожу этот его вопрос более чем странным.

— А что, разве не заметно?

Тут раздается резкий звон струн. Кай отстегивает ремень от гитары.

— Ну так, значит, ты должен купить ей вина, — громко, чтобы было слышно через весь зал, говорит он.

Невысокий жилистый тип глумливо хмыкает:

— Педик.

У меня даже челюсть отвисает.

— Ты что сказал?

Этот хамоватый тип поворачивается ко мне, а за ним по очереди все его приятели.

— Тебе-то какое дело? — спрашивает он, не убирая бутылку сидра ото рта.

А потом надолго к ней прикладывается.

Я трясу головой:

— Не отвечай вопросом на вопрос. Повторяю

свой: что ты сказал?

— Я сказал… педик.

Я выпрямляюсь, а Кай поднимает ладонь, как будто пытается удержать меня на месте.

— Беккет…

— Дело в том, что я не поняла: ты представился фантиком тупым или просто сигаретку стрельнуть хотел?

В зале смолкают все разговоры.

Этот мелкий тип, не отрываясь, смотрит мне в глаза и говорит:

— Твой дружок поет, как девчонка.

— И?..

Тут он начинает раздувать ноздри. Один из его приятелей шепчет что-то ему на ухо, и он продолжает:

— Твой дружок поет, как девчонка… и мне это не нравится.

Я скрещиваю руки на груди:

— А ты похож на слепого крота, только тощего, и мне это не нравится, но что делать — такова жизнь.

«Крот» щерится. Кай встает на ноги.

— Я знаю, кто ты, — говорит «крот», выбираясь из-за стола, и тычет в меня пальцем. — Знаю, кем был твой отец и все такое.

Теперь он идет через зал, по пути натыкается на спинки стульев других таких же, как он, завсегдатаев паба, а те безропотно подвигаются, давая ему дорогу.

Я встаю ему навстречу. Пульс у меня учащается, но я вполне спокойно спрашиваю:

— Чего тебе надо?

Он останавливается в полушаге от меня.

— Хочу, чтобы ты у меня отсосала.

Я чуть подаюсь вперед, этого достаточно, чтобы почувствовать запах чипсов у него изо рта.

— Может, сам у меня отсосешь?

Раздается звук разбитого стекла, я сначала не понимаю его источник, но, опустив глаза, вижу, что «крот» покачивает зажатой в руке «розочкой» от бутылки из-под сидра.

Поднимаю взгляд и вижу за плечом «крота» Кая.

— Беги! — кричит он.

И я бегу.

14

Топот и звон опрокинутых на пол бокалов. Посетители устремляются к выходу из паба. Я не то что вижу, скорее чувствую Линн рядом и догадываюсь, что Кай держится у нас за спиной.

Но оглядываться нельзя. Мужчины из кабинки у туалетов устремились за нами, к ним присоединились и другие, почуявшие драку завсегдатаи «Рекерс армс».

Воздух насыщен предвкушением насилия.

Барменша кричит, но что именно — не разобрать. То ли «помогите им», то ли «понаддайте». Но это без разницы.

Нам остается только бежать.

Выскакиваю на пустынную улицу. Холодный дождь колет лицо. Пытаюсь выбрать направление.

— Давай беги, малышка! — с издевкой кричит кто-то у меня за спиной.

И наши преследователи начинают улюлюкать и выть, как стая оборотней.

На бегу понимаю, что Линн хватает меня за руку.

Потом раздается такой звук, будто на асфальт уронили мешок с картошкой, а за ним — очередной залп грубых насмешек.

Я сбавляю шаг и разворачиваюсь.

Они припечатали Кая лицом к стене.

Крепко сжимаю руку Линн и смотрю ей в глаза.

— Стой здесь. И не двигайся.

Отпускаю Линн и мчусь назад к Каю.

Двое хамов из паба его разворачивают, а третий — мой «приятель» и, как теперь понимаю, их главарь — начинает пританцовывать в боксерской стойке. Причем с «розочкой» от бутылки он так и не расстался. В моем сознании вспыхивает картинка: «розочка» вонзается в живот Кая, тротуар окрашивается его кровью.

С диким криком бросаюсь вперед, а главарь в последнюю секунду отбрасывает «розочку» и кулаком бьет Кая под дых. Кай вскрикивает от боли и, как сапог, сжимается в гармошку, оседает на тротуар.

Я с разбегу врезаюсь в главаря этих уродов. Мой бросок застает его врасплох.

Мы падаем на мокрый асфальт. Происходит что-то вроде короткой схватки, и спустя три секунды он таки умудряется обхватить меня своими жилистыми руками. Потом рывком поднимает меня на ноги и прижимает плечом к стене.

Щерится, как почуявшая добычу дикая тварь.

Я стреляю глазами по сторонам.

Да уж, мы сумели собрать аудиторию.

Дыхание сбито, да и перед глазами — салют, но я все же не потеряла дар речи.

— Это тот самый момент… когда ты мне врежешь, да?

Жилистый «крот» шумно дышит через нос.

— Только трусы бьют женщин, — фыркнув, говорит он.

Я не вижу, скорее чувствую, как он сжимает опущенный кулак.

Смотрю ему в глаза.

— Так чего ж ты ждешь?

«Крот» не отводит взгляд, он хмурится и слегка покачивает головой, как будто мысленно сам с собой разговаривает. Потом сильнее прижимает плечом мою ключицу и… отпускает.

— Вали отсюда, — говорит он и сплевывает.

А потом кивает своим дружкам, и они всей компанией, не спеша, направляются обратно в паб.

Толпа сопровождавших их зрителей тоже рассеивается. Малолетки что-то бормочут себе под нос — явно разочарованы; ну еще бы, им ведь хотелось посмотреть на размазанные по асфальту кровь и сопли. Один из них зло пинает «розочку», та катится по тротуару и ударяется о мусорный бак.

Ко мне, прихрамывая, подходит Кай. У него на скуле уже расцветает синяк.

— Господи, Беккет, ты как? В порядке?

Тут и Линн подбегает, вся встревоженная, с мокрой, прилипшей ко лбу челкой.

— А… ну да, — отвечаю я и отряхиваюсь, как будто от пыли. — Вполне себе обычный вечер…

И тут кто-то кричит:

— Эй, вы!

Мы дружно оглядываемся на крик.

За пеленой усиливающегося дождя стоит какой-то мужчина и тычет в нашу сторону пальцем.

— Чтобы вас больше в этом пабе не было! Поняли меня?

Я смотрю на «Рекерс армс» с его забрызганными пивом ступеньками и трепыхающимся над входом флагом святого Георгия[7], и что-то мне подсказывает, что я смогу обойтись без дальнейших визитов в это заведение.

15

Линн

А потом мы «выгуливаем» Кая по моей улице. Он прихрамывает, а мы идем по бокам от него.

Они с Беккет болтают всю дорогу.

— И что, Кай, все твои сеты так заканчиваются? — спрашивает она.

---

[7] Примечания: 7
Национальный флаг Англии.

Дом Кая по другую сторону железной дороги, то есть к востоку от нее, и я хорошо понимала, что мы после вечера в пабе, если он закончится вот так неудачно, пойдем ко мне. И поэтому утром, просто на всякий случай, потратила на уборку не один час, а два, если не три. И теперь в буфете в кухне нас ждет хорошее вино.

— Ага, — отвечает Кай, — лучшие именно так и заканчиваются.

Надо будет спросить, не хочет ли она чего-нибудь выпить. Но спросить надо как будто между прочим. Например: «Может, по глоточку вина?» Или: «Я бы сейчас выпила бокальчик. Кто составит компанию?»

— Ну, тогда ты всегда можешь сказать, что заработал синяк после «нырка со сцены».

Она может взять хрустальный бокал.

— А я, по-твоему, похож на любителей нырять со сцены в публику?

Мы подходим к калитке в сад у моего дома.

— Вот мы и пришли, — говорю я и толкаю ее ногой.

Мы все втроем, забывая уступить друг другу дорогу, проходим вперед. Кай с Беккет сталкиваются и начинают смеяться. Я тоже смеюсь, вернее, пытаюсь, и получается как-то неестественно.

— Может, перестанешь меня пинать? — хмыкая, спрашивает Беккет.

Кай хмыкает в ответ:

— Я тебя пинаю? Да ты прям как Лионель Месси.

Кто такой этот Лионель Месси?

Нет, это не мой сценарий, все должно было пойти по-другому.

Когда поднялись ко мне в квартиру, Кай садится на диван и закидывает ногу на ногу, а Беккет усаживается на подлокотник рядом с ним.

— Крутое местечко, Линн, — говорит Беккет, оглядывая комнату. — Очень бижу[8].

Я морщу нос:

— Би что?

— Бижу, — повторяет Беккет.

А Кай улыбается ей, как будто они сообщники.

Я указываю в сторону ванной комнаты:

— Пожалуй, воспользуюсь протоколом Ти-Си-Пи[9].

И сама краснею, а Беккет тем временем обращается к Каю:

---

[8] Примечания: 8

От *фр.* bijou — бижутерия, замысловатое ювелирное изделие.

[9] Примечания: 9

Один из основных протоколов данных интернета.

— Знаешь, не было возможности сказать, но твой голос, он просто невероятный…

Я закрываю за собой дверь в туалет, сажусь на унитаз и давлю ладонями на глаза.

— Тише, успокойся, — шепчу я себе. — Перестань суетиться.

И вот так, сидя на унитазе, я слышу за стенкой их голоса.

Они не влюбляются, нет, они просто разговаривают.

— …знаешь, я и вправду подумал, что ты решила врезать тому парню, — говорит Кай, когда я возвращаюсь в комнату. — Чувствовал себя так, будто у меня объявился личный телохранитель.

Беккет небрежно пожимает плечами:

— Ну а я почувствовала себя в какой-то степени ответственной за тебя. Впрочем, оправдывая свое агрессивное поведение, могу сказать, что этот паб не место для исполнителя с эмоциональной энергетикой Джеффа Бакли.

У Кая округляются глаза.

— Ты сравниваешь меня с Джеффом?

Дело в том, что Бакли — его кумир.

— С чего ты взял? Я говорила об энергетике, и только, так что успокойся, рок-звезда.

Они флиртуют. Это понятно.

И понятно, что я приняла неверное решение.

— Вот, нашла антисептик, — говорю я, помахивая пузырьком с перекисью водорода.

Они одновременно поворачиваются ко мне. Оба такие красивые. И какие же у них темные глаза.

Нет, они не влюбляются.

Я промакиваю ватным тампоном скулу Кая, а Беккет продолжает:

— Всего лишь хотела сказать, что компания накачавшихся сидром маньяков — это не твоя аудитория. Выступать перед такими — все равно напрашиваться на неприятности.

Я давлю тампоном на скулу Кая. Он морщится.

— Прости. — Перестаю промакивать его ссадину.

— Все в порядке, милая. Слушай. — Он не то что тычет пальцем, но поднимает руку в сторону Беккет. — Я понимаю, о чем ты. Но с другой стороны, где, по-твоему, мне играть? Может, подскажешь адрес достойной площадки в нашем Хэвипорте? Стадион какой или театр?

Беккет улыбается:

— Тут ты прав. И думаю, любой художник так или иначе страдает из-за своего творчества. Только сомневаюсь, что Бакли реально получал по физиономии за свои песни.

Я снова раз-другой прижимаю ватный тампон к ссадине Кая.

Он шипит сквозь зубы:

— Ой, ничего-ничего, все норм, — но продолжает свой диалог с Беккет: — Слушай, Бек, я вырос на ферме в Шетланде, причем в компании братьев постарше, так что поколачивали меня не раз и не два.

Теперь он называет ее Бек. Не уверена, что мне это нравится.

— Шетланд? Ух ты. — Беккет смотрит в окно. — И как? После Шетланда Хэвипорт? Не кажется захолустьем?

— Вовсе нет. Наоборот, напоминает о доме.

Я роняю ватный тампон на колени и закручиваю пузырек с перекисью водорода.

— Ну, вроде все. Теперь получше?

Кай изображает улыбку:

— Намного. Спасибо. — Он вздыхает. — Но если не возражаешь, я, пожалуй, на боковую… Сон лечит.

Беккет изворачивается и смотрит на дверь моей спальни.

— Так вы вдвоем здесь живете?

Кай перехватывает мой взгляд, но я сразу отворачиваюсь — не хочу снова все это начинать.

— Нет, я просто… порой заваливаюсь к Линн.

Он с трудом встает с дивана, а я его на всякий случай поддерживаю.

Беккет молча за нами наблюдает.

— Спасибо, что поиграла со мной в медсестру, — шепчет мне на ухо Кай. — Обещаю, завтра на детских площадках драться не буду. Всем доброй ночи.

Он, прихрамывая, уходит в спальню и закрывает за собой дверь. В квартире становится тихо.

Я пытаюсь припомнить заготовленную по поводу бокальчика вина фразу.

Беккет зевает.

— Ну, мне, пожалуй, пора…

— Не хочешь выпить? — выпаливаю я, и она странно так мне улыбается. Я делаю глубокий вдох и продолжаю: — То есть… может, еще по бокалу чего-нибудь?

Беккет потирает шею. Она точно сейчас откажется.

— Ага… почему нет.

Я стискиваю зубы. Главное — не улыбнуться.

— Щас вернусь.

В кухне достаю из буфета специально заготовленную бутылку вина. На этикетке волнистым шрифтом — «Шатонёф-дю-Пап». Не знаю, действи-

тельно ли это хорошее вино, но цена двадцать один фунт — это больше, чем я вообще когда-нибудь в своей жизни выкладывала за бутылку. То есть прямо в три раза больше.

Разливаю вино по бокалам. Для меня бокал обычный, для Беккет — хрустальный. В процессе улавливаю запах и чуть не давлюсь от этого «аромата». Я красное вино вообще терпеть не могу, но она предпочитает именно красное, так что надо как-то себя к нему приучить.

Беру бокалы. Надо ли взять в комнату бутылку? Если возьму, смогу, если она проявит желание, освежить ее бокал сразу, не заставляя ждать. Но если я купила плохую марку вина, она, увидев этикетку, сразу это поймет. И может уйти.

У меня опять начинают дрожать колени.

Бутылку оставляю на кухне.

— О, спасибо, — говорит Беккет, принимая у меня бокал, а сама поудобнее устраивается на диване с несколькими подушками. — Какой красивый бокал. Чувствую себя прямо как королева.

Я сажусь рядом и поднимаю свой бокал:

— За тебя.

Но Беккет поднимает указательный палец:

— Нет, за тебя. Благодаря тебе я смогла почувствовать себя желанной гостьей в городе, где все

и каждый меня ненавидят.

Мы чокаемся.

— Они просто тебя не знают, в этом вся проблема, — говорю я и снова принюхиваюсь к вину. От запаха аж живот сводит. — Если бы они знали тебя, как я…

— Ух ты, — перебивает меня Беккет и причмокивает. — Просто фантастическое красное. Даже не думала, что ты такой знаток, прямо коносьер, как говорят французы.

— О, никакой я не знаток, а это всего лишь «Шатонёф-дю-Пап».

— Черт, — поперхнувшись, говорит Беккет, — Линн, не стоило ради меня откупоривать бутылку с таким классным вином.

— Но я хотела выпить с тобой именно такое классное вино.

Беккет усмехается, по-доброму усмехается.

— Хорошо, тогда еще по глоточку.

Мы пригубляем вино и удобнее устраиваемся на диване. Я делаю совсем маленький глоток и в процессе напоминаю себе, что ни в коем случае нельзя морщиться. А это, кстати, очень непросто.

— Надеюсь, Кай в порядке, — говорит Беккет, поглядывая на дверь в мою спальню. — Вечерок

выдался еще тот.

— Спасибо, что вступилась за него. Ты правда очень смелая.

— Точнее будет сказать — глупая.

— Я бы так не смогла.

— И правильно. Ты маленькая, в смысле, не с твоей комплекцией лезть врукопашную.

Я смотрю на вино в своем бокале и представляю, как эта красная жидкость опускается по моему горлу и дальше… Кажется, еще чуть-чуть, и срыгну.

— Прости… То есть мне правда жаль, что я там, в пабе, вела себя как тихоня. — Провожу языком по зубам, привкус неприятный, металлический такой. — Просто я… Ты меня немного пугаешь.

— Что? Почему?

— Ну, ты столько всего успела сделать или достичь, а я всего лишь работаю в офисе с какими-то скучными бумагами. Ты писательница, написала книги, получила за них разные награды. Люди не то что на тебя равняются, но, можно сказать, смотрят снизу вверх.

Беккет ставит бокал на кофейный столик.

— Вообще-то, эти времена уже позади.

— Но поверь, даже когда мы были детьми, я всегда считала, что ты особенная. Я тебя прям

боготворила… — Тут я прикрываю рот, чтобы не икнуть. Не следовало этого говорить, но поздно — вино в голову ударило. — Я вроде как хотела быть как ты или тобой.

Беккет чуть склоняет голову набок и внимательно на меня смотрит.

А я отпиваю еще глоток вина.

— Честно, ты для меня была, как, что ли… мечта. Твои глаза, длинные волосы, твои разные там платья. А у меня что? Светлые, под «боб» стриженные волосы, мы ведь не могли позволить себе тратиться на парикмахеров, поэтому мама сама меня стригла и… и что-то я заблеяла.

— Нет, перестань, ты вовсе не блеешь. И я даже польщена, просто… — Она снова берет свой бокал. — Не стоит тебе думать обо мне в таком ключе. Жизнь у меня не подарок.

— Да, конечно, ты ведь потеряла родителей, понятно, что тебе грустно.

— Вообще-то, я не об этом говорила.

Я в очередной раз подношу бокал к губам и думаю, что, возможно, ошиблась с маркой вина. От этого у меня как будто в ушах зудит что-то.

— То есть ты не особо скорбишь?

У Беккет после такого вопроса как будто кожа на лице натягивается.

— Вообще, все сложно.

— То есть ты… Я хочу сказать… ты поэтому не…

— Да, поэтому я не приезжала. У нас, у Райанов, нет такого обычая, как, например, проводить вместе уик-энды. — Беккет смотрит куда-то мимо меня, как будто что-то припоминает. — Мама однажды приезжала в Лондон. Лет семь или восемь назад. И скажу тебе, визит не задался. То есть нам обеим было неловко друг с другом, и в результате мы просто бродили по музеям, причем молча.

Тут я думаю о том, что, возможно, стоит когда-нибудь навестить Беккет в Лондоне. Мы бы могли вместе побродить по музеям, например заглянуть в мадам Тюссо… Или покататься на прогулочном катере по Темзе. Да, мы бы отлично провели время.

— Но я понимаю, откуда берется такое отношение у местных. — Беккет смотрит в пол. — Ведь только бездушная тварь откажется навестить своего умирающего отца.

— И что получилось после его кончины? — спрашиваю я, но так, чтобы Беккет не поняла, насколько я взволнована.

Мы ведь сейчас и вправду просто разговариваем, разговариваем, как старые добрые друзья, ну или подружки.

— В смысле — получилось?

— Ну, ведь твоя мама осталась совсем одна, так что…

Беккет поворачивается ко мне и смотрит на меня черными как уголь глазами. Я напрягаюсь. Сейчас она разозлится. Я слишком далеко зашла, это все из-за вина.

— Прости, лезу не в свое дело…

— Да ладно, можешь не извиняться. — Беккет чуть приподнимает руку. — И в городе все именно так и думают.

Беккет несколько раз часто моргает. В спальне кашляет Кай.

— Просто… мама и я… в общем, кое-что случилось… — Она стучит кулаком по подлокотнику дивана. — Я ведь собиралась ее навестить. И билет на поезд, которым приехала в Хэвипорт, забронировала еще за неделю до ее смерти. Скажем так, планировалось великое воссоединение. — Беккет хмурится. — Но откуда ж мне было знать… Я даже не думала, что она была настолько привязана к отцу, так прикована к его гребаному духу, что после его смерти, господи, всего через пять дней, возьмет и наглотается снотворного. Я просто не могла себе такое представить. — У Беккет розовеют щеки. — Она умерла в полном

одиночестве, и это моя вина.

Я придвигаюсь поближе и прикасаюсь к ее руке.

— Нет, ты не виновата.

Беккет молча смотрит на мою руку.

— Они… с мамами бывает все не так просто, — говорю я и убираю руку. — Моя воровала в магазинах. Такая у нее была зависимость.

У Беккет вытягивается лицо.

— О господи.

А я вспоминаю о пакете с целой кучей тюбиков помады у меня под кроватью. Я никогда ими не воспользуюсь, ни один даже не открою. А еще прямо сейчас, прямо под нами, под диваном стоит коробка с замороженными кормовыми мышами, которую я сегодня украла в зоомагазине.

— Я тоже ворую. У нее и научилась. — Вспоминаю, как у мамы загорались глаза, когда она в конце дня вываливала из сумки на кровать свою добычу: бусы, шоколадки… да хоть коробочки с канцелярскими кнопками. — Но я сейчас не об этом… Просто хотела сказать, что у тебя тогда, в детстве, было все, о чем я мечтала. Ты была умной, красивой девочкой, жила в большом доме и с хорошими родителями. У тебя была идеальная жизнь.

Беккет потирает большим пальцем пустой бокал. Возможно, она этого не понимает, но тогда ее жизнь действительно казалась идеальной.

Я указываю в сторону кухни:

— Еще вина?

Беккет не возражает, и я, вернувшись на кухню, наливаю нам еще по бокалу, до краев наливаю. Сердце часто колотится в груди. Все идет хорошо, даже слишком хорошо. Смотрю на темное вино и думаю о том, что собираюсь ей сказать, когда вернусь в комнату. О том, что никто не знает. О секрете, какой может связывать только самых близких друзей.

Отпиваю глоток прямо из бутылки.

— А ты действительно ничего не помнишь о своей жизни до того, как тебя отослали?

Я снова сижу на диване рядом с Беккет. Бутылка стоит на кофейном столике. Мелкий дождь тихо стучит в окно.

— Ничего, ну разве какие-то обрывочные воспоминания, и тех кот наплакал.

Я сглатываю, чтобы не рыгнуть, и понимаю, что реально запьянела.

— Странно как-то все это.

— Ты думаешь? — Беккет морщится. — А мне всегда казалось, что люди мало что помнят о

себе в возрасте до восьми лет. Ко мне порой возвращаются воспоминания, но как вспышки, то есть ничего конкретного и никакой последовательности в этих вспышках не наблюдается. Но я точно знаю, что у меня в детстве довольно часто случались ночные кошмары.

— А ты помнишь своего воображаемого друга?

Беккет приподнимает одну бровь:

— У меня был воображаемый друг?

— Ну, э-э-э, — мычу я, притопывая ногой по ковру. Я знала, что она забыла. — Это была маленькая девочка.

— И почему я об этом не помню? У нее было имя?

— Да… Ее звали Беккет.

Я вижу, что она растерялась.

— Что?

— Та девочка… — Я указываю на нее пальцем. — Это была ты.

Мы смотрим друг другу в глаза. Беккет медленно открывает рот.

— Не понимаю…

А я улыбаюсь — мне нравится выступать в роли рассказчицы.

— Странновато, да? Я тоже никак не могла этого понять, но так ты мне сама говорила.

Я хорошо помню, как не могла взять в толк — зачем выдумывать друга, который в точности похож на тебя?

Беккет смеется:

— Хочешь сказать, я вообразила себе… плохую версию себя?

Я киваю:

— Да, ты просыпалась посреди ночи и видела ее, она стояла в углу твоей комнаты.

— Жуть какая. — Беккет смотрит на стену, потом снова на меня. — А она что… просто наблюдала за тем, как я сплю?

— Ну и еще всякое разное. Ты говорила, что она живет у тебя под кроватью. И иногда по ночам тянет за одеяло.

Беккет поджимает губы, как будто чувствует какой-то неприятный запах.

— Мерзость какая, прямо до мурашек. — Она склоняет голову набок. — Впрочем, это многое объясняет. У меня в детстве были проблемы со сном. И вроде бы родители как-то отвозили меня на прием к сомнологу. — Она прищуривается. — Но ты-то откуда все это знаешь? У тебя, видно, память отличная.

На память я не жалуюсь, но дело не в ней.

— …то есть у меня память дырявая как решето,

а ты умудрилась так глубоко проникнуть в то, как была устроена моя психика в девять лет…

Я знаю все это, потому что больше двадцати лет назад украла твой дневник, который ты прятала под кроватью. В нем ты описывала свои ночные кошмары, писала о воображаемом друге, о том, что происходит в школе, и о своих проблемах с родителями. Обо всем.

— …и страшно то, что кошмары возвращаются…

А теперь твой дневник здесь, в этой комнате, прямо у тебя за спиной, я смотрю на тебя и вижу его на книжной полке.

— …как будто мое возвращение пробудило нечто в этом доме…

Я даже чувствую легкое возбуждение, когда вижу красный корешок твоего дневника у тебя за головой, а ты и не подозреваешь о том, что он так близко.

Ситуация, конечно, неловкая, но все равно в кайф.

— …даже как-то обидно, что я почти ничего не помню. Но я всегда любила писать, так что вполне могла вести что-то вроде дневника, согласна? Но у себя в комнате ничего такого не нашла, ни альбома, ни тетрадки. Может, все-таки еще слишком

мелкая была для такого.

— Да, жалко, — механическим голосом отвечаю я.

— Или вела дневник, но потеряла.

Отпиваю глоток вина, как будто так могу смыть или загнать подальше чувство вины. Почти готова признаться, но все же еще не готова. Мы сближаемся, она допускает меня в свой мир.

— Знаешь что. — Беккет вдруг встает и оглядывается, как будто что-то ищет. — Я, пожалуй, пойду.

Я беру со стола бутылку.

— Не уходи…

Но Беккет уже надевает пальто.

— Прости… но мне надо вернуться и осмотреть другие комнаты в доме. Наверняка найдется что-то, что поможет мне вспомнить о том времени.

Она застегивает пальто, а у меня во рту появляется противный кислый привкус от всего этого выпитого вина.

Что, если она больше никогда не вернется?

— И еще раз спасибо за «Шатонёф». — Беккет направляется к двери. — Но в следующий раз не трать на меня последние пенни, ординарное испанское меня вполне устроит. Ладно, до скорого.

Мы спускаемся вниз, я остаюсь стоять на крыль-

це и смотрю, как Беккет уходит по тропинке в саду. Она еще раз оборачивается и машет мне рукой, а потом исчезает из виду. Я вся в испарине на нетвердых ногах поднимаюсь обратно. В желудке урчит, комок подкатывает к горлу.

Я ускоряю шаг, врываюсь в квартиру, а потом и в туалет и там уже опускаюсь на колени перед унитазом. Блюю вином, а похоже, как будто кровью со сгустками.

Но меня это не волнует, я все прокручиваю в голове слова, которые перед уходом сказала Беккет: «В следующий раз… Не трать на меня… испанское меня вполне устроит… до скорого…»

Я улыбаюсь, и тягучая красная слюна стекает в унитаз.

В следующий раз.

16

Беккет

Открываю верхний ящик.

Пусто.

Средний.

Пусто.

Нижний заедает и поддается только после того, как я дважды нетерпеливо дергаю за ручку.

Внутри разные случайные мелочи: батарейки

на девять вольт, связка ржавых ключей, обувная коробка с мячами для гольфа. А в самом конце ящика, под куском мятой замши, — письма.

Достаю их и кладу на колени. Стопка довольно увесистая, перехвачена белыми эластичными резинками, и, судя по тому, что мне удается увидеть, послания написаны от руки.

Жадно снимаю резинки, морщусь, когда одна щелкает меня по пальцам, и веером раскладываю письма на коленях.

Это моя первая реальная добыча за ночь. В кухне все полки были пусты, как, впрочем, и полки шкафов в гостиной. Один разок я на несколько мгновений пришла в восторг, когда обнаружила в кладовой набитую бумагами картонную коробку, но, увы, бумаги эти оказались старыми экземплярами «Вестника Хэвипорта».

Но сейчас я наверняка наткнулась на что-то действительно ценное. Это могут быть любовные письма, медицинские рецепты, школьные табели.

Отец посчитал необходимым спрятать все эти бумаги в глубине ящика письменного стола в своем кабинете. Почему?

И тут я узнаю свой почерк.

Битва за Изумрудный мост.

Заголовок написан курсивом крупными, прямо скажем, далеко не идеальными буквами. Почерк детский. И это не письма, это мои истории.

Фантастическая повесть Беккет Д. Райан, автору восемь с половиной лет.

Может, он все-таки читал мои истории.

Я перелистываю страницы, и, когда попадаются названия, о которых не вспоминала уже столько лет, сердце у меня сжимается. *Замок Террабайн, Дракния,* даже *Башни Морта* — история с массой интересных задумок, из которой спустя годы, как из семян богатый урожай, выросла моя лучшая книга, мой хит — «Небеса Хеллоуина».

Отрываю взгляд от этих исписанных детским почерком листов и почти улыбаюсь.

Он сохранил мои истории. Да, спрятал подальше, но все же сохранил. Те немногие воспоминания, которые я сумела реанимировать за эту неделю, убедили меня в том, что отец игнорировал мои истории, надеясь, что я перерасту эту свою тягу к сочинительству. Но возможно, я ошибалась. Возможно, он, пусть эмоционально застегнутый на все пуговицы, верил в мой талант, верил настолько, что спрятал все эти истории в надежном месте.

Но потом я кое-что замечаю.

Один рассказ, только один, весь усеян пометками отца и на полях, и прямо по тексту. Злые, сделанные красной ручкой пометки, некоторые даже подчеркнуты, как будто учитель проверял плохо выполненное домашнее задание.

Смотрю на заголовок, и у меня перехватывает горло.

Я и мой воображаемый друг. Она приходит ночью.

Теперь я припоминаю, как писала этот рассказ. И как дала его отцу.

Дважды подчеркнутая, сделанная четким отцовским почерком пометка: *Перверсия.*

Потом еще: *Отклонение от нормы.*

И дальше:

Безграмотно

Учись писать по буквам

Вспоминаю, как он был недоволен, что я ему помешала с этим своим рассказом, а потом, взглянув на заголовок, умолк и притащил меня сюда, в свой кабинет. И здесь заставил смотреть на то, как оставляет свои яростные пометки напротив так старательно написанных мной абзацев. И ручка его скрипела, словно крысиные когти по стене.

Бегло читаю одну пометку за другой.

Тяга к жестокости

Неприемлемо

Тошнота подкатывает к горлу, но я не могу перестать это читать.

Слишком сексуализировано

Грубая лексика

Глупость!

Омерзительно

Безграмотно

Бессмыслица

ОМЕРЗИТЕЛЬНО

Покачиваясь, встаю со стула, и листки с тихим шорохом разлетаются по полу. Сердце грохочет в груди.

Мой рассказ в отцовском кабинете, исписанный его полными злости и желчи замечаниями, возвращает в реальность кое-что еще. То, что я похоронила глубже, чем воспоминания о том, как он писал красной ручкой эти пометки, даже не пометки, а обвинения… или ответы на обвинения.

Вот где их корень.

Побои.

Отец всегда снисходительно, даже пренебрежительно относился к моим фантастическим рассказам. Он категорически отказывался их

читать, прямо указывая на то, что предпочитает уделять свое время делам школы и реальной жизни. То есть тому, что я в своем сопливом возрасте просто не способна понять и оценить.

Но этот мой рассказ… С ним все было по-другому. Он привлек внимание отца и подтолкнул его к самому краю.

Вот почему обстановка в отцовском кабинете показалась мне такой знакомой, притом что я готова поклясться — в детстве для меня это была запретная комната.

Здесь это случилось. Здесь это всегда и происходило.

Обрывочные воспоминания кружат в сознании, словно дети на карусели, я запускаю пальцы в волосы и тяну, как будто могу так от них избавиться.

Смотрю вниз и вижу его черные кожаные, безупречно начищенные туфли, они совсем рядом, рукой дотянуться можно. Помню, как он, перед тем как начинались реальные игры, шлепал меня, резко, сильно, с оттяжкой. От таких шлепков не остается следов.

Вспоминаю, что он говорил потом низким сдавленным голосом.

Хоть кому-нибудь скажешь, сильно пожале-

ешь.

А теперь заткни свой маленький ротик…

Бутылка рома с прошлой ночи все еще стоит, как часовой на двухтумбовом столе. Хватаю ее, откупориваю и делаю большой глоток. Ром обжигает горло.

Во мне закипает злость, я начинаю нервно ходить кругами по кабинету.

Вспоминаю похороны. Собрание горожан. То, с каким обожанием люди говорили о Гарри Райане, их хвалы Хэвипорту. Потом — «Рекерс армс»; розочка от бутылки; ссадина на скуле Кая; ревущая от злобы толпа под дождем.

Это место пропитано ядом. Это могила. Этот город сводит людей с ума.

Хватаю со стола телефон и открываю «ФейсТайм».

— Би? Ты как там? Что-то случилось?

На экране появляется широкая улыбка Зейди и копна ее вьющихся волос.

А я снова начинаю расхаживать по комнате.

— Мне надо что-нибудь разбить и желательно вдребезги, вот что случилось.

Зейди усаживается на диван и смотрит на меня во все глаза.

— Успокойся, солдат. Что-то ты у меня мелька-

ешь, даже не уследить.

Я медленно останавливаюсь.

— Прости, просто… Этот город. Этот дом. Меня тут все начинает доставать.

— А ты разве не должна была уже вернуться?

Зейди может вести себя как заядлая тусовщица, но она мой самый надежный друг. Она умеет слушать. И помнит обо всем, что я ей рассказывала.

— Ну, это долгая и скучная история. Но да, я остаюсь в Хэвипорте. Может, недели на две.

— Господи помилуй. Тогда, пожалуй, пришлю тебе в помощь партию граппы.

У меня получается улыбнуться, а Зейди приглушает звук своего телевизора.

— Слушай, Зейд… — Я откашливаюсь. — Помнишь, что я тебе рассказывала в «Кок энд боттл»[10] о моем отце?

Это было два года назад. Обычный вечер в пабе. Мы выпили лишнего — ну, такое с нами нередко случается, — но именно в тот вечер комбинация из эля и джина подействовала на меня необычным образом и сподвигла на откровения.

В этой жизни я никому, кроме Зейди, об этом не рассказывала.

---

[10] Примечания: 10

«Кок энд боттл» (Cock & Bottle) — ресторан и паб в Ноттинг-Хилле в Лондоне.

— Конечно, — Зейди кивает, — конечно я помню.

Я понижаю голос, хотя дураку понятно, что в доме, кроме меня, никого нет.

— А здесь никто об этом не знает и никогда не узнает. — *Хоть кому-нибудь скажешь, сильно пожалеешь*. — Но теперь он на том свете, а они превратили его в какого-то святого. И мне ничего с этим не сделать. Он тут повсюду.

Зейди кривит губы:

— А тебе есть там с кем позависать? В смысле расслабиться, отвлечься от дурных мыслей?

— Ну, есть моя сталкерша, — отвечаю я, и Зейд усмехается. — Мы сегодня вечером в паб ходили, сблизились, так сказать. Но с ней что-то не так… Не пойму что… Странная она какая-то…

Я прокручиваю в голове события прошедшего вечера. То, как сидела с Линн на диване в ее миленькой квартирке и потягивала вино из хрустального бокала. А она прям заставляла себя «смаковать» вино, хотя я видела, что оно ей совсем не нравится. Вспоминаю, как она, пока мы разговаривали, смотрела куда-то поверх моей головы. Она определенно что-то от меня скрывает.

Я снова прикладываюсь к бутылке, но, оказывается, в ней уже ни капли не осталось.

— Знаешь, Би, в жизни частенько встречаются люди со странностями, так что я бы на твоем месте не стала так уж заморачиваться. — Зейди встает и тоже начинает расхаживать по комнате. — Ну и как там у них в пабе? Английские флажки и игровые автоматы с фруктами-ягодами?

Я бухаюсь во вращающееся кресло отца и расслабленно выпускаю бутылку, которая с приглушенным звоном падает на пол.

— Я там вроде как устроила небольшую стычку.

Зейд коротко смеется.

— Это ли не повод немного тобой погордиться?

Но я уже не смотрю на экран телефона — что-то на полу привлекло мое внимание.

— Би?

У меня под ногами на коричневом дубовом паркете лежит желтый, как старый зуб, конверт с грифом «конфиденциально».

— Эй, бестолочь.

Я снова смотрю на экран телефона.

— Прости, Зейди. Мне надо идти. Нашла кое-что. — Прижимаю ладонь к груди. — Но спасибо, куколка. Мне правда уже получше.

— Ну, если что, ты в курсе — я всегда на связи.

Выключаю телефон и, прищурившись, смотрю на конверт.

Поднимаю.

Он, наверное, выпал из найденной мной стопки рассказов. Только это никакой не рассказ. И адрес напечатан на пишущей машинке.

Тяжело вздыхаю и в холодной гробовой тишине открываю конверт.

Внутри письмо.

Шапка письма:

Клиника сна «Хороший отдых»

ОТЧЕТ О РЕЗУЛЬТАТАХ КОНСУЛЬТАЦИИ

Беккет Диана Райан, возраст: 9 лет

25 января 2000

Уважаемые мистер и миссис Райан…

Я отрываюсь от письма и тупо смотрю на стену.

Врач, занимающийся проблемами сна. Сомнолог.

Значит, я была права.

Январь 2000 года

— Беккет, мы здесь, чтобы помочь тебе, хорошо? И я обещаю: мы найдем способ все исправить.

Папа с мамой привезли меня в заведение под названием «Клиника сна», там доктора и ученые попытаются положить конец моим ночным кошмарам. Доктор в очках с прямоугольной оправой сидит за столом и притворно улыбается, а я болтаю ногами под стулом, временами постукивая ими друг о друга.

— Сначала мы немного побеседуем, ты и я, а потом, на следующей неделе, надеюсь, ты вернешься и переночуешь в одной из наших специальных комнат. Просто поспишь, а мы будем наблюдать за тобой через стекло.

Доктор старается говорить благодушно, будто в этом нет ничего такого, будто это безобидное развлечение. Но я-то знаю, что это не так, я вообще не люблю, когда за мной наблюдают.

— Расскажи мне о своих кошмарах.

Я смотрю на маму, она кивает:

— Давай, Беккет, все хорошо.

— Ну… мама говорит, что это всего лишь пло-

хие сны, но мне кажется, что все происходит на самом деле.

Доктор опирается локтями о стол.

— И что же в такие моменты происходит?

— Я… просыпаюсь, вижу мою спальню, мои игрушки… Но я не могу пошевелиться.

— То есть тебя как будто… что-то парализует, да? Как будто ты закоченела?

У меня указательный палец уже давно залеплен пластырем, я дергаю его за краешек, и он начинает отлепляться. Пластырь розовый и в пупырышках, как язык у котенка.

— Угу.

Я тяну за пластырь и сама смотрю, как он, липкий такой, цепляется за мой палец, со стороны похоже, будто я сдираю собственную кожу.

— Беккет. — Мама прикасается к моему плечу. — Прекрати.

— И что происходит дальше? — спрашивает доктор.

Я кладу руки на колени.

— Потом я вижу всякое.

— Например?

— Например, моего воображаемого друга, — признаюсь я, и у меня начинает щипать щеки, как от колючего ветра.

Доктор записывает что-то в свой блокнот.

— А не скажешь мне, кто же он, твой воображаемый друг?

— Девочка, и она — это я.

Доктор откидывается в кресле и даже как будто немного подпрыгивает на месте. На его лице появляется какое-то странное выражение.

— То есть как?

— Она — плохая я. Злая.

Доктор поправляет очки.

— Ты боишься ее, Беккет?

Я смотрю на свои ноги и до боли прикусываю губу.

— Угу. — Потом поднимаю голову и смотрю на доктора, во мне начинает закипать злость. — Я ее ненавижу.

— Что ж, это интересно, — бормочет доктор, как будто сам с собой разговаривает. — Необычно…

Слезы щиплют глаза.

Доктор снова что-то пишет в свой блокнот и бормочет:

— …воображаемый… друг…

Воздух вокруг меня становится красным, я ничего толком не вижу, слезы находят путь на волю и текут по щекам.

— А скажи, Беккет, что ты видишь…

— Не хочу больше с вами разговаривать! — захлебываясь слезами, кричу я.

Доктор встает из-за стола и машет в мою сторону руками.

— Все хорошо, Беккет, не хочешь, не будем. А теперь я побеседую с твоими папой и мамой, хорошо? Давай ты подождешь снаружи, а?

Из-за того, что я расстроилась и сорвалась на крик, придется какое-то время одной, без родителей, посидеть в приемной.

В углу приемной горшок с большим и блестящим комнатным растением, а на полу целая куча кубиков лего. Кроме меня, там еще другие дети, сидят на стульях рядом со своими взрослыми.

Доктор показывает на журнальный столик по соседству с моим стулом.

— Мы недолго, Беккет. Вот тут у нас комиксы, если заскучаешь.

Он снова изображает улыбку и возвращается в свой кабинет, а я смотрю на других детей.

Один мальчик с растрепанными волосами и темными кругами под глазами читает книгу. Он поднимает голову и смотрит на меня. Я сразу отворачиваюсь и беру с журнального столика комикс, но читать или разглядывать его не собираюсь.

— Мистер и миссис Райан…

Я выпрямляюсь на стуле, здесь рядом с дверью еще можно услышать, о чем говорят в кабинете.

— …я очень ценю, что вы нас сегодня посетили. Знаю, путь был неблизкий.

Чуть повернувшись, замечаю, что дверь в кабинет осталась приоткрытой.

— О, не стоит, доктор Лоуз, — отвечает ему папа. — И мы вам очень благодарны за то, что приняли нас так быстро.

— Пожалуйста, зовите меня Нил. И не благодарите. Мой брат, как вы знаете, живет в Хэвипорте. Он очень лестно отзывается о вашей школе, его сыновья-близнецы уже девятый год у вас учатся.

— Ах да, Роберт и Люк. Но я не стал бы ставить их успехи себе в заслугу, у них прекрасные учителя. Да и сами мальчики башковитые. Это у них, должно быть, семейное.

Доктор смеется, и папа тоже.

Потом ненадолго наступает тишина.

— Итак, Нил, после этой беседы у вас появилось понимание… в чем причина тревожности нашей дочери?

Тре-вож-ность. Причина моей тре-вож-но-сти.

— Да, э-э… вы когда-нибудь слышали о гипнагогических галлюцинациях? — Доктор ждет, но ему

не отвечают. — Такого рода галлюцинации не редкость, и, уверяю, беспокоиться вам не о чем, но они бывают довольно… яркими.

Рядом с мальчиком с усталыми глазами сидит мужчина, скорее всего его отец. Он наклонился вперед и, упершись локтями в колени, обхватил голову руками. Я поглядываю на них, и мне становится грустно.

— По сути, гипнагогия — это промежуточное состояние между бодрствованием и сном. Когда Беккет засыпает, ее тело, скажем так, отключается и она зависает на пороге сознания. Но в этот промежуток времени Беккет все еще способна воспринимать отдельные элементы реальности. Она может видеть стены своей спальни. Может кожей ощущать прикосновение одеяла. И все эти картинки, звуки и прикосновения для нее могут быть такими же реальными, как если бы она в этот момент бодрствовала.

Я смотрю на обложку комикса. На обложке — Деннис Угроза и его пес Гнашер. Физиономии у обоих ярко-зеленые, как будто их вот-вот стошнит.

— И опять-таки, наступление сна открывает подсознание Беккет для галлюцинаций, и это может привести к наслоению причудливых, по-

хожих на сон, видений на реальную обстановку вокруг нее. И если видения мрачные и тревожные, они действительно могут пугать, то есть ребенок может воспринимать их как кошмар наяву.

Сморщив нос, разглядываю большую зеленую физиономию Денниса. Смысл многих слов, что говорит доктор, я не понимаю, но два слова «кошмар наяву» мне не нравятся. Совсем не нравятся.

— О господи, — говорит мама. — Господи, это ужасно.

— Мы можем что-нибудь с этим сделать? — спрашивает папа.

— Гипнагогия как таковая не лечится. Триггером для нее может послужить любой пережитый за день опыт ребенка, мысли Беккет, ее чувства, надежды или страхи. Но вероятность того, что гипнагогия пройдет сама собой, очень велика. И это возвращает меня к воображаемому другу, вернее, подружке Беккет.

— Да, конечно, — говорит папа. — Она ведь уже большая девочка для таких друзей, верно?

— Вообще-то, воображаемые друзья нередко присутствуют в жизни детей до двенадцати лет или около того. Опять же дети придумывают себе таких друзей не просто так, этому всегда есть

причины. Одиночество, тревожность. Скука.

Кладу комикс обратно на журнальный столик. Мне не скучно. Я вообще никогда не скучаю.

— Гипнагогия — не точная наука, но, по моему мнению, ваша дочь страдает от крайне низкой самооценки. Возможно, даже ненавидит себя. А воображаемая подруга Беккет — это темная проекция ее самой, проявление ее представления о себе. Так она подсознательно о себе думает.

Я по-прежнему не совсем понимаю, о чем там говорит доктор, но у меня от его слов начинает болеть живот, как будто все внутри горит и скручивается в узел.

— Мистер и миссис Райан, позвольте спросить… Беккет… она дома счастлива?

Этот вопрос доктор задает тихим голосом, я едва могу его расслышать.

— Э-э, да, — отвечает папа. — Очень даже счастлива.

— Поймите, я не просто так спрашиваю и, поверьте, ни на что не намекаю… Но дети — сложные существа, уверен, вы сами прекрасно это знаете… И если ребенок чувствует… не знаю… что с ним не считаются или не уделяют должного внимания…

Я поглядываю через плечо на дверь. Доктор не

закончил предложение, но все равно замолкает. А папа коротко откашливается, как он часто делает, когда говорит по телефону.

— Знаете, Нил, спасибо за консультацию, все это очень полезно, но, думаю, нам пора. Беккет, наверное, уже проголодалась.

Я не проголодалась. Мама перед поездкой накормила меня фасолью.

— Вы уверены? У нас есть еще двадцать минут…

Слышу, как отодвигают по полу стулья. Звяканье ключей. Потом шаги. Дверь открывается, и я мгновенно опускаю голову, как будто очень заинтересовалась комиксами.

— …и мы не назначили дату обследования Беккет. На следующей неделе вам будет…

— Еще раз спасибо за все. — Папа пожимает руку доктору. — Но мы должны вернуться домой и все обдумать как семья. Надеюсь, вы понимаете.

Мама подает мне куртку.

— Да… хорошо… — соглашается доктор, но я по его голосу чувствую, что он растерялся.

Сую руки в рукава.

— Идем, милая. — Папа берет меня за руку. — Поехали домой и купим тебе пиццу или еще что-нибудь вкусное.

Я смотрю на свою сжатую в папином кулаке ладонь. Раньше он никогда не брал меня за руку.

— Мы с вами свяжемся, Нил. Хорошего вам вечера.

Мы обходим горку кубиков лего и направляемся мимо блестящего растения к двери приемной.

Мальчик с темными кругами под глазами показывает мне язык.

— Гарольд, поговори со мной.

Это уже после возвращения из клиники. Мне положено быть в постели, но я сижу на лестничной площадке рядом с зеленым комодом и слушаю. Дом поскрипывает, как это всегда бывает в ветреную погоду.

— Я занят, Диана. Сегодня вечером я пропустил очень важное совещание у губернатора.

— Но один вечер они ведь могут как-то без тебя пережить?

— Дело не в этом. Я прошу тебя об одном — разобраться с… этой ситуацией, а ты вместо этого втягиваешь меня в нее и впустую тратишь мое время.

— Втягиваю тебя? Она твоя дочь.

Раздается резкий, похожий на щелчок звук — это, наверное, папа стукнул ручкой о стол или отбросил ее.

— То есть теперь я должен испытывать чувство вины за то, что ответственно отношусь к своей работе?

— Нет… вовсе нет. Но нам надо поговорить… — Мама понижает голос, как будто опасается, что я могу их услышать. — Мы должны поговорить о Беккет. О том, что сказал доктор.

— Этот тип не более чем разрекламированный и захваленный фельдшер-болтун, который не смог получить соответствующий для приличного доктора диплом. И племянники его — неисправимые лентяи и бездельники.

— Но, Гарольд, если она несчастна, может, нам стоит подумать… не знаю, подумать, в чем причина.

Папа стонет.

— Хорошо, давай поговорим. Итак, почему, по-твоему, Беккет несчастна?

Мама отвечает не сразу. Тишину нарушает только стук ветра в окна.

— Ну… ты… ты иногда бываешь с ней излишне строг.

— То есть если она несчастна, то виноват в этом я?

— Я этого не говорила, но… я действительно думаю, что Беккет порой может казаться, то есть

ей грустно оттого, — тут мама снова понижает голос, — что ты больше своего времени посвящаешь заботам о детях в твоей школе, а не о ней.

Скрипят ножки стула. Я догадываюсь, что это папа встает из-за стола.

— Мой отец был директором средней школы Хэвипорта на протяжении двадцати пяти лет. А до него — мой дед. Да, ради всего святого, мой прадед голыми руками помогал строить это треклятое место. Таков путь представителей моей фамилии, Диана. Мы — лидеры и учителя, я — Райан, и мой долг не только следовать этому пути, но и передать фамильное отношение к делу по наследству.

Папиного папу зовут Уоллес, и он не улыбается так, как улыбается другой мой дедушка.

— А та девочка, наверху в своей спальне, она никогда не станет лидером этого сообщества. Даже будь у нее миллион лет в запасе. Она слишком эгоистична, поглощена собой, одержима своими историями и этой абсурдной воображаемой подружкой. Ей давно пора научиться жить в реальном мире.

— Но, Гарольд, это всего лишь детские фантазии.

— А ты думаешь, что школа Хэвипорта или этот

дом были возведены на фундаменте из каких-то там фантазий. Мечты наяву ни к чему ее в этой жизни не приведут. Мечтания — путь в тупик. — Я слышу, как мама начинает что-то говорить, но папа ее перебивает: — И кстати, я прочитал этот ее дикий рассказ, где она пишет о своем появляющемся по ночам дружке или подружке. Это какая-то перверсия, плод больного воображения, неудивительно, что она плохо спит по ночам. У нее голова забита всякой ерундой.

Пер-вер-сия. Интересно, что это за слово.

— Ты действительно хочешь знать мое мнение? — спрашивает папа.

— Конечно, конечно хочу.

— Так вот, мы должны отослать ее из дома. В школу-интернат. Куда-нибудь на другой конец страны. Иначе у нее никогда мозги на место не встанут.

— Гарольд… нет… — Мама начинает плакать. — Я тебе не позволю, она — все, что…

Слышу, как папа идет через кухню. Останавливается, наверняка рядом с мамой, наверняка теперь они стоят лицом к лицу.

— Ты хотела сказать — она все, что у тебя есть?

— Нет, не это… я просто… Прошу, не надо, не поступай так со мной, с ней.

— Я принял решение. Утром сделаю несколько звонков.

Смотрю вниз сквозь деревянные перила на телефон в холле.

Они собираются отослать меня из дома? В школу-интернат? Мне, наверное, должно быть из-за этого грустно, но я не грущу. Я хочу уехать. Я ненавижу это место.

— Ты винишь меня, да?

Это снова мама.

— Тебя? За что? — спрашивает папа.

Мама отвечает срывающимся от слез голосом:

— За то, что больше не могу иметь детей. За то, что не подарила тебе сына.

И снова надолго становится тихо. Но тишина неприятная, в такой тишине обычно происходит что-то плохое.

А потом папа отвечает:

— А почему я не должен винить тебя? — Голос у него равнодушный, и от этого даже как-то жутко становится. — Это твоя матка.

2023

17

Баронесса, закутанная в роскошную серую шаль, грациозно и плавно, словно кошка, спускается по ступеням своего особняка в георгианском стиле.

Завидев меня, здоровается:

— Доброе утро, Беккет.

— Вы расстроены из-за меня? — спрашиваю я, пока она идет по гравийной дорожке мимо высокой, покрытой лишайником статуи древнего воина. — Но в свое оправдание я…

— Все хорошо, — перебивает баронесса и останавливается рядом со мной. — Я понимаю. Правда понимаю. Эта приключившаяся в пятницу вечером, скажем так, потасовка… Не стану притворяться, будто, услышав о ней, пришла в восторг. Но у меня был опыт общения с человеком, о котором идет речь, и он показался мне малоприятным.

— Малоприятным? — переспрашиваю я и засовываю руки поглубже в карманы пальто. — На мой вкус, определение малоподходящее.

Баронесса сдерживает улыбку:

— Ну еще бы. Кофе?

Спустя пять минут мы, каждая с чашечкой кофе в руке, стоим на мощеной террасе с видом на обширные земли Анкора-парка и наслаждаемся необычно ярким для зимы солнцем.

Поместье Надии расположено высоко над Хэвипортом, с северной его стороны. Отсюда отлично просматривается весь город и холмистый рельеф сельской местности, даже видна черная полоска Ла-Манша. Наверняка, когда баронесса с такой высоты оглядывает свое поместье, ей кажется, что она все держит под контролем. Ни дать ни взять королева в своем замке.

— Мне нравится ваш дом, — говорю я, отпив маленький глоток кофе. — Просторный.

— Двадцать шесть комнат, если быть точной.

Я оборачиваюсь и смотрю на гостиную, через которую мы прошли на террасу. Высокий золоченый потолок, рояль, на стенах — портреты предков.

Мне становится интересно: баронессе когда-нибудь бывает одиноко? А когда она поздно вечером проходит мимо одного из этих портретов, ей не кажется, что за ней кто-то наблюдает?

— Конечно, дом слишком велик для меня, — за-

мечает Надия, словно прочитав мои мысли. — Но он мне дорог, я его очень люблю.

Я снова смотрю на сады. В центре идеально ухоженной лужайки мирно журчит каменный фонтан. Струи воды сверкают на солнце. В основании фонтана вырезаны три якоря.

— Тот, кто спланировал это место, определенно вдохновлялся связанными с морем образами, — говорю я, указывая на фонтан.

Надия отпивает глоток кофе.

— В доме еще несколько. Отсюда и название.

— О… о да. — Я подавляю зевок. — А я зову себя писательницей.

— Анкора — это латынь, — поясняет Надия и указывает в сторону города за холмами. — Если будете повнимательнее, увидите — в Хэвипорте они повсюду: на нашем геральдическом щите, на гербе школы, ну и так далее.

— И каково его значение, помимо очевидного?

— Якорь — символ надежды, особенно в христианской системе взглядов. Надежды и спасения.

Я вспоминаю, что сказала Надия при нашей первой встрече.

Гарольд, он был символом надежды, а у нас тут в Хэвипорте с надеждой на будущее не очень-то хорошо.

Отвернувшись от Надии, смотрю на лабиринт из живой изгороди за садами и думаю о гербе школы. Вспоминаю, что почувствовала, когда на прошлой неделе впервые прошла мимо него.

Якорь не ассоциируется у меня с надеждой. Он подталкивает меня к мыслям о чем-то тяжелом и ржавом, о том, что тянет тебя на дно, держит под водой, пока ты не утонешь в собственных страхах.

— Кстати, — продолжает Надия у меня за спиной, — я в пятницу говорила со своим агентом по недвижимости, процесс продажи запущен и идет полным ходом.

Густая глубоководная слизь сочится из разрушенной стали.

– Что?.. О да, это хорошо, спасибо.

— И план относительно детского приюта тоже. Я связалась с подрядчиками, так что, как только сделка по продаже будет завершена, мы в кратчайшие сроки отремонтируем ваш старый дом.

Маленькая девятилетняя Беккет выглядывает из кабинета моего отца.

У нее выпученные белые глаза, слишком большие для моего лица.

Она похожа на паука.

Я не могу спать в темноте. А ты?

– Беккет? — Надия прикасается к моему плечу, и я мгновенно возвращаюсь в реальный мир. — С вами все в порядке?

Я встряхиваю головой:

— Да… да, все прекрасно, просто… залюбовалась вашим лабиринтом.

— Согласна, он производит впечатление. — Надия вздыхает. — Знаете, я за все эти годы научилась жить с мыслью, что никогда не стану матерью. Но с одним ничего не могу поделать — постоянно представляю, как бегаю там с парочкой своих малышей, мы счастливы и хохочем как сумасшедшие.

Чуть запрокинув голову, смотрю на ряд высоких окон в великолепных рамах, который тянется вдоль всего первого этажа.

— А вы никогда не думали о том, чтобы открыть детский приют здесь, в этом доме? — спрашиваю я, прикрыв ладонью глаза от солнца. — Тут вы могли бы приютить половину населения Хэвипорта.

— Если коротко — да. Но Чарнел-хаус больше подходит для задуманного мной проекта. И по площади, и по атмосфере. Есть в нем какое-то особенное очарование, вы со мной согласны?

Я смотрю на свой кофе и представляю роди-

тельский дом.

Стоит на своем углу и постепенно ветшает.

— Пожалуй, да.

— Кроме того, Эндрю незадолго до смерти попросил меня позаботиться о том, чтобы однажды Анкору открыли для гостей нашего города. Он хотел, чтобы это поместье стало местом притяжения для туристов.

— И вы выполните его просьбу?

— Со временем обязательно. Но пока буду двигаться пошагово от одного проекта к другому. И кстати, у вас-то как успехи?

Нервно хмыкаю:

— Я что, теперь один из ваших проектов?

— Можете это и так назвать, — с теплой, почти материнской улыбкой отвечает Надия. — Ну же, выкладывайте. Как вы?

— Хотите знать, чем я занята, кроме нанесения увечий местным и участия в заварушках?

Надия приподнимает брови, изображая, будто удивлена таким моим наглым ответом.

— Я лишь интересуюсь, как вы осваиваетесь в Хэвипорте, как вам живется в родительском доме. Удалось вспомнить что-нибудь о прежней жизни в нашем городе?

— Вообще-то, да. — я вспоминаю о найденных в

кабинете отца бумагах и о его желчных пометках на полях моего рассказа. Это мой воображаемый друг подтолкнул его к насилию. — Но все эти воспоминания безрадостные. Пока что.

Надия на секунду задумывается, а потом спрашивает:

— Вы всё?

— Что — всё?

Она показывает на чашку у меня в руке.

— Ах да. Спасибо.

Надия берет у меня чашку, ставит ее на ближайшую скамейку и указывает на дом.

— Давайте вернемся. Мне есть что вам показать.

И глаза у нее при этом как-то подозрительно возбужденно блестят.

Надия устраивает для меня экскурсию по первому этажу.

Извилистый маршрут ведет мимо подсобных помещений и кладовых, мимо винтовых, неизвестно куда уводящих лестниц, по напичканным разным антиквариатом залам приемов, из окон которых открываются панорамные виды на Анкору.

И пока мы бесшумно идем по устланным коврами коридорам, за нами с суровыми лицами и

неподвижными глазами наблюдают расставленные через равные промежутки бронзовые бюсты — предположительно предки покойного мужа баронессы. Как будто головы казненных ночных стражей следят за сохранностью богатств своих хозяев.

Наконец входим в небольшое, похожее на библиотеку или читальный зал помещение. Надия подходит к одному из книжных стеллажей, поднимает руку и прикладывает ладонь к самому широкому корешку.

— Неужели вы собираетесь продемонстрировать мне некое тайное подземелье?

Надия оглядывается на меня и слегка прищуривается.

— Не совсем.

Она давит на корешок книги, и вдоль одной стороны стеллажа появляется тонкая светящаяся полоска. Надия выпрямляет руку, полоска становится шире.

У меня отвисает челюсть.

Весь стеллаж с тихим шуршанием поворачивается, и Надия жестом приглашает меня пройти внутрь. Я проскальзываю мимо нее, прямо как Алиса в Зазеркалье, и оказываюсь в небольшой квадратной комнате с низким потолком.

Освещение здесь мягкое, как и шикарные кожаные кресла, а на одной из стен установлен экран.

— Да у вас тут свой домашний кинотеатр, хитрюга вы эдакая.

Надия покачивает головой характерным для индусов образом, у такой их реакции может быть сотня разных значений. Я улыбаюсь, потому что впервые вижу это в ее исполнении.

— Вообще-то, мне больше нравится называть это место просто кинозал, — говорит она.

Я медленно провожу пальцами по обитой тканью стене, ощущение очень приятное. В кинозале уютно и тихо, легко могу представить какого-нибудь чудака, который с удовольствием укроется здесь от внешнего мира на несколько дней, только прежде, как белочка, запасется орешками.

Стоило мне об этом подумать, замечаю в дальнем углу под экраном нечто знакомое — застекленный шкаф на двух колесах, а внутри подвешенная над металлической решеткой кастрюля.

— Да у вас тут попкорнмейкер! — со смехом восклицаю я. — Нет, это не просто кинозал, это сто процентов — кинотеатр.

Надия закрывает вращающуюся дверь и пожимает плечами:

— Как скажете.

— Интересно, а что тут было в старые добрые времена? Винный погреб? Потайная подземная темница?

— Боюсь, все куда прозаичнее. — Надия уже отошла в дальний конец комнаты и что-то набирает на ноутбуке. — Угольный бункер. Когда я его переоборудовала, попросила строителей добавить фиктивный книжный стеллаж, потому что… а почему бы и нет? — Она перестает печатать и оборачивается. — Грешна — люблю прокрадываться сюда в воскресные вечера с бутылочкой вина и плиткой темного шоколада и всю ночь напролет смотреть старые фильмы времен моей юности. Классику Болливуда и все в таком духе.

— Звучит потрясающе.

— Так и есть.

Надия снова покачивает головой, как это делают только индусы. Здесь она явно чувствует себя раскрепощенно.

— Знаете, — говорю я, заглядывая в попкорнмейкер, — когда я подписала с «Парамаунт» контракт на экранизацию моей книги, то меня сразу начали посещать наяву разные постыдные фантазии на тему, как я потрачу гонорар, если франшиза выйдет на экраны. И домашний кино-

театр в моем списке шел под номером один. — Я перестаю разглядывать внутренности попкорн-мейкера и выпрямляюсь. — Но в моем, конечно, было бы джакузи.

— А вместе с ним реальные проблемы с сыростью, — замечает Надия и снова склоняется над ноутбуком.

— Это да.

Я прохожу через комнату и плюхаюсь в одно из кресел. Ощущение такое, будто утопаю в гигантских размеров зефире.

— И что же сталось с этими вашими фантазиями наяву, Беккет?

— А? Что?

Надия появляется за спинкой моего кресла.

— Ваша мечта о джакузи в домашнем кинотеатре. Чем все закончилось?

— О… ну… — Я выпрямляюсь, чтобы поприличнее, а не развалившись сидеть в кресле. — Фильм провалился, продажи книги прекратились, и теперь моя карьера спущена в унитаз. Но все же лучше не зацикливаться на прошлом, согласны?

— Согласна, только что-то мне подсказывает, что вы еще не распрощались с этими вашими мечтами наяву.

Надия смотрит мне в глаза, а мне почему-то

становится жарко.

Быстро отвожу взгляд и показываю на экран.

— А для чего мы здесь? Не думаю, что вы пригласили меня сюда на дневной просмотр болливудских мюзиклов?

— Да, верно. Если позволите… — Надия направляет на экран небольшой пульт. На экране появляется расплывчатый кадр. — Я продемонстрирую вам совсем недавно смонтированный фильм «Школьный праздник».

С этими словами она снова ускользает, нажимает на клавишу ноутбука, и фильм начинается.

Похоже на домашнее видео, но не современное, а древнее, из тех, где в нижнем левом углу указывались время и дата съемки. У этого — PM 3:27 июль 12 1997. Снимал явно любитель — картинка подрагивает, но я четко вижу залитое солнцем игровое поле, толкающихся у футбольных ворот ребятишек и болельщиков — взрослых, которые дружески переговариваются и то и дело хлопают, подбадривая игроков.

Звука пока нет, картинка от этого кажется какой-то нереальной, а я сижу, утопая в мягком кресле, слушаю тихое гудение проектора и под аккомпанемент этого гудения в меня проникает предчувствие чего-то жуткого.

— Где… откуда это у вас?

Надия устраивается в кресле рядом со мной, и в это время включается фонограмма: визжат дети, свистят родители, слышны глухие удары по мячу.

А потом в кадре появляется мой отец.

— Это с одного из благотворительных уик-эндов, которые организовал Гарри в далекие девяностые, — отвечает Надия. — Мой хороший друг Кеннет Оллман — у него было старое фотоателье за пассажем — прислал мне эту пленку после городского собрания, подумал, что я смогу как-то ее использовать для детского приюта. — Она поглаживает себя по подбородку длинными красивыми пальцами. — Например, смонтировать из этих съемок рекламный ролик и разместить его на нашем веб-сайте. — Надия поворачивается ко мне. — Я бы хотела, чтобы вы это посмотрели.

К ногам отца подкатывается футбольный мяч, он останавливает его носком кроссовки и тут же отбивает в поле.

Я напрягаюсь и во все глаза смотрю на экран.

— Помаши нам, Гарри, — говорит человек за кадром, очевидно упомянутый ранее Кеннет. Снова это прозвище — Гарри, как же оно меня бесит. — Кто выигрывает?

Отец смеется:

— Точно не я.

В это время к нему подбегает маленький мальчик и доверчиво так, даже с любовью, обхватывает его за ноги. Отец рассеяно опускает руку ему на плечо.

— Я сейчас забью гол! — заявляет мальчик и убегает.

Отец бросается за ним:

— Если догоню — не забьешь…

Я чувствую, как Надия украдкой на меня поглядывает, и понимаю, о чем она думает. Она ожидает, что эти милые сценки вызовут у меня воспоминания о счастливых деньках, которые я проводила со своим отцом, как мы с ним беззаботно смеялись и играли на какой-нибудь залитой ярким летним солнцем лужайке.

— Эй, Гарри! Подойди на секундочку, — зовет из-за камеры Кеннет.

Отец разворачивается и направляется к экрану. Его лицо озаряет широкая, радостная улыбка. Такой улыбки в моих воспоминаниях точно нет.

Волосы у него взъерошены от бега, рукава рубашки закатаны, ворот расстегнут. Он расслаблен и полностью доволен происходящим.

— Гарри, скажи нам несколько слов о сегодняш-

нем дне. Для тех, кто посмотрит это в будущем.

Отец запыхался и раскраснелся. Он откидывает челку со лба.

— Даже не знаю, с чего начать. Сегодня выдался прекрасный день, и я хотел бы поблагодарить всех, кто принял в нем участие. Насколько я могу судить, на достойные и важные проекты для нашей школы и города были собраны сотни фунтов… — Он прерывается, потому что на него снова налетает тот мальчишка. — Привет, Ральф, как тебе наш праздник?

— Лучший… в мире! — заявляет мальчишка и убегает из кадра.

Отец снова поворачивается к экрану.

— Вот видишь… дети одобряют, — говорит он и смеется. — Но… хочу повторить — спасибо всем, кто сделал этот праздник возможным. Без…

— Брось, Гарри. Если бы не ты, ничего бы не состоялось. Хоть раз признай свою заслугу.

Отец скромно отмахивается:

— Это командная работа, Кен. Только сообща…

— Можно это выключить, пожалуйста?

Я смотрю на свои колени, сердце колотится с бешеной скоростью, вибрирует, как заводная игрушка.

Надия моментально вскакивает с кресла.

— Простите, Беккет. — Она исчезает в конце комнаты и останавливает видео. — Я не думала, что это может вас расстроить.

— О, все в порядке… Вы здесь ни при чем… Просто это не он. По крайней мере, не для меня.

Гарольд на том видео не тот человек, который меня терроризировал, не тот мужчина, который на протяжении сорока лет год за годом подавлял мою мать и в итоге сумел сломить ее дух. Да, я крайне мало помню о том периоде своего детства, но из фрагментов, всплывающих в моей памяти, складывается картинка, отличная от той, что я только что видела на экране. Получается, отец каким-то образом сумел разделить свое «я» надвое. Один Гарольд, прекрасный и благородный, для жителей Хэвипорта, а другой, гадкий и жестокий, для нас с мамой.

В кинозале Надии тепло и уютно, но, когда я, стиснув зубы, смотрю на застывший на экране образ отца, меня бросает в озноб. В этот момент существование моей воображаемой подруги, моего альтер эго внезапно обретает смысл. Одна Беккет, психически нормальная и, в общем-то, самая обыкновенная девочка — для светлого времени суток, а для темного — другая, злобная, с извращенной психикой.

Это мне, должно быть, от него передалось.

Надия присаживается на подлокотник кресла.

— Я подумала, что следует вам это показать. Не надо было, да? — с болью в голосе спрашивает она.

И я чувствую укол вины из-за того, что так остро среагировала на какие-то старые съемки со школьного праздника.

— Да нет, не волнуйтесь так. Вы же просто хотели помочь, — заверяю я Надию, откидываюсь на спинку кресла и смотрю на свои руки. — Знаете, в последний раз я с ним говорила в его день рождения. Ему тогда шестьдесят исполнилось. Мы уже много лет не разговаривали, но в то утро я решила что-то изменить, так сказать, навести мосты, ну или мостик. — Я мысленно возвращаюсь в тот день, слышу металлические нотки в его голосе, который к тому времени стал для меня почти чужим. — Сначала мы были вежливы друг с другом, но это длилось недолго. А потом он втянул меня в какой-то бессмысленный спор. Я сорвалась и назвала его желчным стариком. Он не остался в долгу — сказал, что Райаны всегда могли гордиться собой, всегда были уважаемыми членами общества, что Райаны — это семья лидеров, а я все это разрушила. Сказал, что в этой

жизни никогда ничего не достигну, и еще сказал больше ему не звонить. — Я потираю ладонь большим пальцем. — Именно тогда мой третий роман включили в список бестселлеров «Санди таймс», и он шел под вторым номером.

Надия тихо охает.

— Отец знал об этом?

— Вряд ли.

— И вы ему не сказали?

— Это ничего бы не изменило. — Я закрываю глаза. — А теперь… Господи, я не представляю, как о нем скорбеть, и даже не знаю, хочу ли этого. — Поворачиваюсь к Надии. — Но если я не приму его смерть, не посмотрю ей в лицо, что тогда? Думаю, она изгадит всю мою жизнь.

Надия смотрит на меня, но видно, что думает о чем-то своем.

— Беккет, я должна вам кое в чем признаться, — вдруг говорит она и как будто бы краснеет, в полумраке не разобрать. — Я не была до конца честна с вами.

— По поводу чего?

Надия взвешивает пульт на ладони и пробегает пальцем по кнопкам.

— Помните, я рассказывала вам о том, как мой отец эмигрировал в Англию? Как в итоге мы

оказались в Хэвипорте, он открыл ресторан, ну и так далее?

— Ну да, помню.

— Я сказала, что это его неравнодушное отношение к бедным вдохновило меня на открытие детского приюта и… в общем, это правда. Но не вся.

Я выпрямляюсь в кресле — Надии удалось меня заинтриговать.

А она убирает прядь волос за ухо и продолжает:

— У меня с отцом были непростые отношения. Он был очень заботливым, глубоко сочувствовал бедным, искренне хотел улучшить их жизнь, но в то же время был одержим статусом. Что, впрочем, неудивительно для человека, который вырос в обществе с кастовой системой, а в эту страну эмигрировал, что называется, без гроша в кармане. И когда я вышла за Эндрю и стала баронессой, он, понятное дело, был в полном восторге оттого, что я так стремительно обрела высокое положение в обществе, ведь всего пару десятков лет назад в Мумбаи мы были крайне бедны, то есть буквально существовали на грани нищеты.

Он часто мне говорил: «Нади, теперь ты принадлежишь к элите. Разыграй правильно свои

карты и сможешь достичь самой вершины». Он мечтал о том, чтобы его дочь, то есть я, попала в список почетных гостей по случаю дня рождения королевы, стала Дамой, а то и кем повыше. Честно говоря, я думала, что все это как-то слишком, похоже на раздувание щек, но часть меня, которая никуда не делась и навсегда неразрывно связана отцом, как будто он засел в моем разуме, чувствовала иначе. Престиж, желание быть принятой при дворе не отпускали меня. И я бы солгала, если бы сказала, что мне ни разу не приходило в голову, что организация детского приюта… может поспособствовать… ну…

— Появлению после вашего полного имени еще парочки букв?[11]

Надия морщится, как будто ее больно ущипнули, но при этом умудряется коротко рассмеяться.

— Именно. Да уж, гордиться тут нечем.

Я отрицательно качаю головой:

— Не скажите. Вы меняете этот город к лучшему.

— Вы очень добры, Беккет, — с кривой улыбкой говорит Надия, — но в душе я понимаю, что мои намерения не так чисты, как кажется. Да, я

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду сокращение, свидетельствующее о достижениях в академических науках, например PhD, или титуле.

делаю это для Хэвипорта, но и для себя тоже. И для отца.

Надия стискивает зубы, и мне на мгновение кажется, что она сейчас расплачется, но она делает глубокий вдох, резко выдыхает и продолжает:

— Он умер двенадцать лет назад, но я все еще чувствую его присутствие в моей жизни, как будто он за мной наблюдает. Это нормально?

Я киваю, а у самой при мысли о том, что отец может за мной наблюдать, о том, что он все еще остается где-то в темных углах Чарнел-хауса, спина между лопатками холодеет.

— Отличная из нас вышла парочка, — говорю я и выдавливаю смешок. — Две дочери, преследуемые умершими отцами. Для старины Фрейда просто именины сердца.

Надия приподнимает одну бровь.

— Ну, как сказал один великий философ… Горе внушает страх и не поддается осмыслению.

Этой фразой она застала меня врасплох.

— Погодите, это же…

Надия кивает:

— Из «Небес Хеллоуина».

— Вы читали мою книгу?

— На этой неделе я все ваши книги перечитала. Вы очень талантливы, и я не удивлена, что вы

как автор имели такой успех.

— Ключевое слово — «имела».

Надия долго на меня глядит, а потом выключает пультом экран.

— Думаю, хватит на сегодня просмотров, — говорит она уже на пути к потайной двери и, пока я выбираюсь из кресла, успевает ее открыть. — Сегодня выдался такой чудесный день, грех сидеть взаперти. Почему бы вам не прогуляться на пляж и не насладиться солнцем, пока оно еще не зашло?

На пути к выходу из кинозала в последний раз оглядываюсь на большой темный экран. Не могу представить, как выглядит пляж Хэвипорта. Уверена, когда была маленькая, мы постоянно туда ходили, но эти воспоминания стерлись у меня из памяти.

— Что ж, неплохая идея. Свежий воздух и все такое.

— И когда будете там прогуливаться, сделайте мне одолжение, загляните на пирсе в кафе «На берегу». Для местных это самый настоящий центр досуга, и там подают морковный пирог — пальчики оближешь.

Мы уже в кабинете. В окна льется яркий солнечный свет.

Я киваю Надии:

— Может, так и сделаю. Не хотите составить компанию?

— Увы, не могу, надо просмотреть архитектурные планы будущего приюта. — Надия закрывает дверь-стеллаж. — Но вы ведь за прошедшую неделю наверняка успели с кем-нибудь подружиться, разве нет? Есть у вас хоть парочка добрых приятелей, с кем можно отведать чудесный морковный пирог?

Я вспоминаю о Линн, и мне в голову приходит одна идея.

Конечно, не следовало бы этого делать.

Не следовало бы, но я все равно сделаю.

18

Продуваемый всеми ветрами пляж Хэвипорта впечатляет своей не имеющей излишеств красотой. На волнах, там, где их касаются лучи холодного, как горный хрусталь, зимнего солнца, словно покачиваются россыпи бриллиантов. Длинная песчано-галечная полоса практически пустынна, если не считать парочки любителей прогуляться вдоль берега и резвящейся собаки.

Я бреду по пляжу, временами пинаю какой-нибудь камешек или крупную пустую ракушку и

вдруг понимаю, что начинаю впадать в совершенно несвойственную мне сентиментальность. В воздухе витает острый запах водорослей и соленой воды. Я много лет не была на этом пляже, но узнаю этот запах, он засел где-то на задворках моего сознания.

Когда холод начинает кусать щеки, я, с трудом поднявшись на дюну, направляюсь в кафе «На берегу», которое стоит в самом дальнем конце пирса.

Пирс Хэвипорта, этот реликт ушедшей эпохи, являет собой остов, изъеденный ржавчиной, который выступает над водой, словно ожидающая своей смерти изголодавшаяся кошка. Здесь пустынно и тихо, как на пляже, практически все аттракционы и продуктовые палатки закрыты на зиму.

Не спеша иду по дощатому настилу и то и дело смотрю под ноги. Сквозь щели видно, как мелкие волны с шипением накатывают на ржавые сваи.

Кажется, я припоминаю, как в детстве вот так же подглядывала за волнами, только летом. Шла в лиловых сланцах по пирсу, с любопытством смотрела в щели между досками на водовороты подо мной и представляла, что будет, если доски вдруг разъедутся в стороны и я с тихим всплеском

упаду в темную пучину.

В очередной раз подняв голову, замечаю неподалеку любопытную скособоченную фигуру, ну или некий прислонившийся к перилам объект. Застекленный шкафчик, высотой с голову или две, установлен на металлический корпус, весь во вмятинах от бесчисленных ударов, и укрыт чем-то вроде деревянной беседки. Внутри застекленного шкафчика находится верхняя часть одетого манекена, а на фасаде надпись: «*Что скажет бабуля? Ответ ждет вас*».

Замедляю шаг и останавливаюсь. Это один из допотопных гадательных автоматов. Устроены они просто: вы опускаете в щель монету, и прорицатель или ясновидящая, сидящая в шкафу, раскрывает вам ваше будущее.

Подхожу ближе, приглядываюсь к манекену: это Бабуля — и тут же скисаю. Лучшие деньки Бабули явно остались в далеком прошлом: один ее глаз закатился, веко второго опущено, будто она пребывает в каком-то немом экстазе, а потрескавшийся рот чуть приоткрыт; удерживающие нижнюю челюсть болты намертво схвачены слоем сырой, превратившейся в грязь пыли.

Пристальнее вглядываюсь в это лицо, и у меня сводит живот.

Кажется, я ее помню.

Может, мы с Линн приходили сюда?

Подначивали друг друга скормить гадательному автомату свои монетки, чтобы оживить эту старую леди?

По ощущениям вполне похоже на правду. На то, что так и было на самом деле. Но когда я представляю, как стою здесь и, приподнимаясь на цыпочки, пытаюсь заглянуть в этот гадательный автомат, в моих воспоминаниях я одна, Линн рядом со мной нет.

На табличке надпись жирными буквами: «ВСЕГО 50 ПЕНСОВ. ЕСЛИ ХВАТИТ ДУХУ!»

Вставляю монету в щель, подталкиваю, слышу, как она, постукивая о нутро автомата, падает вниз… И снова наступает тишина, как ничего и не было.

Две секунды. Пять.

А потом: клац-дзынь-клац-клац.

Автомат оживает.

Откуда-то из его глубины начинает звучать простенький, похожий на цирковой марш или что-то вроде того мотивчик. Челюсть Бабули с тихим щелчком отваливается. Ее голова дергается сначала влево, потом вправо. Музыка звучит все громче, пока наконец Бабуля не поворачивается

в мою сторону и не шамкает потрескавшимися губами.

Но звуки, которые издает Бабуля, не похожи на человеческую речь. Они какие-то гнусавые и мяукающие, как у жалобно хныкающего младенца.

Нет, этот автомат явно работает неправильно.

Внезапно скулеж и мяуканье сменяет серия отрывистых гласных звуков, Бабуля выдает их, как пулеметную очередь:

— А-а-а-а-а… а-а… а-а-а…

— Что с вами не так, леди? — вопрошаю я.

— А-а-а-а… э-э-э… а-у… э-э-э…

Аккуратно стукаю Бабулю кулаком, надеясь таким образом привести ее в чувство, но она продолжает, заикаясь, тарахтеть дальше. А когда она, глядя в мою сторону, открывает и закрывает рот, как подыхающая рыба, я чувствую, что у меня почему-то напрягаются икры.

Что-то медленно появляется у Бабули изо рта. Что-то темное и блестящее. Это жутко и в то же время омерзительно, но я, будто загипнотизированная, не могу оторвать от Бабули глаз. Между ее желтыми зубами, словно язык, выползает на свет толстая полоска кожи. Толстый черный язык.

— Он не работает, мисс.

Я прижимаю кулак к груди, от шока даже в

ушах зазвенело. Рядом со мной возникает девочка лет десяти и тычет пальцем в автомат.

— Что? — спрашиваю я сдавленным голосом, но достаточно громко, чтобы перекрыть издаваемую автоматом скачкообразную музычку.

— Она больше не разговаривает. Сломалась.

Снова смотрю на Бабулю, она теперь окончательно умолкла и смотрит на меня в ответ с открытым, как будто от ужаса, ртом. И изо рта у нее ничего не свисает.

Того кожаного языка никогда и не было.

Это все плод ее больного воображения, Диана.

– Эта Бабуля проглотила мои последние пятьдесят пенсов, — мрачно говорю я. — Как думаешь, она мне их вернет?

Девочка качает головой:

— Не-а.

Я, прищурившись, смотрю за стекло на Бабулю и тихо, с неприязнью бормочу:

— Старая ты ведьма. Ты задолжала мне предсказание.

Бабуля таращит на меня свои косые глаза, и я почти наяву слышу, как из ее длинного крашеного горла вырывается низкий скрипучий голос:

Я приду к тебе ночью, девочка. Приду, когда в том доме будет темно, хоть глаз выколи. При-

ду и засуну пальцы в твой маленький влажный ротик.

– Она сломалась. Стоит такая с тех пор как Ли Мейсон пнул ее позапрошлым летом, мисс, — деловито информирует меня девочка. — Так что вы не услышите, как она говорит.

Я сую руки в карманы.

— Что ж, может, оно и к лучшему.

Девочка уходит, напевая под нос какую-то песенку, а я смотрю ей вслед и представляю маленькую Беккет примерно в том же возрасте, вижу, как она громко топает по пирсу в лиловых сланцах и на ходу размахивает ведерком. Поворачивает к перилам — ее привлекла чайка с чипсом в клюве.

Я же иду в конец пирса к кафе «На берегу».

— Привет. Можно один флэт уайт[12], пожалуйста.

Женщина за стойкой вытирает руки о фартук и подходит к кассе. Еле сдерживаюсь, чтобы не попросить, чтобы молоко было овсяным. Но эти лондонцы, они такие… В общем, я не хочу, чтобы ко мне относились как к столичной штучке.

— Конечно, — говорит женщина и, легко

---

[12] Примечания: 12

Флэт уайт — вид кофе, приготовленный из двойного эспрессо и горячего молока с небольшим количеством пены.

прикасаясь к сенсорному экрану, вводит мой заказ. — Что-нибудь еще?

Быстро сканирую выставленные в застекленной витрине глазированные и посыпанные сахарной пудрой пирожные и печенье. А потом вспоминаю совет, что дала мне Надия.

— Ах да, конечно, еще кусочек морковного пирога, пожалуйста. Слышала, он у вас убийственно вкусный.

Женщина улыбается:

— И не ослышались. — Она отклоняется чуть назад и обращается к девушке, которая протирает стойку у нее за спиной: — Эмс, будь добра, один флэт уайт.

Я быстро осматриваюсь.

Учитывая, насколько пустынным был пирс, в кафе на удивление многолюдно, а после тишины на побережье гул голосов посетителей создает особенно теплую и уютную атмосферу.

За столиками — целые семьи: дети что-то рисуют, а взрослые «баюкают» в ладонях горячие алкогольные напитки. Те из посетителей, кому в районе двадцати, сидят с ноутами. Пожилые попивают дымящийся чай, кто-то отвлекается, чтобы откусить кусочек бутерброда, а кто-то предпочитает бутерброду сдобную булочку с маслом.

— Итого четыре девяносто пять, — говорит женщина за кассой.

— Карточки принимаете?

— Принимаем, без проблем.

Она протягивает мне валидатор, я машу перед ним банковской карточкой.

Валидатор пикает; женщина мельком, но прицельно смотрит мне в глаза.

— Вы Беккет Райан, верно?

Замираю, не успев до конца вернуть карточку в бумажник.

— Ну… да, — отвечаю я и пытаюсь считать выражение ее лица. — А почему спрашиваете?

Она возвращает валидатор на место.

— Я — Джульет. Мой муж — Джозеф, это он выступил против вас на городском собрании.

— Ух ты. — У меня начинают гореть щеки. — И что, в честь этого меня сейчас отсюда выставят?

— Господи, нет. Совсем нет. И слушайте, честно говоря, лично я думаю, что та статья Джозефа в «Вестнике Хэвипорта» была нетактичной. И я ему прямо в лоб так и сказала.

Опускаю бумажник в сумочку.

— Спасибо. Спасибо вам.

Джульет сгребает со стойки бутылочную пробку и бросает ее в мусорное ведро.

— Да и сдается мне, не все в этой истории так просто. Просто вообще ничего не бывает. — Она отряхивает друг о друга ладони. — А когда имеешь опыт осуждения всем сообществом, дважды подумаешь, прежде чем бросить чужака на съедение волкам.

— О чем это вы?

Джульет украдкой смотрит через плечо:

— О том, что мы знаем, каково быть чужаками в этих краях.

Я снова, сдвинув брови, «сканирую» кафе.

Да, заведение Джульет определенно процветает, и рекомендовала мне его одна из самых, если не самая значимая и авторитетная фигура Хэвипорта.

— Знаете?

Джульет приподнимает брови, как будто я не в состоянии сложить два и два.

— А вы попробуйте залезть в шкуру первых чернокожих владельцев кафе, здесь, на побережье, причем в конце девяностых, а потом еще разок задайте этот вопрос.

Она говорит все это, слегка улыбаясь, но я чувствую в ее интонации горечь и снова начинаю краснеть.

— Да уж, точно непросто было.

Бариста ставит мой кофе на стойку рядом с Джульет и плавно отходит.

— Спасибо, дорогая, — благодарит ее Джульет и, взяв кухонное полотенце, проводит им полумесяцем по стойке. — Мы поимели пару кирпичей в окно плюс граффити на стене. Подумывали уехать отсюда.

— Да уж, не позавидуешь.

Джульет подбоченивается:

— Так и было, но мы не сдались. Мы выстояли, и теперь все это в прошлом. Вот ваш кофе. — Она пододвигает ко мне мой флэт уайт с выведенными на пенке морскими волнами.

— Спасибо, Джульет.

— Не за что. Через секунду будет вам морковный пирог.

Я осматриваю зал в поисках свободного столика, а Джульет как будто спохватывается:

— И, Беккет…

— Да?

— Дайте им время. В смысле местным. — Джульет, не выпуская полотенце, указывает на вход в кафе. — И поверьте, далеко не все в Хэвипорте такие, как тот клоун в «Армс». Этот тип у нас тут имеет определенную, прямо скажем, не лучшую репутацию…

— Понимаю.

И тут выражение лица Джульет меняется.

— Похоже, кто-то хочет привлечь ваше внимание, — говорит она, глядя мне за спину.

Я оборачиваюсь и не могу сдержать улыбку.

Он пришел.

19

Линн

Она улыбается.

Мне это не нравится. Мне это совсем не нравится.

А теперь она идет от стойки и поднимает руки для обнимашек.

И он тоже.

Я вижу их, а они меня — нет, потому что я стою, укрывшись за гадательным автоматом.

Кай расставляет руки для обнимашек, и Беккет прижимается к нему так, будто он ее собственность.

Мой парень и моя лучшая подруга встречаются втайне от меня.

А я смотрю, спряталась и смотрю из своего укрытия, как они болтают, смеются и… начинают влюбляться. Обсуждают меня, смеются над Линн с ее причудами. Ждут, когда солнце опустится

за горизонт, кафе закроется и они смогут пойти домой. Вместе. И потрахаться.

Я не хочу этого видеть. Жалею, что пришла сюда, но теперь уже не могу уйти. Надо остаться и принять это. Я должна об этом знать.

Думаю, это мое наказание за то, что тайком просматривала его переписку в «Фейсбуке»[13].

Беккет

— Ну и скоро Линн подтянется? — спрашивает Кай, когда мы отстраняемся друг от друга.

— Она… — отвечаю я, потирая шею, — она не придет.

Кай вскидывает голову. Он явно растерян.

— Я ее не пригласила.

Кай с приоткрытым ртом медленно кивает.

— То есть… только мы двое?

— Да, прости. Это странно?

Пожалуй, немного странновато.

— Да нет, не странно. Нормально, в общем. Я просто… — Кай достает из заднего кармана бумажник. — Что будешь пить?

Жестом патрульного выставляю перед собой

---

[13] Примечания: 13

Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации. — *Примеч. ред.*

ладонь:

— Этот круг за мной.

— Но тебе не обязательно…

— Я хочу. К тому же у меня ведь не было возможности ответить в пабе, помнишь? За то, что я, не специально конечно, но все-таки спровоцировала того недоумка броситься на тебя.

Кай со смехом прикасается двумя пальцами к зеленовато-фиолетовому синяку.

— Ты в этом не виновата.

Я морщусь:

— Но вроде так оно и было?

— Ладно, в любом случае, — он убирает бумажник, — я это ценю. Флэт уайт, пожалуйста, с овсяным молоком.

— Вот дьявол.

Кай удивленно смотрит на меня:

— Ты в порядке?

— Да, просто была не в курсе, что овсяное молоко добралось до этих мест.

— Ну, знаешь, за пределами М25[14] не сплошь деревенщина живет, встречаются и приличные люди.

Кай тепло улыбается, а я с виноватым видом

---

[14] Примечания: 14

Автомагистраль М25 — кольцевая автомобильная дорога длиной 188 км в Великобритании, расположенная вокруг Лондона.

опускаю голову.

— Ты прав, и поделом мне. Морковный пирог?

— О да, большой кусок. Он у них тут отменный. А я пока займу нам столик.

Спустя еще несколько минут мы сидим друг против друга за столиком в углу кафе. На столе перед нами дымящиеся чашки с кофе и тарелки с треугольными кусками морковного пирога. Кай проверяет свой телефон и кладет его экраном вниз рядом с чашкой.

— Надеюсь, ты не против, что я нашла тебя в «Фейсбуке», — говорю я, отламывая вилкой кусочек пирога. — Просто подумала, что было бы неплохо, ну, не знаю… позависать где-нибудь.

— Конечно не против. — Кай поднимает чашку и смотрит на меня темными глазами. — И как у тебя дела, после того пятничного вечера? Кажется, это принято называть боевым крещением.

Отправляю в рот маленький кусочек пирога.

— Ну, ни в какие потасовки я больше не ввязывалась, так что можно сказать — хорошо. — Пирог тает на языке. — Господи, какое блаженство, это даже лучше, чем секс.

Кай понимающе кивает и опускает чашку на стол.

— Тут все дело в секретном ингредиенте.

— И что же это за ингредиент? — спрашиваю я, не прожевав очередной кусок пирога.

Кай подается вперед и, понизив голос, шепчет с акцентом уроженца Хайленда[15]:

— Секрет в ананасе.

— Ой, да брось ты.

— Не брошу.

— А тебе-то откуда об этом знать?

— Оттуда, что я сам готовлю отличный морковный пирог. — Кай откидывается на спинку стула. — Ананас — залог успеха. А если хочешь, чтобы начинка была посочнее, добавь коричневый сахар и столовую ложку греческого йогурта.

Начинка посочнее. Он со мной флиртует?

Отламываю вилкой еще кусочек пирога.

— Ты и готовишь, и поешь, прямо идеальная домохозяйка из пятидесятых. Есть что-нибудь, чего ты не умеешь, Кай Каннингхэм?

— Очевидно, с самозащитой у меня плоховато, — говорит он и указывает на свое «боевое ранение».

Я откладываю вилку.

— Ну, ты певец любви, а не войны.

Кай «проглатывает» улыбку.

---

[15] Примечания: 15
Хайленд — Север Шотландии.

— Хорошая строчка. Из тебя получился бы неплохой писатель.

Я промакиваю губы салфеткой.

— А ты забавный.

— Да нет, просто играю. — Кай вращает чашку на блюдце. — Ты хорошо пишешь, Бек, лучше чем хорошо.

— Я… что? Ты-то откуда знаешь?

— Откуда и все — читал твои книги. — Кай искоса поглядывает на меня и говорит: — Похоже, ты удивлена.

— Так и есть.

— Ничего удивительного, Линн постоянно о тебе говорит, вот я и захотел понять, что ее так зацепило.

Мы умолкаем и просто смотрим друг другу в глаза. Я думаю о том, что Кай назвал меня Бек, хотя мы с ним едва знакомы. И в его исполнении это прозвучало чертовски сексуально.

— Ну а ты неплохо говоришь, — парирую я и разрываю зрительный контакт. — И поешь, как ангел. Как… мальчик из церковного хора под кислотой.

Кай смеется:

— С такими саунд-байтами[16] ты и в «Роллинг Стоун» могла бы неплохо подрабатывать.

— А если серьезно, ты никогда не думал заняться музыкой профессионально?

Кай морщится:

— Ну уж нет. Хотите — верьте, хотите — нет, но я никогда не хотел стать какой-то там поп-звездой.

— Да ладно, все хотят стать поп-звездами, — говорю я и отковыриваю вилкой кусочек глазури со своего пирога. — Просто сдается мне, что с твоим талантом, если бы ты переехал в Бристоль, или в Лондон, или еще куда, где есть достойные музыкальные площадки…

— Площадки — это не для меня, слишком плоско, — говорит Кай и подмигивает.

— А ты остряк.

Кай улыбается:

— Может, это потому, что вырос в Шетланде. Мое воспитание было… нестабильным. А переехав сюда, единственное, чего я хотел — это стать нормальным, ну, самым обычным парнем, найти девушку и как-то обустроиться в этой жизни.

— И ты ее нашел.

---

[16] Примечания: 16
Здесь: эффектная формулировка.

Кай как-то странно на меня смотрит, а я прижимаю ладонь к столу и уточняю:

— Это я о Линн.

Кай берет чашку с кофе.

— Ну да, Линн. Я ее нашел.

Я тоже беру свою чашку. Мы несколько смущенно отпиваем по глоточку кофе, а вокруг нас тихо звякают столовые приборы и лепечут малыши. Случайно глянув в окно, вдруг понимаю, что солнце уже поблекло, а небо стало голубовато-серым. На пирсе по-прежнему пустынно, если не считать той девчушки да стайки бездельников-голубей, ну и еще кто-то вроде притулился за гадательным автоматом. Да уж, странный выбор, на пирсе можно найти место и поприятнее, чем рядом с косоглазой Бабулей.

— Беккет?

— А? Что?

Кай собирает ложечкой пенку с кофе.

— Ты как будто на пару миль улетела.

— Прости. — Я снова смотрю в окно, фигура за Бабулей исчезла. — Так о чем мы говорили?

— О том, что не стать мне поп-звездой, — говорит Кай и с удовольствием втягивает губами пенку с ложечки.

— А, ну да. — Я ставлю чашку на блюдце. — Не

знаю, может, ты с самого начала выбрал верный курс по жизни. Я же, как исполнилось двадцать, маниакально пыталась выстроить карьеру, как будто бежала от чего-то — на самом деле бежала от этого города, — а теперь вот вернулась и начинаю кое-что понимать. Например, почему людям здесь нравится. — Указываю на его чашку кофе. — К тому же теперь, когда овсяное молоко добралось до южного побережья, первый веганский бранч в Хэвипорте не за горами. С такими переменами и Лондон никому не нужен.

Кай смеется, причем похоже, что искренне.

— Вряд ли ты была бы здесь счастлива, — говорит он, выдержав небольшую паузу. — Да, я едва тебя знаю, но это очевидно. Ты натура творческая, и ты слишком…

— Эгоистична.

Я вспоминаю отца, и это слово непроизвольно срывается у меня с языка. Хорошо помню, как подслушивала их с мамой разговор. Отец тогда сказал: «Она слишком эгоистична, поглощена собой, одержима своими историями».

— Нет, вовсе нет. — Кай отрицательно качает головой. — И знаешь, тебе действительно следует научиться видеть себя так, как тебя видят другие.

Я быстро оглядываю зал.

— Ты ведь не об этих людях сейчас?

— Нет, не о них. Я о твоих друзьях. О Линн.

— Кай, она знает меня не лучше, чем ты.

— Сейчас да. Но когда вы были малышками?.. Вы ведь были лучшими подружками.

Я раздуваю щеки и шумно выдыхаю.

— Вот ты о чем.

— О чем?

— Обо мне и Линн. О нашей легендарной дружбе.

Кай откидывается на спинку стула и слегка хмурится.

— Ладно, давай объясню. — Я приглаживаю волосы ладонями. — Дело в том, что, пока я не вернулась сюда неделю назад, я почти ничего не помнила о своей жизни до того, как меня отправили в школу-интернат. То есть у меня реально не осталось воспоминаний о тех временах.

— Да-а, Линн что-то такое мне говорила.

— Но теперь, когда я живу здесь, в родительском доме, воспоминания возвращаются, пусть обрывочные, но все же… Это похоже на картинки из моего детства. — Я смотрю Каю в глаза. — И Линн там нет.

У Кая желваки играют на скулах, он коротко

уточняет:

— И?..

— Тебе не кажется это странным? Она говорит, что мы были лучшими подружками, что называется «не разлей вода». Но я вынуждена верить ей на слово, потому что вообще ее не помню.

Кай пожимает плечами и отрезает кусочек пирога.

— Ну, мало ли… это еще ничего не значит.

— Как знать, как знать…

Кай замирает с вилкой в руке.

— О чем ты?

— Она могла все выдумать.

Кай кладет вилку на стол, проводит пальцем по подбородку с двухдневной щетиной и снова понижает голос до этого хрипловатого, но такого нежного шепота:

— Если и так, а я сомневаюсь, что это так, разве это имеет значение?

— Конечно имеет.

— Почему?

— Не поняла.

— Разве ты не можешь… ну, позволить ей в это поверить?

Я скептически фыркаю:

— Да брось.

— А почему нет?

Теперь уже я понижаю голос до шепота:

— Потому что это какая-то невообразимая хрень, Кай, вот почему.

— Слушай. — Он подается вперед и ставит локти на стол. — Я знаю Линн, как никто другой, и поверь, она чиста, в ней при всем желании и капельки дерьма не сыщешь. Так что, говорю тебе, если она и выдумала эту вашу дружбу, она сто процентов в нее верит. И если Линн в нее верит, пусть даже это все ее фантазии, может, не стоит запариваться по этому поводу?

Я скрещиваю руки на груди:

— Что-то мне некомфортно от всего этого.

Кай мельком смотрит в окно, а потом снова на меня.

— Сдается мне, ты уже догадалась, что у Линн по жизни куча проблем. Мы иногда по воскресеньям обедаем с ее родителями. Так вот, это те еще ребята. Линн в этом смысле не позавидуешь. Ее мамаша — клептоманка. Если хочешь знать мое мнение, она психически нездорова, но никогда не проходила лечение. А папаша? Как по мне, он ментально в порядке, но при этом старый греховодник и алкаш. Даже странно, что мы в ту пятницу не свиделись с ним в «Рекерс», он ведь

практически безвылазно там торчит.

Я опускаю голову и покусываю ноготь на большом пальце.

— Пойми, — продолжает Кай уже не так настойчиво и агрессивно, — у Линн была непростая жизнь, а твое возвращение в Хэвипорт для нее как проблеск надежды.

Опять это слово — «надежда».

— Понимаешь? Так зачем лишать ее этого лучика света? Кому от этого плохо? Она ведь никому не причиняет вреда.

Я давлю ладонями на глаза.

— Наверное, ты прав.

— Ага, мы, шотландцы, ребята смекалистые.

Медленно отпиваю глоток кофе и признаю:

— Знаешь, я действительно считаю, что это все очень мило.

— Что?

— То, как ты к ней относишься. Приглядываешь, что ли.

Кай секунду или две смотрит на меня странно, как будто не видит на самом деле, а потом бормочет себе под нос:

— Кто-то же должен присмотреть за малышкой.

Мы умолкаем, и мне от этой затянувшейся пау-

зы становится даже как-то неловко.

В углу фыркает и журчит кофемашина.

— А ты действительно идеальная домохозяйка, просто мечта, — говорю я и подцепляю вилкой кусочек морковного пирога.

Кай улыбается:

— Можешь звать меня Фанни Крадок[17].

— И потеря для музыкальной индустрии — это приобретение для Линн.

— Думаю, да.

— А жаль, — говорю я, еще не прожевав очередной кусочек пирога. — Жаль, потому что именно такие люди, как ты, ответственны за создание лучших образцов поп-музыки всех времен и народов.

Кай кивает, причем с очень серьезным видом:

— Ну да, так и есть.

— «Биффи Клайро», «Могвай», «Симпл майндс»[18].

Кай указывает на меня пальцем:

— «Тинэйдж фанклаб».

— «Иисус энд Мэри чейн».

---

[17] Примечания: 17

Фанни Крадок — ресторанный критик, телевизионный повар и писательница.

[18] Примечания: 18

Здесь и далее перечисляются шотландские рок-группы.

— «Эй-си/Ди-си», технически они тоже шотландские.

— Ага. И… о… «Праймэл скрим»?

— «Праймэл скрим»! — Кай хлопает в ладоши. — Я на них вырос.

— «Скримаделика» — великий альбом.

— Альбом моего детства. Даже не могу это выразить, Бек. — Кай погружается в воспоминания, и его глаза словно светятся изнутри. — У моих старших братьев была та старая кассета, и я практически ничего, кроме нее, в ту пору не слушал. И когда сейчас слышу «Лоадэд», всякий раз словно возвращаюсь в то время.

— Что да, то да, но, если брать написание песен, «Мувинг он ап» никому не переплюнуть…

Остаток дня пролетает незаметно: разговоры, смех, кофе… В этой атмосфере я напрочь забываю о холодных, необжитых уголках Чарнел-хауса, о призраке умершего отца, о беспокойстве, которое вызывает у меня Линн… Вообще обо всем.

Потому что, если честно, я уже много лет не сидела вот так с малознакомым мужчиной за одним столиком и не болтала так откровенно несколько часов кряду.

И если бы кафе не закрывалось, а Джульет не была близка к тому, чтобы выгнать нас с помо-

щью швабры, думается мне, мы бы так просидели еще не один час.

Линн

Прости, Беккет… Все так запуталось… Ты, наверное, теперь меня возненавидишь…

– Эй, мисс. Просыпайтесь, вы, что ли, заснули, мисс?

Кто-то пытается меня разговорить. Я открываю глаза.

— Не след вам здесь спать, — говорит откуда-то сверху детский голос.

Я смотрю вверх:

— Что?

Надо мной стоит маленькая девочка. Я ощупываю то, на чем лежу, и понимаю, что это доски.

— Не след вам здесь спать, — повторяет девочка. — Как-то спал здесь один дяденька, а тогда был большой прилив, и его смыло в море. Теперь он живет в гроте.

Я сажусь и прислоняюсь к чему-то твердому и вроде как металлическому.

— Где… где я?

— Вы с Бабулей, мисс. И знаете что? Вы разговаривали во сне, вот.

Меня бросает в дрожь. Я опираюсь руками на то, что у меня за спиной, и встаю. Когда оборачи-

ваюсь, вижу, что на меня из застекленного шкафа смотрит предсказательница будущего.

Бабуля. Кафе. Получается, я тут в какой-то момент присела, а потом задремала.

— Погоди-ка. Нет, Беккет…

— Она все равно больше не работает, — перебивает меня девочка.

И тут я замечаю, что двери кафе «На берегу» уже закрыты, а внутри пусто.

— Сколько ни ждите, не дождетесь, она ни с кем больше не говорит, — продолжает девочка.

Я прижимаю костяшки пальцев к глазам.

Боже, как же я устала. С тех пор как вернулась Беккет, я почти не спала, просто лежала ночи напролет на кровати без сна и думала о том, что скажу ей при встрече. Представляла ее лицо.

— А когда кафе закрылось?

Девочка пожимает плечами:

— Не знаю, только что.

Я беру ее за плечи.

— А ты видела, видела, как двое — мужчина и женщина — уходили вместе из кафе?

— Не хватайте так, мне больно.

— У нее короткие темные волосы и глаза темные, а он… небритый немного.

— Да, да, видела я их… Отпустите меня, ладно?

Девочка пытается вырваться, но я крепко ее держу.

— Когда они ушли?

— Отцепитесь, мне больно!

— Говори — когда?

— Да не знаю я! — со слезами на глазах кричит мне в лицо девочка. — То есть знаю — вот только недавно ушли.

Тут я наконец ее отпускаю и смотрю в начало пирса.

— Куда? В какую сторону они пошли?

— Туда. — Девочка указывает за кафе-мороженое на прибрежной дорожке.

Указывает в направлении дома Кая.

Я встаю на ноги и иду по дощатому настилу пирса к берегу.

— Нельзя так хватать людей! — кричит мне в спину девочка.

Но я не слушаю и просто ускоряю шаг.

Возможно, уже слишком поздно.

20

Беккет

— Хочешь чего-нибудь выпить? — предлагает Кай, когда мы сворачиваем с прибрежной дорожки на сонную жилую улицу, и указывает в

сторону железной дороги. — Я живу по ту сторону моста.

Я не готова к окончанию вечера, но что-то, не пойму что, не дает мне покоя.

— Ну…

Представляю веснушчатое и такое юное лицо Линн, ее доверчивые глаза. Когда я в пятницу, как бы между прочим, заметила, что ее парень очень даже ничего, мне показалось, что она после такого едва сдержалась, чтобы не расплакаться.

Если бы она знала, что мы сейчас вместе, это точно стало бы для нее ударом.

Кай вскидывает голову и ждет, чем я закончу фразу.

— …ну да, почему нет. Звучит очень даже заманчиво.

Мы идем дальше мимо безмолвных домов, и тишину нарушает только звук наших шагов по подмерзшему тротуару.

Пока идем, отправляю Зейди эсэмэску со свежими новостями.

Беккет: Секси шотландец пригласил к себе. Как идея? Ужасно?

Зейди: Видела фотки. ИДИ. Если б не мои предпочтения, у этого парня были бы проблемы.

Я прикусываю щеку, чтобы не рассмеяться. И

вообще чувствую себя неловко, как школьница на свидании с красавчиком из выпускного класса.

— Извини, — говорю я, убирая телефон в сумочку, — это моя лучшая лондонская подруга.

Кай улыбается.

— Да без проблем.

Мы сворачиваем с дороги на железнодорожный мост. Я смотрю вниз на пути: повсюду мусор — пакеты из-под чипсов и баллончики от веселящего газа, между шпалами лежит одинокий ботинок, его распущенные шнурки напоминают вывалившуюся из тарелки лапшу.

— Сдается мне, высокомерные особы типа тебя избегают визитов в гетто, — говорит Кай, когда мы спускаемся с моста на другой стороне и заходим в район жилой застройки. — То есть заглядывают сюда, только если закончился кокс или захотелось купить нелегальные фейерверки.

— Тут ты меня подловил, — говорю я, оглядываясь по сторонам. — Ничего здесь не узнаю.

Этот небольшой «придаток» Хэвипорта, в буквальном смысле расположенный не на той стороне от железнодорожных путей, еще беднее, чем весь остальной город. Большинство домов с виду заброшены, стекла в окнах грязные и часто

потрескавшиеся, а палисадники заросли сорняками. И да, Кай прав: в детстве я, может, и ходила через мост, чтобы добраться до маяка, но все равно тот мой маршрут, очевидно, шел в обход этого района. И сдается мне, отец, как бы ни был он «близок к простым людям», все же не заходил так далеко от дома.

Снова сообщение.

— Секунду, — говорю я, выуживая телефон из сумки. — Сейчас я от нее отделаюсь.

Зейди: Кстати… есть свежая инфа о Линн?

Беккет: Кай говорит, у нее доброе сердце. Просто проблемы с родителями.

Зейди: Тогда, может, тебе попробовать найти ее стариков? Они еще там живут? Хорошо бы тебе поговорить с теми, кто знал ее в детстве.

Позади нас слышится какой-то приглушенный звук. Как будто кто-то чихнул, но успел прикрыть нос и рот ладонью.

Я замедляю шаг и, резко обернувшись, смотрю вдоль улицы.

— Это что было?

Вечер в Хэвипорте выдался холодный, и я думала, что, кроме нас, тут по району никто не слоняется.

Кай выпячивает нижнюю губу:

— Лиса, наверное.

Я, хмурясь, смотрю на него.

Кай ускоряет шаг.

— Идем уже, мой дом как раз в конце этой улицы.

Жилище Кая резко контрастирует с соседними: чистый, ухоженный, в викторианском стиле, с торцевой террасой, крашеными зелеными воротами и довольно милым палисадником. Перед входом коврик «Добро пожаловать», а на стене у двери — подвесная корзина с лиловым вереском.

Не знаю, что я ожидала увидеть, но определенно не это. Как-то не подходит такой дом для молодого мужчины, он скорее для пожилых.

Кай впускает меня внутрь и проводит в гостиную.

— Располагайся, — говорит он, расстегивая куртку. — А я принесу что-нибудь выпить. Ты чем травиться предпочитаешь?

— Немного виски? — отвечаю я вопросом на вопрос, копируя его акцент.

Кай поднимает раскрытые ладони:

— Этот акцент просто ужасен, но если пообещаешь больше так не делать, у меня в заначке есть бутылка шотландского односолодового и с твоим именем на этикетке. — Он выходит из комнаты

и тут же заглядывает обратно. — Конечно, при условии, что тебя зовут Винокурня Сакса Ворд.

Я падаю на диван.

— Вообще-то, у меня псевдоним — Подземелья и Драконы[19], так что…

Кай улыбается и исчезает в коридоре, а я сбрасываю ботинки и, удобнее устроившись на диване, оглядываю гостиную.

Высокие потолки, старинные карнизы, шлифованный деревянный пол. В воздухе витают слабые запахи стружки и свежей краски, как будто в доме недавно делали косметический ремонт, а диван подо мной крепкий и по ощущениям новый. Да, Кай, может, и живет не в лучшем районе Хэвипорта, но дом у него красивый и просторный. В Лондоне такой стоил бы целое состояние.

— Приберегал его для особого случая, — говорит Кай, входя в гостиную с двумя тамблерами, на четверть наполненными рубиново-красным виски. — Но тут подумал, черт возьми, почему бы не выпить его с тобой.

Он садится рядом на диван и передает мне тамблер.

Мы чокаемся.

---

[19] Примечания: 19

«Dungeons & Dragons» — настольная ролевая игра в жанре фэнтези.

— Будем здоровы.

— Будем. — Я обвожу рукой с тамблером комнату. — Отличная берлога.

— Согласен. — Кай отпивает виски. — Только закончил наводить здесь порядок.

Он смотрит в коридор, где возле лестницы на куске парусины аккуратно разложены инструменты: малярные валики, кувалда, стопка наждачной бумаги.

Да уж, Кай — человек многих талантов.

— Судя по всему, крупный проект.

— Ну, такие затеи отнимают уйму времени, но в долгосрочной перспективе оно того стоит. — Кай перехватывает мой взгляд. — И кстати, я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

— И о чем же?

— Как парень, который держит на берегу музыкальный магазин, а по выходным бесплатно играет в пабах, может позволить себе дом с тремя спальнями? И это в наше-то время?

Я ударяю кулаком по бедру.

— Погоди, так это твоя основная работа? Ты управляешь музыкальным магазином? — (Кай уныло кивает.) — Ну, тогда хочется верить, что название у него оригинальное и каким-то остроумным способом связано с водной тематикой.

Если нет, я буду больше чем разочарована.

Кай смущенно смотрит на свой виски:

— «Звуковые волны».

Фыркаю от смеха, просто не могу сдержаться.

— О, вау! Это даже круче, чем я могла себе представить.

— Ты издеваешься надо мной, Беккет Райан?

Я округляю глаза и даже приоткрываю рот, изображая, будто меня возмущает подобное предположение.

— Да никогда! — Отпиваю приличный глоток виски и продолжаю: — Серьезно, тут у тебя просто чудесно. Очень уютно.

Кай обводит взглядом гостиную:

— Может показаться, что дом великоват для одного человека, но недвижимость здесь у нас дешевая.

Мне ли не знать.

– К тому же, — продолжает Кай, — это инвестиция в будущее. Крупное вложение для семьи.

Я в который раз оглядываю гостиную, и в моем воображении она заполняется всякими разноцветными предметами, которые присутствуют в жизни любой молодой и активной семьи: перед камином разбросаны кубики «Дупло»; на кофейном столике незаконченный, сделанный

цветными карандашами рисунок *(папа работает в ево магазине)*; а в углу перемазанный какой-то уже присохшей едой детский надувной батут. Линн одной рукой поднимает на бедро расшалившегося двухлетнего малыша, а второй поглаживает живот: она на седьмом или восьмом месяце беременности.

Убираю челку с глаз за ухо.

— Можно тебя кое о чем спросить?

Кай поднимает тамблер к губам.

— Конечно.

— Почему Линн здесь не живет?

Он откидывает голову назад и массирует глаза большим и указательным пальцами.

— Прости. Наверное, не стоило об этом спрашивать.

— Да нет, все нормально, просто это… больная тема.

Вспоминаю, как в прошлый уик-энд провела с ними двумя какое-то время в квартире Линн. Как спросила — живут ли они вместе, а он тогда странно так на нее посмотрел.

— И?..

Кай несколько нервно пожимает плечами:

— Я просил ее переехать ко мне, причем не один раз. Она ведь совсем одна живет в той крохотной

арендованной квартирке, а у меня здесь столько места. Но она как-то забавно, ну или странно к этому относится. Говорит, что не готова. — Кай проводит пальцем по краю тамблера. — Думаю, ей важно иметь собственное пространство.

Да, эта Линн реально очень странная.

У меня от нее ум за разум заходит.

Покачивая в тамблере оставшийся виски, вспоминаю последнее сообщение от Зейди: «Может, тебе попробовать найти ее стариков?»

Я тут только и делаю, что хожу кругами, и Кай, похоже, знает о Линн не больше меня. А потом я кое-что вспоминаю, то, о чем он сказал мне в кафе… Что они иногда по воскресеньям обедают с ее родителями. И в этот момент одна еще не до конца сформировавшаяся идея начинает пускать корни в моем сознании.

Я допиваю свой виски и сразу спрашиваю:

— Есть возможность «пополнить счет»?

— Да ты пьешь, как островитянка, — говорит впечатленный Кай. — Принесу, пожалуй, бутылку.

Пока Кай совершает небольшое путешествие в кухню и обратно, я хватаю его телефон, к счастью незапароленный, и скролю контакты.

Лэнс, Ли, Линн… Есть! «Линн–родители».

— Надеюсь, ты не планируешь втайне меня напоить, — говорит Кай, входя в гостиную с бутылкой виски.

А я уже успела положить его телефон на подлокотник дивана.

— Ничего не гарантирую, — говорю я, наблюдая за тем, как он разливает виски с рубиновым оттенком. — Это же не просто какой-то виски, это реально напиток богов.

Кай демонстрирует мне этикетку.

— Самая северная винокурня Соединенного Королевства. — Ставит бутылку на кофейный столик и присоединяется ко мне на диване. — Для меня это вкус дома.

Я делаю маленький глоток и откидываюсь на диванные подушки.

— Ты когда-нибудь думал вернуться?

— Э-э… что?

Я киваю на бутылку:

— В Шетланд.

Выражение лица Кая становится напряженным.

— Не знаю, Бек. Побережье — это прекрасно, это часть меня, но… слишком много плохих воспоминаний.

Я прикусываю нижнюю губу, — возможно, он

говорит о своих отношениях с Хэвипортом.

Кай смотрит на свои колени.

— Не хотелось бы сейчас сваливаться в серьезный разговор, но мои родители были… Скажем так, они не были созданы для того, чтобы стать родителями.

Я всем телом поворачиваюсь к нему:

— В каком смысле?

— Оба были пьяницами, то есть выпивать начинали еще днем. А мы с братьями могли сколько угодно болтаться по городу, создавать людям проблемы, но родителям было плевать, кто и что об этом думает. Мои старшие братья были ребятами грубыми и жесткими. Это они у отца переняли, а он был человеком несдержанным и склонным к насилию.

Я вспоминаю лицо Кая после того, как его приложили к стене на выходе из «Рекерс»: содранная кожа, красная с вкраплениями черной грязи скула.

— Он когда-нибудь… поднимал на тебя руку?

— Да, частенько. Я был застенчивым и мягкотелым. У нас в Шотландии таких называют тотти, то есть мелкий. А мой отец, он был большой, у него ладони были, как лопаты, и он мог… — Кай делает прерывистый вдох. — Ну, ты понимаешь.

Я действительно понимаю, причем настолько хорошо, что он и представить не может. Но я не могу сказать ему об этом — в Хэвипорте слухи быстро расходятся.

— Извини, — говорит Кай и даже немного краснеет. — Я не привык о таком распространяться.

— Все нормально, и распространяться ни о чем таком вовсе не обязательно. — Я меняю позу, и меня охватывает такое острое желание к нему прикоснуться, что аж кончики пальцев покалывает. — Можем, если хочешь, поговорить о моей долбаной семейке.

Кай невесело смеется:

— В одно ухо вошло, из другого вылетело. Ну что ж, давай.

— С чего начать? — спрашиваю я и делаю большой глоток виски. — А, вот тебе пример — они назвали меня в честь деда. Могли в честь бабки, Одри, но мой папаша выбрал Беккет, потому что хотел сына. А я… не мальчик.

Провожу рукой вдоль тела, наглядно демонстрируя сей факт. Кай смотрит мне в глаза, и я вдруг сознаю, что мои пальцы остановились у груди и слегка ее касаются.

В воображении возникает картинка: Кай рывком расстегивает мою блузку и прижимается

горячими губами к груди, а я изгибаюсь ему навстречу.

— Что плохого в том, чтобы стать отцом дочери?

— Он… — Я тру глаза, чтобы прогнать нарисованную фантазией картинку. — Он мечтал о сыне, о наследнике, в этом я не сомневаюсь. Но возможно, если бы я была правильной дочерью, то есть наследницей, все бы как-то обошлось. Тогда я все равно могла бы занять пост директора, то есть директрисы школы Хэвипорта, и так продолжить династию, стать приемлемым для отца членом семьи. Вот только дочка из меня вышла неправильная.

— А какой ты была?

— Упрямой плюс витала в облаках. Страстно хотела писать маленькие книжки с фантазийными сюжетами. Отец называл их «извращенными».

— Но вроде как эти истории пошли тебе на пользу.

— Отец смотрел на это иначе. Понимаешь, наша семья накрепко связана с Хэвипортом, мужчины Райаны всегда были директорами городской школы. Для отца главным по жизни было вырастить сына, который продолжил бы эту традицию, а тут вместо сына — я. В общем, мое появление на

свет разрушило его планы, и он проникся ко мне презрением.

Странное дело, когда я произношу все это вслух, история становится реальностью, и у меня от этого комок подкатывает к горлу. Чтобы справиться с этими эмоциями, приходится сделать еще один глоток виски.

— Бек, это ужасно.

— Ага. Так и есть. — У меня начинает подрагивать нижняя губа, и я, не будь дурой, крепче стискиваю челюсти. — Тут дело в том, что мои родители больше не могли иметь детей, и это, как я понимаю, вбило между ними клин. Думаю, пока я росла, отец все хуже относился к матери. Во всяком случае, это мне подсказывают мои смутные и обрывочные воспоминания.

— А с матерью ты была близка?

— Не думаю.

— Вообще никак?

— Ничего такого вспомнить не могу. Все могло бы сложиться иначе, если бы она приняла мою сторону, но она бы этого никогда не сделала. Она позволила отцу гнуть свою линию, и в итоге, когда я ему надоела, он просто отослал меня в школу-интернат. Мне и десяти еще не было.

— Да, тяжко, наверное, было.

— На самом деле нет. Я только рада была выбраться из Хэвипорта. И в подростковом возрасте возвращалась сюда лишь в случае крайней необходимости. — Делаю еще глоток, сравнимый с угрозой прикончить тамблер. — Я вот просто уверена в том, что отец был жесток с матерью в той же мере, что и со мной, но она вообще ничего по этому поводу не предпринимала. Никогда даже не думала, чтобы уйти от него или хоть как-то противостоять. В итоге я потеряла к ней всякое уважение. А к тому времени, когда я стала достаточно взрослой, чтобы начать жить самостоятельно, нас троих уже ничего не связывало. Выражаясь поэтически, мы окончательно охладели друг к другу.

Я умолкаю и чувствую, что запьянела. Кай, не спрашивая, подливает мне еще виски.

— Не пойми меня неправильно, — продолжаю я, пригубив виски, — мне по-своему было жаль маму. И возможно, я, повзрослев, могла бы с ней сблизиться, если бы… если бы она не…

Кай придвигается чуть ближе ко мне:

— Бек?

Я делаю глубокий вдох; без паузы на обдумывание тут не обойтись, ведь, если начну об этом рассказывать, обратного пути уже не будет.

— Есть еще кое-что, о чем я никому не рассказывала.

Кай удивленно хлопает ресницами:

— Но ты же знаешь, что можешь мне об этом и не рассказывать.

— Знаю, все я прекрасно знаю.

У него такие теплые глаза, он смотрит на меня, словно хочет утешить, словно ласкает… У меня сжимается сердце.

— И вообще, мне следовало поделиться этим много раньше. Это сидит во мне, как раковая опухоль, пора от нее избавиться.

— Да, конечно, понял.

Я поджимаю ноги под себя. Кай ставит тамблер на кофейный столик.

— К моим восемнадцати годам их брак, по сути, превратился в фарс. Отец злился на мать из-за того, что она не могла больше иметь детей, но не разводился, полагаю, ради сохранения своей безупречной репутации. Очень скоро мать из живой и полнокровной женщины превратилась в собственную оболочку, в опустошенную женщину, которую никто не любил и к которой наверняка не прикасался в течение десяти лет. И вот однажды мама мне позвонила. Она редко вот так ни с того ни с сего звонила, так что я сразу

поняла: что-то не так. Сказала, что подумывает приехать в Лондон на уик-энд. Это было очень странно, но я подумала: почему нет? Подумала даже, что это может пойти нам на пользу.

— И как? Получилось сблизиться?

Я качаю головой:

— Мы, как взрослые люди, никогда вместе не тусовались и просто не представляли, как это. в тот уик-энд я бы сравнила нас с парочкой студентов по обмену, которые гуляют по Гайд-парку, чувствуют себя неловко и пытаются поддерживать разговор. — Шумно выдыхаю. — В общем, в воскресенье я отвезла мать на Паддингтонский вокзал, и, когда уже с ней прощалась, она не выдержала. Реально сорвалась. Разрыдалась, прямо захлебывалась слезами. А когда я ее обняла, чтобы как-то успокоить, она обо всем мне и рассказала.

Отец к этому времени уже вышел на пенсию — успел перед самым началом деменции — и с головой ушел в местную политику и подобные дела. Не то что он перестал бывать дома, но о матери совсем забыл, и она открыла для себя интернет. — Тут я представляю, как Диана Райан в полном замешательстве смотрит на экран с котятками и прочими мимишными мемами, и

мне делается смешно, хотя история-то совсем не веселая. — Уж не знаю как, но в результате своего серфинга по интернету она оказалась на каком-то форуме или чате вроде «Одиноких сердец» и там разговорилась, а потом начала общаться с состоятельным морским офицером из Америки, который недавно овдовел… и искал любовь.

У Кая медленно отвисает челюсть.

— Да, ты все правильно понял. Бумер становится жертвой онлайн-мошенничества, наверное, ты не раз слышал подобные истории. В итоге она перевела этому типу десятки тысяч фунтов своих сбережений, думая при этом, что делает вложения в их будущую совместную и безусловно прекрасную жизнь, где они будут проводить время, плавая на яхте по Адриатике.

— Господи, нет… Это ужасно.

— Да уж. И это было глупо с ее стороны, очень глупо, но я не стала винить ее за это. В душе я винила за это отца. Все эти годы она из-за него жила без любви и в итоге так изголодалась, что просто уже не могла, забыв о здравом смысле, не броситься в объятия этого «состоятельного морского офицера». В общем, поняв, что это мошенничество, мать пришла в отчаяние. Она была убеждена в том, что отец, если обо всем узна-

ет, непременно ее бросит, а она очень боялась остаться одна, думала, что одиночество убьет ее.

Мысленно я все еще вижу похожую на те, что оставляет галька на песке, вмятину на постели, которую оставила, умирая, мать. Вижу на прикроватном столике пустой пузырек от снотворных таблеток, вижу застывший белый осадок на дне ее винного бокала, и меня охватывает неприятное тревожное чувство.

Его смерть меньше чем за неделю настигла маму, морально раздавила и утащила за собой.

— Ну и дела! — Кай чешет затылок. — Дай угадаю — она попросила у тебя деньги?

— Она, в отличие от отца, проявляла интерес к моей карьере, а я в то время была на подъеме, то есть на пике, и спад еще не предвиделся. Во всех газетах и журналах постоянно публиковали байки о моем богатстве. — Те переживания давно превратились в тупую боль, но сейчас во мне все же на секунду закипает былая ярость. — Тот ее приезд в Лондон на уик-энд был уловкой, она подмазывалась ко мне.

Кай прищуривается:

— И ты дала ей деньги, так?

— Я была ее единственной надеждой. И мы обе это знали. — Вспоминаю, как сидела дома и

переводила деньги, тупо смотрела на свой почти обнулившийся счет в банке, пока мать возвращалась в Хэвипорт на скоростном поезде. — Тогда моя карьера была на взлете, но продлилось это недолго. Когда продажи сократились и со мной перестали заключать контракты, я очень быстро залезла в долги. А потом мать, незадолго до смерти, их с отцом сбережения — то есть деньги, которые я ей втайне ото всех возместила, — пожертвовала фондам, которые занимаются борьбой с домашним насилием. Я, кстати, целиком и полностью поддерживаю такого рода благотворительность, но… теперь питаюсь одной лапшой быстрого приготовления. И если бы баронесса не решила купить Чарнел-хаус, судебные приставы забрали бы мою квартиру.

Я смотрю вниз на свое колено и понимаю, что оно ходит ходуном, ни дать ни взять поршень. Раньше я никогда об этом не рассказывала, но теперь, раз уж начала, надо идти до конца.

— Еще через несколько лет отец окончательно лишается рассудка, а потом внезапно инсульт, и он в одночасье умирает. Мать просит меня приехать домой, так сказать, составить ей компанию. — Тупая боль в животе мутирует, становится острой, такое ощущение, будто я вместо виски

кислоты хлебнула. — Ты можешь посчитать меня жестокой, но я была в полном раздрае с собой. Представь: я разорена, я облажалась, и это все по ее милости; да, отец тоже виноват, но он на том свете, поэтому я фокусируюсь на матери… И я очень, очень зла. Сначала я отказалась ехать и теперь понимаю, что это ее раздавило. Если в ее сердце еще и теплился огонек надежды, мой отказ приехать погасил его, потому что она ушла за отцом всего через пять дней после его смерти. И я себе этого никогда не прощу. Билет на поезд я забронировала до того, как узнала о ее уходе, к этому моменту все было уже слишком поздно. Потрясение от внезапной смерти отца, изоляция от внешнего мира, отчаяние… Все это тоже подтолкнуло ее к смерти.

Кай перехватывает мой взгляд и со спокойной уверенностью говорит:

— Ты не должна во всем винить себя. Это нездорово.

Я отвожу глаза, сердце подпрыгивает до самого горла. Может, он и прав, но я не в силах справиться со своими чувствами. Остается только скрипеть зубами.

— Итак, позволь мне изложить все непредвзято. — Кай скрещивает руки на груди. — Ты

делаешь карьеру писателя, что не вызывает одобрения у твоего отца, и, несмотря ни на что, преуспеваешь. Ты реально добиваешься успеха на выбранном поприще. Отец ни разу не сказал тебе, что гордится тобой, то есть даже не признал твой успех. Затем твоя мать становится жертвой интернет-мошенника и обращается за помощью к тебе, к дочери, на которую, уж прости, годами плевать хотела. Она просит тебя возместить деньги, что она по глупости своей просто отдала этому мошеннику, и все для того, чтобы муж, твой отец, не узнал об этом и не бросил ее. Ты возмещаешь, делаешь все, как она просила, но после ее смерти не можешь вернуть эти деньги в качестве наследства, потому что она пускает их на благотворительность. Ты на пороге финансового краха. Но тут город приходит тебе на помощь: дом твоих родителей, что иронично, хотят превратить в детский приют.

— Ну, в общем, правильно излагаешь.

— Неудивительно, что ты не хотела жить с такими родаками.

— Ну да, — признаю я и тяжело вздыхаю. — Да только деньги сыграли свою роль в самом конце, а как семья мы потерпели крах задолго до всего этого. В нас, Райанах, давно сидела какая-то

червоточина. Мы никогда не были нормальной семьей, так я думаю.

Кай снова «освежает» мой тамблер.

— Да нормально все, просто я считаю, тебе не помешает дать себе передышку.

— Передышку от чего?

— От бесконечных обвинений себя. — Тут он кивает в сторону окна. — Линн рассказала мне о том, как местные на прошлой неделе «приветствовали» тебя на городском собрании. Как будто ты какая-то жадная до денег яппи, всегда плевать хотела на родителей и вернулась в Хэвипорт только для того, чтобы выручить деньги от продажи их дома.

Я закатываю глаза:

— Да уж, собрание… Это была та еще потеха.

— А тебя не подмывало сказать им правду?

— Все слишком сложно. Такой узел просто не развязать. И знаешь, думаю, я хотела защитить от них всех свою мать… да и отца тоже. Родители ведь так дорожили репутацией.

Кай качает головой, как будто я сказала нечто из ряда вон.

— Ты хороший человек, Беккет Райан.

— На самом деле нет.

Кай допивает виски и смотрит на меня сквозь

пустой тамблер.

— Ага, продолжай в том же духе.

А я смотрю на свой телефон, чтобы узнать, который час. Да, с Каем я могла бы говорить до скончания времен, но пора домой — завтра ранний старт.

— Утром развею их прах, — говорю я и уже не в первый раз осушаю свой тамблер с виски. — Пойду… сделаю это в одном особенном месте. И хочу сделать это на рассвете.

Кай согласно кивает:

— Но это ведь хорошо, верно? Сделаешь это и сможешь закрыть уже вопрос? Нет?

— Честно сказать, я бы предпочла этим не заниматься, но я единственный ребенок в семье. Так что… ну, ты понимаешь. И я всегда завидовала тем, у кого есть братья и сестры.

Кай проводит языком за щекой.

— С моими тебе вряд ли захотелось бы породниться.

— И все же, согласись, лучше иметь несколько, чем одного. Все ведь не могут быть говнюками, верно?

Кай смеется, правда получается у него как-то не очень весело.

— Хочешь сказать, дело в количестве, что-то

вроде нелегальной лотереи?

— Именно.

— Хорошо, нас было пятеро, так что…

— Пятеро? Это же целая компания, наверняка вам в детстве весело было вместе.

— Зависит от твоего представления о веселье.

Я быстро окидываю взглядом комнату, книжные полки, шкафы, комод и снова смотрю на Кая.

— У тебя есть детские фотографии?

Он закатывает глаза:

— О нет… Ты же не хочешь заводить эту шарманку.

— Давай, я рассказала тебе свою историю, теперь твоя очередь.

Кай искоса смотрит на меня и соглашается:

— Ладно, хорошо, покажу тебе кое-что. — Он встает с дивана и тычет в меня пальцем. — Но ты должна пообещать, что не будешь смеяться.

— Даже не подумаю. Я не могу раздавать такие обещания.

— А ты нечто, Бек. Знаешь это?

— Знаю, — отвечаю я и иду за ним в коридор.

Линн

Отталкиваюсь от стены и становлюсь на четвереньки, упираясь ладонями в холодный асфальт.

Моя спина просто меня убивает. Я бог знает сколько времени просидела, прислонившись к стене под окном Кая, и теперь у меня все болит. Хотела сменить место и позу раньше, но не могла, мне необходимо было все услышать и ничего не пропустить.

Женщины, понятное дело, постоянно пялятся на Кая, и я к этому уже привыкла. Они смотрят на него, потом на меня, и я знаю, что они не могут понять, почему он со мной. И знаю, что они хотят его.

Но сейчас происходит нечто большее. Они действительно разговаривают.

У меня сводит живот, как после долгой рвоты. Я знаю, что не должна реветь, но ничего не могу с собой поделать. Мне стыдно, я злюсь, и горячие слезы текут по моим холодным щекам.

Она действительно на него запала, это понятно. А я ей наскучила, потому что я тупая зануда, провинциалка без особых интересов. Вот она и переключилась на Кая с его гитарой, красивым домом и шетландским виски. Они сближаются, и одними разговорами это не закончится. Они станут парой, она к нему переедет, и мы больше не сможем встречаться, потому что это было бы слишком неловко, и я больше ее никогда не

увижу.

Это несправедливо. Несправедливо, потому что Беккет была моей единственной лучшей подружкой и я только-только ее вернула. Я первая ее нашла, он не имеет на нее права.

Он не имеет на нее права.

21

Беккет

— Ты слышал? — спрашиваю я Кая, когда он останавливается под лестницей у маленькой двери и, согнувшись, заглядывает внутрь.

— Что?

— Ну… как будто кто-то плачет. — Я напрягаю слух. — Или кто-то плачет, или у твоих соседей реально приболела кошка.

Голова Кая снова выныривает из двери.

— Чего?

— У твоих соседей есть кошка?

Кай озадаченно смотрит на меня:

— Есть, только кот, Лерой, мелкий ссыкливый поганец. А что?

— Думаю, он приболел. — Я указываю на чулан. — И что ты там прячешь? Гарри Поттера?

— В каком-то смысле, да. — Кай снова ныряет в чулан, и теперь голос его звучит приглушен-

но. — Где-то здесь есть фотка, где я выгляжу как настоящий задрот. Очки, как у Гарри Поттера, и вообще… Ага, вот она.

Кай появляется из чулана с какой-то маленькой, размером с почтовую открытку, газетной вырезкой в руке. Теперь лицо у него стало другим, а губы и вовсе тонкие, как нитки.

— Наша семейка была не из тех, что собирают в альбомы «счастливые» снимки, так что это все, что у меня есть.

И он протягивает мне газетную вырезку.

Это черно-белая фотография — Кай с сестрой и братьями стоят на углу улицы перед зданием с вывеской «Шетландские склады». Двое из братьев демонстрируют на камеру поднятые средние пальцы. Под фото заголовок: «НЕУПРАВЛЯЕМОЕ СЕМЕЙСТВО С ПОЛИЦЕЙСКИМ КЛЕЙМОМ „НАРУШИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ“».

Я вдруг чувствую вину за то, что вынудила его сделать это, и понимаю, почему ему так не хотелось показывать мне это фото. Ему стыдно.

— Да уж, хорошего мало.

На фото Каю лет двенадцать-тринадцать, он в очках, три старших брата стоят по одну сторону от него, а младшая сестра по другую. Братья его ребята крупные, и вид у них грозный, а Кай

худенький и субтильный. Я сравниваю его с братьями, и у меня мурашки по спине пробегают. Они гораздо выше его, а отец наверняка был еще выше их.

— Не надо было мне подталкивать тебя к этому, — говорю я и кладу руку ему на плечо. — И ничего смешного я тут не вижу.

— Да брось, ты ж не могла об этом знать.

Он гладит меня по запястью. У меня учащается пульс, и я опускаю руку.

— Ладно, и где это вас сфотографировали? — спрашиваю я, разглядывая кирпичную стену склада и с виду довольно высокие магазины за ним. — Абсолютно незнакома с географией Шетландских островов.

— Леруик — главный город на острове.

— И это там ты вырос?

— Ага, неподалеку.

Я снова смотрю на Кая-подростка, он такой очаровательный: худенькие плечи, тонкие руки и ноги, испуганные глаза за линзами очков Эн-Эйч-Эс[20].

— Вижу, от дурацких очков ты сумел избавиться.

---

[20] Примечания: 20

NHS (National Healthcare Service) — Национальная служба здравоохранения.

— Да, слава богу. Контактные линзы спасли мне жизнь. — Кай медленно выдыхает сквозь зубы. — Жаль, что детство не так-то легко забыть.

Мы вместе разглядываем фото, и тут я понимаю, что нас разделяет всего несколько дюймов; тепло наших тел смешивается в узком пространстве.

— Ты же понимаешь, что твое прошлое не обязательно определяет тебя сегодняшнего, — говорю я. — Сейчас ты другой человек.

— Думаешь?

— Не думаю — знаю.

Я облизываю губы, его рука оказывается у меня на пояснице.

— Это неправильно.

— Может быть, — отвечаю я, — но это никого не останавливает.

Он привлекает меня к себе, держит крепко, а я, закрыв глаза, таю в его объятиях. В голове вспыхивает еще одна картинка, эта гораздо ярче предыдущей: Кай на мне, я обхватываю его ногами.

Приоткрываю рот… И тут громко звенит дверной звонок.

— Господи, — выдыхает Кай и отстраняется от меня. Глаза его широко раскрыты, он часто моргает. — Прости, я…

— Нет-нет, не надо. — Стучу себя кулаком по лбу. — Это я виновата. Черт.

Противный дверной звонок все еще звенит у меня в ушах, губы покалывает.

Кай трясет головой:

— Нет, это все виски.

— Точно! Чертов виски. — Я заставляю себя рассмеяться. — Что в него добавляют? Порошок из рога носорога?

Кай печально улыбается, и мне от этой его улыбки становится больно.

Я указываю на дверь:

— Ты бы открыл уже, а мне, пожалуй, пора домой.

— Да, пожалуй…

Снимаю с вешалки пальто, сердце все не унимается, колотится как бешеное.

— Теперь понимаешь, почему я до сих пор одна, — говорю я, надевая пальто, а Кай стоит, ссутулившись, и молча за мной наблюдает. — Сначала думай, потом делай, девочка. Хоть раз в жизни.

— Увидимся, Бек, — говорит Кай, открывая дверь.

— А Линн, ей повезло… Черт!

У меня перехватывает горло — у порога стоит

Линн.

— П-привет, — запинаясь, выдавливаю я из себя.

Линн не отвечает. Просто смотрит мне за спину в дом, и ветер развевает ее светлые волосы.

— Ты заходи, не стой там на холоде, — говорит Кай, шире открывая дверь.

А я только в этот момент обращаю внимание на то, что дверь застекленная и стекло матовое, полупрозрачное.

Что она видела?

— Ну что, — изображая бодрость и веселый настрой, говорю я, — мне действительно пора. В общем, вперед, в путь-дорогу. Интересно только, в какой стороне мой дом? Ладно, положусь на интуицию. И с удовольствием прогуляюсь.

Прошмыгиваю мимо Кая, спрыгиваю со ступеньки и оказываюсь рядом с Линн. Она смотрит на меня как-то странно, как будто не видит вовсе, и ничего не говорит.

Ступням вдруг становится холодно.

— Ребят, вы только на это посмотрите! Надо ж, забыла надеть ботинки! Вы так умеете? Чертовы ботинки.

Ныряю мимо Кая в дом, бегу в гостиную, надеваю ботинки, возвращаюсь обратно, а сама все

продолжаю тараторить:

— Ботинки надела, телефон взяла… Кай, спасибо за… Линн, увидимся. Пока-пока.

Опустив голову и сжав кулаки, иду по дорожке через палисадник, потом за ворота и дальше по улице, не заботясь о направлении, просто куда ноги понесут.

Холодный воздух, как долгожданная передышка после крепкого виски и жгучего чувства вины.

Уходя, ничего не могу с собой поделать и оглядываюсь.

Кая не видно.

Но у окна гостиной стоит и смотрит мне вслед Линн.

22

— Черт, черт, черт.

Закрываю за собой дверь Чарнел-хауса, прислоняюсь к ней спиной и давлю костяшками пальцев на глаза.

Она могла все видеть через застекленную дверь. Она знает.

Отталкиваюсь от двери и начинаю, подбоченившись, расхаживать по коридору.

И что теперь? Линн разозлится? Разозлится так,

что при следующей встрече кинется на меня с кулаками? Нет, она не из таких. Она, скорее всего, из тех, кто все держит в себе. Будет неделями мучиться, изводить себя, разговаривать сама с собой, стоя перед зеркалом.

А Кай? Увижу ли я его снова? Да, меня это волнует. Потому что, несмотря на вселившийся в мое сознание пусть слабенький, но все-таки страх, и на лбу у меня выступили капельки холодного пота, я все еще возбуждена после этого почти поцелуя.

Достаю из кармана телефон, открываю «контакты» и выбираю Линн.

Посылать смс — плохая идея. Такой ход слишком уж удобен для человека, который боится открытого разговора, для того, кому есть что скрывать.

Закрываю глаза и мысленно вижу Линн, вижу, как она стоит у порога дома Кая и смотрит на меня. Она ждет, что я скажу, и лицо у нее какое-то застывшее, а взгляд пустой и пугающий, как у лунатика. Наверное, я все это себе нафантазировала, но… Стоит ли мне ее опасаться?

Открываю глаза и смотрю на светящийся экран телефона.

Зейди была права: мне надо поговорить с кем-

то, кто действительно знает Линн. И Кай тут мне не поможет. Нужно поговорить с тем, кто знал ее двадцать пять лет назад, когда, как она утверждает, мы были неразлучными подружками. С тем, кто может рассказать мне, что она за человек на самом деле.

Большой палец, подрагивая, замирает над украденным из телефона Кая контактом — Линн — родители.

Смотрю на настенные часы. Пять минут девятого.

Слушаю гудки добрых десять секунд.

Наконец слышу ответ:

— Ну, слушаю…

Голос мужской, сиплый, утяжеленный пивом.

Я не сразу нахожусь что сказать и тупо смотрю в слабо освещенный коридор.

Попросить к телефону маму Линн?

Какое крушение поезда желаете выбрать? Нелечибельная мать-клептоманка или блудливый отец-пьяница?

— Э-э, здрасте. Это мистер Уайлдинг?

Долгая пауза. Слышу только его ровное дыхание.

Потом наконец:

— Кто это?

— Меня зовут Беккет. Беккет Райан.

Еще одна пауза. Его дыхание замедляется.

— Видел тебя в газете.

Тру пальцами висок и проклинаю непостижимую для нормального человека популярность «Вестника Хэвипорта». Мне-то всегда казалось, что местные газеты издаются только для того, чтобы их обрывками выстилать лотки для кошек.

— Если не возражаете, я бы хотела задать вам несколько вопросов по поводу вашей дочери. Вы как? Не против?

Сначала слышу какой-то булькающий звук, а потом:

— Ну давай, спрашивай.

Делаю глубокий вдох и пытаюсь взять себя в руки.

Нет, по телефону о таком нельзя. Мне надо видеть его глаза. Иначе не пойму, можно ли ему верить.

— А мы не могли бы встретиться лично? Завтра, например? С меня пинта пива и свиные шкварки.

Отец Линн отхаркивается, а потом как будто втягивает обратно то, чем харкнул. Слышу, как на фоне этих малоприятных звуков работает телевизор, в телевизоре кто-то смеется металли-

ческим смехом.

— Завтра буду в «Рекерс», часов с четырех.

Меня всю аж корежит. Где угодно, только не там.

— А не могли бы мы встретиться где-нибудь еще?

— Слышь, девочка, я пью в «Рекерс».

— Но может…

Гудки, и вызов прерывается.

Весь вечер пишу как одержимая.

Линн меня застукала, в результате нервная энергия, или приступ страха, или и то и другое разблокировали мой мозг и расслабили пальцы. Я страница за страницей набираю текст, руки порхают над клавиатурой, широко открытые глаза смотрят на светящийся экран ноута.

За исключением эпизодов с насилием со стороны отца пишу обо всем, что могу вспомнить: какие-то сценки с родителями, поездка в клинику сна, фрагменты моих снов и ночных кошмаров. Пишу о своей воображаемой подруге, которая является моим зеркальным отражением.

Печатаю с бешеной скоростью, клавиатура щелкает без остановки, как будто в одном ритме с зубцами вращающихся у меня в мозгу шестеренок.

Но действие виски ослабевает, и я выдыхаюсь.

В животе начинает урчать; я, плохо различая обстановку в полумраке, бреду в кухню. В буфете и смотреть особо не на что — стопка упаковок лапши быстрого приготовления, пакет чипсов «Кеттл» и полбутылки вина.

Достаю чипсы с вином, ставлю бокал на стол, зубами вытаскиваю пробку из бутылки, принюхиваюсь и сразу кривлюсь. Не чистый уксус, но кислятина.

Усилием воли заставляю себя сделать первый глоток, быстро запихиваю в рот жмень чипсов. После подхожу к кухонной столешнице, где мой прислоненный к кафельной плитке телефон светится, предупреждая о полученном сообщении.

Перестаю жевать, чипсы на языке становятся вязкими.

Что, если это она?

Говард: Здорово. Что нового? Г х

Испытываю огромное облегчение. Мне определенно надо расслабиться.

Она ведь не подкарауливает тебя, сидя на корточках у входной двери.

Разблокировав телефон, делаю глубокий вдох и выдох и покачиваю пальцем над именем Говарда — соблазн изменить привычке очень велик.

— Беккет! — радостно восклицает он, ответив на мой звонок. — Не могу поверить — ты мне позвонила. Ты ведь никогда мне не звонишь.

— Брось, ты первый нарушил обычай — взял и написал мне в воскресенье. В Божий день.

— Ты не веришь в Бога.

— Я верю в его день.

Говард смеется своим характерным тихим, дребезжащим смехом.

— Ладно, но разве агент, он же человек, не может один раз в сто лет связаться со своим любимым клиентом?

— Говард, мы оба знаем, что твой любимый клиент — тот парень из телика с лабрадорами на полосе препятствий.

— Лабрадоры умеют удерживать на носу печеньки, Беккет. А ты?

— Я — нет, — уязвленно отвечаю я и сажусь на один из кухонных стульев.

Говард откашливается.

— Ну и как там дела в… забыл… в Хэвитауне?

— Хэвипорте.

— Как дела в Хэвипорте?

Смотрю на свой бокал и вспоминаю Линн: вот она стоит у окна в гостиной Кая и смотрит, как я ухожу прочь от его дома.

— Ты смотрел «Роковое влечение»?

— Смотрел, черт меня подери, — с тревогой в голосе отвечает Говард. — Она же там, если помнишь, живьем варит крольчиху.

— Ну, по ощущениям похоже.

— Ни хрена себе.

Я делаю большой глоток вина.

— Но есть и хорошие новости — я снова пишу. По-настоящему.

— О, превосходно, я в восторге.

Слышу, как скрипит кресло Говарда, — это он откинулся на спинку, — а потом даже понимаю по его голосу, что он улыбается.

— И когда пришлешь пару глав, чтобы я мог почитать?

Я хмыкаю:

— Нет никаких глав, Гов. Это не книга, понимаешь?

— Но…

— Но я действительно хочу тебе это прислать. Дай мне час, и отправлю все одним кликом.

— Просто отлично.

— И хочу, чтобы ты понял, это не какие-то там наметки, я просто должна знать… сохранилось ли это в моей памяти.

Говард выдерживает паузу, я даже слышу,

как он меняет положение в кресле, и наконец говорит:

— Знаешь, я никогда не переставал в тебя верить.

— Сочувствую, тяжко выступать в роли одиночки, — отвечаю я и допиваю вино. — В последнее время во всех издательствах мода — ставить на мне крест.

— О, не драматизируй. А вот новая книга — это действительно интересно!

— Я же сказала — это не книга.

— А что тогда? Сибас?

— Мысли, идеи. Блуждание по детству. Терапия.

— Если бы ты спросила Джойса, он бы тебе ответил, что «Улисс» — терапия.

Я тянусь за бутылкой и наливаю в бокал еще одну щедрую порцию вина.

— Приятель, не надо ко мне подмазываться. Я знаю тебя и знаю, как ты работаешь.

— Неужели?

— Так вот, я пошлю тебе этот текст не для того, чтобы ты сделал из него модную презентацию

для ловких подходов к публике в «Граучо»[21].

— Ненавижу «Граучо».

— Дело не в этом.

— Ладно… забудь. Я просто безумно рад, что ты начала работать над новой книгой.

— Это не книга.

— Да, конечно. А как вообще дела? Ну, как жизнь?

Я снова отпиваю вино. Занятно, что с каждым глотком оно становится менее кислым и даже приятным на вкус.

— Если честно, хорошего мало. Местным я не особо нравлюсь. — Представляю вызывающую тоску башню из упаковок лапши быстрого приготовления в буфете. — И с деньгами полная задница. Если бы здешняя благотворительница не проявила желание купить дом моих родителей за сумму, реально превышающую его стоимость, я бы уже к Рождеству осталась на улице.

— О боги. — Говард вздыхает и на секунду задумывается, а потом говорит: — Ну, этого мы точно не можем позволить.

Массирую лоб. Мы с моим агентом всегда были

---

[21] Примечания: 21

«Граучо» — закрытый клуб, расположенный на Дин-стрит в лондонском Сохо. Его членами в основном являются представители издательской, медиаиндустрии, индустрии развлечений и искусства.

в дружеских отношениях, но это не значит, что я имею право загружать его своими личными проблемами.

— Прости, что вот так с ходу вывалила столько инфы. И не волнуйся, у меня все в порядке.

— Это хорошо. — Еще одна довольно-таки многозначительная пауза, и наконец он говорит: — Жду не дождусь, когда смогу прочитать твою книгу.

— Это не книга.

— Как скажешь. Пока, на связи.

Допив остатки вина, плетусь обратно в кабинет и сажусь перед ноутбуком. Сцепляю в замок пальцы, до хруста вытягиваю руки перед собой и снова принимаюсь печатать: «…Правда в том, что отец никогда меня не хотел. Для него я всегда была никчемной девчонкой, и хуже того, девчонкой, которая бросает тень на его доброе имя. А я была слишком маленькой, чтобы понять причины такого отношения, и поэтому, обладая богатым воображением, выдумала своего двойника. Этим двойником была девочка, которую так не любил мой отец. То есть это была я плохая. И она же стала источником моей ненависти к себе. Эта девочка — мой двойник, мое альтер эго — превратилась в реального монстра, который по

ночам скрывался под моей кроватью. У нее было мое лицо, мои волосы, моя кожа, но она избегала света и появлялась только ночью, в ту пору, когда я была совсем одна, одна и в темноте…»

2000

— Помогите!

Это кричу я. Кричу в темноте. Я лежу в своей кровати. Сейчас ночь. И я знаю, что мне это снится, знаю, потому что не могу пошевелиться, все, как сказал тот доктор.

Тебя как будто… что-то парализует.

Мне надо закрыть глаза, и тогда мои руки и ноги, мое сердце и мой мозг снова погрузятся в сон, и наступит утро.

Но когда я закрываю глаза, ничего не меняется. Я по-прежнему все вижу. Вижу стены своей комнаты, вижу стол, сидя за которым писала свои истории, вижу шкаф и потолок.

И потолок… Он движется.

Он розовый, как кожа, и он шевелится.

Мое дыхание учащается, потолок движется чаще. Я задерживаю дыхание, и он тоже замирает. А теперь на нем еще появляются бугорки, как будто червячки хотят выбраться наружу. Совсем как у Тедди Мазерса, когда он обжегся на уроке кулинарии.

Бугорки-волдыри начинают принимать форму.

Они становятся похожи на якорь.

— Мама?

Это плод больного воображения. У нее голова забита всякой ерундой.

– Помоги… п-помоги…

Мы должны отослать ее из дома. В школу-интернат.

– Пожалуйста, не надо.

Вот чего ты заслуживаешь, мелкая паршивка.

– Бек… кет.

Чей это голос? Кто меня зовет?

Голос доносится снизу. Тихий голос. Шепот из-под кровати.

— Бек… кет. — Маленькие пальчики бегают вверх-вниз по краю кровати.

«Успокойся, это все твое воображение, — говорит мама, — *ты спишь, это все тебе снится. Закрой глаза, и все страшное исчезнет».*

Но, мама, я лежу с закрытыми глазами. Мои глаза закрыты, мама.

— Здесь внизу темно, Беккет.

Голос мой, но он какой-то искореженный, как будто с помехами доносится из другого, нездешнего мира.

Слезы щиплют глаза.

— Мама… пожалуйста… она здесь…

В комнату врывается поток воздуха, одеяло приподнимается, а потом плавно на меня опускается.

Ко мне прижимается чье-то тело, теплое и влажное, как будто рядом улеглась соседская собака.

И оно шепчет мне на ухо:

— Я не могу спать в темноте. А ты?

2023

23

Утро выдалось мерзкое и промозглое, я в полумраке иду вверх через поле с медной урной в руках, и легкие горят у меня в груди.

Впереди море и красные скалы Хэвипорта. Ближе к обрыву останавливаюсь, чтобы перевести дух. Урна к этому времени стала тяжелой, как наковальня.

ВНИМАНИЕ! УГРОЗА ОПОЛЗНЕЙ СОБЛЮДАЙТЕ ОСТОРОЖНОСТЬ НЕ ПОДХОДИТЕ К КРАЮ ОБРЫВА!

Знак так и стоит покосившийся, никто его не поправил. Прохожу мимо: знак — справа, маяк — слева. Насколько хватает смелости, приближаюсь к краю обрыва.

Мелкий ледяной дождь колет лицо, ветер треплет полы зимнего пальто.

Смотрю на урну. Они там вместе — мои отец с матерью. Их останки — серый пепел — слились в одно целое. Связаны священными узами брака.

Официальный термин — «совместный прах». Это мне предложила преподобная Вустер, когда я

на следующий день после похорон навестила ее, чтобы извиниться за свой уход «по-французски» из крематория. Она тогда поинтересовалась: сочту ли я возможным и уместным, если их прах будет помещен в одну урну?

«Родственные души при жизни останутся неразлучными и после смерти», — сказала она ласковым голосом.

И я тогда понимающе закивала, как будто это было правдой.

Отвинчиваю крышку и заглядываю внутрь. Для отца всегда был крайне важен их с мамой имидж любящих и неразлучных до самой смерти супругов, так что, возможно, «совместный прах» — это то, чего он заслуживает. Теперь он не сможет от нее сбежать.

Я смотрю на пролив и сквозь туман вижу, как волны набрасываются друг на друга.

О чем там рассказывала мне Линн, когда мы встретились здесь после кремации?

Нам казалось, если будем кричать достаточно громко, ветер подхватит все плохое, что нас расстраивает, унесет далеко в море и это плохое больше никогда не вернется.

Отбросив крышку на траву, беру урну двумя руками за бока и несколько раз, сначала чуть

опустив, с силой под углом поднимаю. Урна изрыгает огромное клубящееся облако пепла. И пока я стою в нескольких дюймах от края обрыва, ветер закручивает пепел моих родителей в спираль и уносит в море.

Линн

Я стою за спиной Беккет, стою так близко, что, протянув руку, легко могла бы столкнуть ее с обрыва и еще увидеть, как она падает в воду.

— Беккет!

Она не слышит меня из-за ветра.

Я повышаю голос:

— Беккет!

Теперь она резко разворачивается, а когда видит меня, от удивления роняет урну на траву. Из урны высыпается небольшая кучка пепла, который тут же размокает под дождем.

— О господи… Линн! — с округлившимися глазами восклицает Беккет. — Давно ты тут стоишь?

— Нет, только пришла.

Она проводит мокрой рукой по волосам.

— Черт, и что ты здесь делаешь? В семь утра?

— Я… решила прогуляться.

Выражение лица Беккет становится напряженным.

— Как ты узнала, что я сюда приду?

У меня мурашки бегут по коже. Надо соврать. Я не могу сказать ей правду, потому что правда похожа на чистое безумие.

Вчера вечером я больше часа сидела под окном гостиной Кая, сидела на холодной каменной плитке, слушала, как вы болтаете и смеетесь, а сама давилась слезами.

Но ведь они просто болтали и ничего больше, да?

— Земля вызывает, Линн, спускайся с небес. — Беккет склоняет голову набок и повторяет свой вопрос: — Как ты узнала?

Я смотрю на темно-серую от влаги кучку пепла у ее ног. Ее родители вот-вот смешаются с землей и встретятся с червями.

Начинаю мямлить:

— Я… я не знала. Кай мне рассказал. Он сказал… что ты сказала… что пойдешь сюда…

Беккет тяжело дышит и зло на меня смотрит. Она мне не верит.

— Это не важно… Беккет, послушай, есть кое-что… о чем я…

Начинаю, не глядя, рыться в своей сумке — салфетки, наушники, какие-то конверты, которые я украла в угловом магазине по дороге сюда, — на-

конец пальцы натыкаются на кожаный переплет ее дневника. Этот дневник она пытается найти с тех пор, как вернулась в Хэвипорт. Этот дневник я украла двадцать лет назад и как трофей храню его у себя на книжной полке. Пришло время его вернуть.

— Линн, слушай…

— Ты просто… дай мне минутку.

Когда признаюсь, она может простить меня за кражу, а я смогу простить ее за то, что она увлеклась Каем, и мы снова сможем стать подругами.

— Мне надо кое о чем с тобой поговорить…

Начинаю вытаскивать дневник из сумки.

— Не могу, Линн. Не сейчас.

— Нет, именно сейчас.

— Я занята.

— Прошу, позволь, я…

— Хватит, Линн! Хватит уже. — Беккет зажимает ладонями уши. — Чтоб тебя… неужели непонятно — я тут пытаюсь оплакать моих чертовых родителей. Так что не могла бы ты просто… просто свали и не мешай.

Она опускается на колени, ставит урну вертикально и завинчивает крышку. Потом встает с урной в руках и проходит мимо меня, капли дождя стекают по ее щекам, как крокодиловы

слезы.

Я смотрю ей вслед. Она исчезает в тумане, и я плачу. Но мои слезы не крокодиловы, они настоящие, горячие и злые.

Ты причиняешь мне боль, Беккет. Но я ни за что на свете не сделаю тебе больно в ответ.

24

Беккет

Давно не стиранный флаг святого Георгия трепещет и хлопает на ветру над вывеской паба «Рекерс армс», как будто так пытается предупредить горожан об опасности моего присутствия в Хэвипорте.

Глянув на всякий случай через плечо, захожу внутрь.

Для полудня понедельника в пабе на удивление многолюдно. Правда, посетители — это по большей части пожилые мужчины, сидят они каждый сам по себе и смотрят в свои кружки с пивом. Когда вхожу, некоторые поднимают голову и щурятся, как по мне — они очень похожи на черепах на пляже.

Я, стараясь на них не смотреть, прохожу прямиком к барной стойке.

— Опять ты, — говорит барменша, искоса по-

глядывая на меня, пока сама открывает коробку с луковыми и сырными чипсами.

— Ага, опять я.

Барменша с перфорированной картонкой в руке смотрит на меня недобро и спрашивает:

— Что будешь?

— Бутылочное пиво, — отвечаю я и указываю на маленький холодильник, рядом с которым она стоит. — Сойдет любое. Давайте «Перони».

— «Стелла».

— И «Стелла» сойдет.

Пока барменша наклоняется, чтобы достать из холодильника мой заказ, снимаю пальто и быстро оглядываю зал. Любой из этих пожилых мужчин может оказаться тем, кому я назначила здесь свидание.

— Слушайте, — говорю я, когда барменша приставляет открывалку к пробке заказанной мной бутылки, — я сюда пришла, чтобы пообщаться с одним стариканом… С Уайлдингом вроде. Как звать, не знаю.

Барменша смотрит мне за плечо и вскрывает бутылку.

— Сидит рядом с фруктовым автоматом и пялится на твой зад.

Я как бы между делом оглядываюсь.

За небольшим столиком возле игрового автомата «крейзи фрукты» сидит тощий, потрепанного вида мужичок, греет в руках кружку с остатками пива и действительно лениво пялится глазами-бусинками на мой зад.

Он встречается со мной взглядом, и я сразу замечаю его едва уловимое сходство с Линн, с молодой женщиной, которая сегодня рано утром крадучись подошла ко мне со спины на краю скалы.

— С тебя четыре двадцать. — Барменша пододвигает ко мне бутылку и вытирает пальцы о бедра, а потом в глазах ее мелькает что-то вроде беспокойства, и она спрашивает: — И чего это ты вдруг с Ронни решила тут посидеть?

— Долгая история, — отвечаю я и кладу на стойку пятифунтовую купюру.

Барменша, не глядя, берет деньги, а сама продолжает смотреть в сторону отца Линн.

— Кстати, он что пьет? — интересуюсь я, припомнив, что обещала ему проставиться.

— Майлд.

— Ну, тогда пинту майлда и пакет свиных шкварок.

Барменша ставит на стойку пинту светлого эля, я передаю ей еще одну купюру, и она пробивает

чек на кассе.

— Поаккуратнее с ним, — едва шевеля губами, предупреждает барменша. — Любит он свои грязные лапы распускать. — Она небрежно бросает рядом с кружкой пакет шкварок и продолжает, заметно понизив голос: — И еще, пока мы тут вроде как рассчитываемся… Сэм Гастингс, тот мелкий парень с норовом, твой спарринг-партнер по пятнице, его сейчас тут нет, но приходит он почти каждый день, так что сама думай…

Я благодарно киваю:

— Спасибо.

Барменша в ответ только пожимает плечами, будто ей все равно, но я по глазам вижу, что ей неспокойно.

Повесив пальто на руку, сгребаю со стойки выпивку с пакетом шкварок и в стиле «шимми» пробираюсь мимо игрового автомата к столику Ронни.

Он с приоткрытым ртом следит за моими телодвижениями.

Прибыв на место, ставлю выпивку на стол и умудряюсь улыбнуться.

— Я — Беккет.

Ронни, чуть высунув зеленоватый язык, оглядывает меня с головы до ног и обратно, как будто

свинью на рынке оценивает, и в итоге дает добро:

— Садись, девчуша.

Он хлопает ладонью по стулу рядом с собой, а у меня в ушах как по щелчку звучит фраза: «Эй, куда бредешь, девчуша?»

Думаю, он тот самый пьянчужка, которого я увидела возле паба, когда только сошла с лондонского поезда в Хэвипорте. Только сегодня, по сравнению с ним тогдашним, он кажется почти трезвым. Впрочем, у него весь вечер впереди.

— Значит, вы Ронни Уайлдинг, — говорю я, усаживаясь напротив него.

Он медленно склоняет голову, как будто подремать собрался.

— Он самый. — Сжимает грязными костлявыми пальцами принесенную мной кружку с элем. — Я тута личность известная. Народ зовет меня Казанова.

Только попробуй ко мне прикоснуться, сразу твой стручок с корнем вырву.

– Как мило.

— Ага, мило и есть. — Язык Ронни снова высовывается изо рта. — А ты, девчуш, вижу, резвая кобылка.

— Вообще-то, нет.

— И попка крепкая.

Я придвигаю поближе бутылку и буквально прикусываю язык. Нельзя позволить этому старому извращенцу вывести меня из себя.

— Это, конечно, лестно, Ронни, но, увы, я лесбиянка и соблюдаю обет безбрачия.

Он медленно, причмокивая, отпивает эль из своей кружки и заявляет:

— Мне без разницы, я всяких люблю.

Я кладу ладонь с растопыренными пальцами на стол.

— Давайте сразу к делу. Вернувшись в этот раз в Хэвипорт, я довольно много времени провела с вашей дочерью, и она… она говорит, что мы с ней в детстве были подружками.

Ронни откидывает голову назад и вроде как обдумывает мои слова.

Откашлявшись, уточняю:

— Вообще-то, она говорит, что мы были лучшими подружками и почти все время проводили вместе. В школе, после школы и… Проблема в том, что я мало что помню о тех временах и просто не могу представить, как мы с ней, то есть я с Линн… — Я провожу рукой по волосам. — Вот я и подумала, может, вы…

Морщинистая физиономия Ронни расплыва-

ется в противной улыбке. Улыбка застывает, он ничего не говорит, а потом начинает смеяться. Смех у него хриплый и отрывистый, как будто кто-то пытается запустить старую цепную пилу.

— И что тут смешного?

— Так она говорит, что вы были подружками?

— Да.

Ронни снова смеется, его тщедушное тело начинает трястись, и вскоре смех переходит в булькающий кашель.

Я отодвигаю бутылку с пивом, в кои-то веки пить совсем не хочется.

— Что смешного? Хотите сказать, она меня обманывала?

Ронни вытирает губы тыльной стороной ладони, наклоняется ко мне через стол и понижает голос до хриплого шепота:

— Хочу сказать, что эта мелкая шлюшка врет с того самого дня, как выскользнула из манды своей мамаши.

Я откидываюсь на спинку стула.

— То есть… вы меня совсем не узнаете?

Ронни делает большой глоток эля.

— Да я, пока твою фотку не пропечатали в газете, в жизни тебя не видел.

— Но… могли ведь быть и другие дети, которых

Линн приводила домой поиграть?

Ронни смотрит в свою кружку и презрительно фыркает:

— У Линн никогда не было ни друзей, ни подружек. У нее с головой не в порядке.

— Хорошо, тогда, может, ее мать…

— Вот только не вздумай связываться с этой старой высохшей ведьмой, — протяжно рычит Ронни и с такой силой ставит кружку на стол, что эль через край переливается. — Зря ее в жены взял. — Он тычет пальцем мне в грудь. — Мне по вкусу девчуши с титьками поменьше, как у тебя.

Я скрещиваю руки на груди и невольно их приподнимаю. Ронни после такого начинает раздувать ноздри.

Тут уже я вместе со стулом отодвигаюсь от стола.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, мистер Уайлдинг, но, думаю, мне пора.

Ронни приподнимает пакет со шкварками и тут же с равнодушным видом опускает его обратно.

Я уже встала из-за стола и начинаю надевать пальто.

— Охота поразвлечься, пока здесь, а, девчуш? — спрашивает Ронни, глядя на меня снизу вверх.

Я замираю, не успев просунуть руку в рукав.

— Простите?

Ронни подается вперед и быстро-быстро проводит языком по нижней губе.

— Ну, трахнуться по-быстрому, отсосать…

У меня непроизвольно сжимаются кулаки.

— Я ухожу, наслаждайтесь шкварками.

Сердце колотится, как молот по наковальне, иду через зал, стариканы-завсегдатаи пялятся на меня, но мне на них плевать.

Направляюсь к выходу, а Ронни на прощание выдает мне в спину:

— Заносчивая сучка.

Я притормаживаю. Чувствую, как начинают подергиваться пальцы.

Забей. Ты уже через это проходила, Беккет. Вот прямо здесь ты через это уже и проходила.

Стиснув зубы, иду дальше, но, прежде чем успеваю дойти до двери, другой голос, причем знакомый, окликает меня из глубины зала:

— А он прав. Ты и вправду та еще заносчивая сучка.

Резко оборачиваюсь на каблуках.

Ко мне приближается Сэм Гастингс.

— Говорил же тебе, чтобы больше здесь не появлялась? У тебя что, со слухом плохо?

25

Из туалета за спиной Сэма появляются трое его приятелей-холуев. Становятся расслабленно в рядок и пялятся на меня, как хозяева жизни.

Я скрещиваю руки на груди:

— И что, вас всего четверо?

Спрашиваю спокойно, а вот сердце колотится как бешеное. Понимаю, что не стоит его провоцировать, просто не уверена, что смогу с собой совладать.

Сэм выдвигается вперед.

— Не суйся сюда, — говорит Сэм, подходя ближе ко мне, и показывает большим пальцем себе за спину. — Здесь пью я.

Я изображаю удивление:

— Как? Прямо из писсуаров?

В зале кто-то хихикает.

— Ты понимаешь, о чем я, — говорит Сэм и подходит еще ближе, — «Рекерс» наш паб, и мы не хотим видеть здесь кого-то типа тебя.

— Типа тех, кто умеет читать?

Сэм останавливается. Нас разделяет меньше метра.

— Думаешь, написала парочку дерьмовых книжонок и можешь тут выделываться?

— Вообще-то, я написала шесть книжонок.

— Издеваешься?

— Даже не думала.

Сэм подходит еще ближе, я уже чувствую его горячее дыхание.

— Ты бы отвалила, Райан, пока я тебя сам не вышвырнул.

— Помнится, ты говорил, что только трусы бьют женщин.

Сэм опускает голову и покачивает сжатым кулаком. Потом снова на меня смотрит и говорит:

— Может, я передумал…

— Кажется, тебе лучше сейчас уйти.

На этот голос оборачиваются все.

Барменша вышла в зал, стоит подбоченившись, с перекинутым через плечо отжатым влажным полотенцем и прицельно так на меня смотрит.

— Да, это я про тебя.

Я сразу сдуваюсь и внимательнее к ней приглядываюсь. Барменша раздражена и даже злится, но по глазам видно, что все еще волнуется из-за того, что может со мной тут у нее в баре приключиться.

Отступаю от Сэма.

— Ладно… хорошо. Я ухожу. — Достаю телефон, чтобы узнать, который час. — Когда последний

поезд из Хэвипорта?

Барменша снимает полотенце с плеча.

— Я не про то…

— Когда последний поезд? — повторяю я свой вопрос, застегивая пальто.

Повисает пауза, тишину нарушает только стук начавшегося дождя по окнам.

— Восемь сорок пять, — отвечает седеющий мужчина с запавшими глазами, который сидит у барной стойки. — Доставит до самого Лондона.

Оценив его визуально, понимаю, что он из тех, кто вполне может помнить расписание местных поездов. Киваю в знак благодарности.

— Ну так, значит, я отбываю из Хэвипорта в восемь сорок пять. — Оглядываю зал паба и странным образом чувствую себя бесславно покидающим Даунинг-стрит премьер-министром. Все взгляды устремлены на меня. — Увидимся.

Подойдя к двери, берусь за ручку и на прощание прицельно смотрю в угол зала:

— Ах да, Ронни, просто на случай, если до тебя не дошло, дай-ка я проясню: ты не Казанова, ты вонючий мелкий тролль, и я скорее сожгу себя заживо, чем приближусь к тому, что у тебя в штанах.

Ронни рявкает в ответ что-то неразборчивое,

но я уже выхожу из «Рекерс армс» — в последний раз — под проливной дождь.

Погода хуже некуда, косой дождь образовывает мутные потоки на обочинах дороги, ветер резкий и кусачий, как мелкая собака, а в небе клубятся тучи цвета старого протухшего мяса.

Поднимаясь на холм мимо банка, почты и серии заколоченных домов, достаю телефон и скролю, пока не добираюсь до нашего с Линн чата.

Капли дождя падают на экран, и я поскорее набираю сообщение:

Возвращаюсь в Лондон. Больше никогда мне не звони и не пиши.

Небо рычит и стонет, как будто от боли, а я опускаю телефон в карман и продолжаю идти вперед сквозь надвигающуюся бурю.

Мои последние часы в Чарнел-хаусе проходят без происшествий: бросаю вещи и туалетные принадлежности в чемодан, поправляю на кровати простыни и покрывала и мою на кухне свою одинокую кружку, тарелку и вилку.

Телефона избегаю: звук я отключила, и там наверняка скопилась масса пропущенных вызовов от Линн, — поэтому билет на поезд приходится бронировать, воспользовавшись ноутбуком.

Сижу за столом, тупо смотрю в пустоту и мысленно перечисляю причины, по которым должна уехать.

Линн — лгунья и фантазерка, Сэм Гастингс назначил цену за мою голову, а моя увлеченность Каем подобна зажженной спичке на заправке. Что касается родителей и этого дома, если я когда-то и питала слабую надежду на то, что пребывание здесь примирит меня с ними и принесет успокоение, то эта надежда окончательно испарилась. Утром я устроила целое шоу — потащилась на скалы и развеяла там их пепел… Но это действо ни на йоту не изменило ситуацию. С этим местом меня больше никто и ничто не связывает.

За одним исключением.

Глядя в серое окно на кухне, чувствую укол вины.

Надия — хороший человек, и, похоже, она действительно считает, что неделя-другая в Хэвипорте как-то мне поможет. Но наша мимолетная дружба не может удержать меня в городе. Больше нет. Мы обе должны посмотреть правде в лицо: я здесь чужая и так было всегда.

Расправив плечи, оглядываю кухню, следую взглядом за длинной, ползущей по стене тре-

щиной.

Откажется ли Надия от покупки дома, если я нарушу данное ей обещание? Мы ведь вроде как заключили с ней договоренность. Но она же не поставит крест на своих планах организовать детский приют, только для того чтобы преподнести мне своеобразный урок?

Трещина ползет по стене и исчезает за часами. И только в этот момент я, охнув, понимаю, который час.

Десять минут девятого.

Выскакиваю в коридор, быстро выдвигаю ручку чемодана.

Слишком поздно волноваться о том, как поступит Надия.

Закрываю за собой парадную дверь Чарнел-хауса. С опаской оглядываюсь на пустой темный дом. Запах сырости вселяет тревогу, и я понимаю, почему не испытываю никаких эмоций оттого, что больше никогда его не увижу.

По дороге через город не встречаю ни одной живой души. Дождь усилился, и я, пока спускаюсь вниз по склону, успеваю вымокнуть до нитки, даже зимнее пальто не помогает.

Прибыв на станцию, понимаю, что там пусто, а входные двери на замке. И к запертым застек-

ленным дверям изнутри скотчем приклеено объявление:

ИЗ-ЗА ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ ВСЕ ПОЕЗДА ОТМЕНЕНЫ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК СЛЕДИТЕ ЗА УВЕДОМЛЕНИЯМИ

И вот стою я перед этой дверью, сцепив руки на затылке, и закипаю от ярости. Какая-то враждебная сила не дает мне уехать из Хэвипорта.

Закрываю глаза.

И что теперь?

— И что мне теперь делать? — вопрошаю я в телефон, расхаживая взад-вперед у запертых дверей, а по городской площади женщина в желтом непромокаемом плаще быстро-быстро петляет между лужами. — Я по горло сыта этим местом.

Зейди умиротворяющим тоном вещает из Лондона:

— Эй, остынь. Ну переночуешь там еще разок. Что тебе сделается?

Слышу играющий фоном ритм-энд-блюз и тихое пощелкивание палеток с тенями и румянами. Она определенно готовится куда-то выдвинуться.

— Я, кстати, с ним пообщалась, — говорю я и пытаюсь приобнять себя одной рукой, чтобы хоть так согреться. — С отцом Линн.

— Ух ты… и?..

— Какой-то зацикленный на сексе гоблин, Зейд.

Она смеется, у нее такой заразительный игривый смех. Обычно я ей подыгрываю, но сейчас точно не время для взаимных подколок.

— Он не знал меня, когда я была маленькой, и, как оказалось, Линн тоже меня не знала. Она все выдумала.

Зейди вдыхает сквозь зубы, а потом я слышу, как она с щелчком открывает помаду.

— Сочувствую, Би.

— А теперь мне некуда пойти, не с кем даже посидеть и поговорить… а она… она названивает мне каждые двадцать минут. Я просто… — Тут я замечаю, что меня трясет, но не понимаю — от холода или от злости. — Я в полном раздрае. Мне надо как-то отвлечься.

Слышен скрип ножек стула по полу, музыка выключается.

— Подруга, я тут опаздываю, но вот что скажу… Тебе надо успокоиться. Отключи телефон, возвращайся домой и открой бутылочку вина. И держись подальше от неприятностей. Как вернешься, позвони. Пока-пока.

И Зейд прерывает звонок.

Следуя ее совету, отключаю телефон, смотрю через площадь в сторону пассажа и галереи с игровыми автоматами, откуда долетает навязчивая дребезжащая музыка, и вспоминаю ряды винных бутылок на полках «Паундпушера».

«Держись подальше от неприятностей», — посоветовала Зейди.

Еще всего одна ночь.

Что ж, думаю, мне это по силам.

26

— Ну что… мы снова встретились.

Уже поздно. Я, сгорбившись под грузом одеял и с бокалом вина в руке, стою в подвале перед котлом. Гроза бушевала весь вечер, и когда я несколько минут назад, тяжело топая, поднялась в свою спальню, там было чертовски холодно и стекла в окне дребезжали от ветра.

И вот теперь я уже не в первый раз стою перед котлом и пьяными глазами пытаюсь оценить показания счетчиков.

На внешнем корпусе котла, примерно вровень с моим носом, два полукруглых счетчика, и они пялятся на меня, как глаза какого-нибудь безмозглого робота.

Вскидываю голову:

— Эй, не пялься на меня так. Сейчас я со всем разберусь. Просто надо… нужна инструкция…

Припомнив, как ободралась, когда пыталась выудить брошюрку с инструкцией по эксплуатации, с опаской заглядываю в узкое пространство между котлом и стеной. Скривившись, просовываю свободную руку в эту щель и тянусь, пока не нащупываю уголок брошюры.

Вытягиваю ее наружу и встряхиваю перед «глазами» котла.

— Есть! Мы снова в деле!

Котел индифферентно наблюдает за тем, как я пролистываю брошюрку форматом с мою ладонь и бормочу себе под нос названия разделов.

Добравшись до схемы панели управления, жму на кнопки и щелкаю переключателями, пока агрегат не издает отрывистый звук — похож на какое-то механическое похихикивание — и в смотровом окошке не вспыхивает голубой язычок огня.

Торжествуя, отпиваю глоток вина.

«Ф-ф-ш-ш-клац!» — решительно произносит котел, а потом шипит баском, как приготовившаяся к броску на врага кошка.

Вода начинает свой путь по старым трубам в дом, я тоже собираюсь удалиться из подвала, но

тут слышу другой, едва различимый за журчанием воды звук.

То ли писк, то ли всхлип.

Как будто хнычет маленький потерявшийся ребенок.

Это не по-настоящему.

Это всего лишь котел.

И снова это: ф-ф-ш-ш-клац.

Плотнее закутываюсь в одеяла, разворачиваюсь и направляюсь в темный коридор. И там останавливаюсь как вкопанная: у двери в кабинет стоит и смотрит на меня бледная, перепуганная девочка. Я шестилетняя.

Ф-ф-ш-ш-клац.

Наши взгляды встречаются.

А потом она улыбается, и я вижу ее мелкие зубки.

— Нет… нет. — Я сгибаюсь пополам и крепко хватаю себя за волосы. — Только не сейчас. Перестань уже. Она не настоящая. Там ничего нет…

«Еще всего одна ночь в этом доме, — говорю я себе. — Одна ночь, и больше ноги моей здесь не будет».

Я заставляю себя поднять голову. Она исчезла.

Глаза открыты.

Я лежу не в своей кровати.

Я уснула в ее кровати, в кровати маленькой Беккет, но теперь я не там. Я сижу на лестничной площадке, прислонившись спиной к комоду и обхватив руками колени. Снаружи стеной льет дождь и темно, хоть глаз выколи.

По ощущениям часа четыре утра.

Ф-ф-ш-ш-клац.

Медленно поднимаю руку к глазам. С любопытством рассматриваю. Ладонь такая… маленькая. Чистая, бледная и маленькая, как будто я… ребенок.

Ребенок.

— Гарольд, поговори со мной.

Я вскидываю голову. Это мамин голос доносится из кухни. Приглушенный, как из закрытого гроба.

— Я занят, Диана. Сегодня вечером я пропустил очень важное совещание у губернатора.

Папа тоже там с ней внизу.

— Но один вечер они ведь могут как-то без тебя пережить?

Поднимаю вторую руку. Свожу ладони, пока мизинцы не касаются друг друга. Смотрю на руки как завороженная. На моих ладонях нет линий, кожа совершенно гладкая.

— Мы должны поговорить о Беккет, — понизив

голос, говорит мама. — О том, что сказал доктор.

Окна дребезжат от ветра. Там снаружи наверняка очень холодно, но здесь в доме жарко. Жарко, как в печке.

Ф-ф-ш-ш-клац.

Медленно и стараясь двигаться бесшумно, меняю позу и становлюсь на четвереньки. Так, на четвереньках, пересекаю лестничную площадку и смотрю между перилами вниз, в коридор.

Беззвучно ахаю.

С домом что-то не так.

— Хорошо, давай поговорим. Итак, почему, по-твоему, Беккет несчастна?

Я вижу самые обычные вещи: зеленый телефон, нашу обувь возле входной двери, пальто на вешалке. Но пол, он какой-то не такой, и еще я слышу шум моря.

— Ну… ты… ты иногда бываешь с ней излишне строг.

Я уже видела этот пол прежде. Настил из широких расшатанных досок, а между ними щели — щели такие широкие, что в них можно увидеть морскую воду. Я ходила по этим доскам когда-то теплым летом, тогда на мне были лиловые сланцы.

Ф-ф-ш-ш-клац.

Что это за звук? И почему здесь так жарко?

— То есть если она несчастна, то виноват в этом я?

Звуки идут снизу, и жар тоже. Возможно, мне следует…

В одно мгновение я оказываюсь в коридоре рядом с телефоном. Поднимаю голову и вижу себя девятилетнюю. Маленькая Беккет ускользает в темноту, слышен только тихий и злой смех.

Люстра начинает раскачиваться.

— Я этого не говорила, но…

Иду по пирсу. Смотрю вниз и вижу воду. А доски под ногами горячие, такие горячие, что ступни обжигают. Сейчас, наверное, лето.

— Я действительно думаю, что Беккет порой может казаться, что ты больше своего времени посвящаешь заботам о детях в твоей школе, а не о ней.

Ф-ф-ш-ш-ш-клац.

Этот звук, он идет из коридора. Его издает нечто, укрывшееся в темноте.

Из кухни доносится приглушенный голос отца:.

— Мой отец был директором средней школы Хэвипорта на протяжении двадцати пяти лет. А до него — мой дед. Да, ради всего святого, мой

прадед голыми руками помогал строить это проклятое место…

Добравшись до кухни, останавливаюсь. Дверь закрыта.

— Таков путь представителей моей фамилии, Диана…

Тянусь к дверной латунной ручке. Сжимаю ее в пальцах. Чувствую знакомый ребристый узор, который так напоминает выброшенную на берег медузу. Но когда я поворачиваю ручку, латунь нагревается и превращается в клейкую массу. Я отдергиваю руку, потому что дверная ручка теперь настоящая медуза, маленькая и скользкая. И когда я отступаю назад, между ее щупальцами и моими пальцами натягиваются упругие нити из голубоватой слизи.

Эта тварь отделяется от дверной ручки и с глухим шлепком плюхается на пол.

Ф-ф-ш-ш-ш-кланк.

И тут я вдруг слышу смех. Счастливый смех.

Смотрю наверх, и дверь в кухню открывается.

В кухне чисто и светло. За столом сидят дети, все заняты: кто-то рисует, кто-то пишет, другие оживленно болтают. Здесь так шумно и так тепло, и льющийся в окно солнечный свет такой яркий.

Кто эти дети?

— Мама?..

Но моих родителей здесь больше нет, они ведь умерли. Осознав это, я понимаю, что вижу будущее. Это будущее Чарнел-хауса.

А эти дети… Они будут жить здесь, когда Чарнел-хаус станет приютом. Здесь они будут в безопасности, здесь смогут играть сколько душа пожелает, смогут шушукаться ночи напролет, будут организовывать свои тайные сообщества, рассказывать друг другу о своих влюбленностях, вести дневники… И этот дом после стольких лет наконец-то станет счастливым. Мое сердце переполняется надеждой.

А потом их лица поворачиваются ко мне. Солнечный свет меркнет. Медуза подергивается на полу.

— Эй, вы как там? Слышите меня? — спрашиваю я слабым голосом.

Стены снова становятся темными, за окном льет дождь. Дети просто смотрят в мою сторону.

— Эй?

Они тебя не слышат. Ты говоришь во сне.

Люстра раскачивается все быстрее.

— Вот чего ты заслуживаешь, — говорит один из детей ровным недовольным голосом.

Я отступаю назад, но их лица не уменьшаются, а, наоборот, увеличиваются.

— Что?..

— Это то, чего ты заслуживаешь, — говорит другой ребенок.

— Это то, чего ты заслуживаешь.

Высокая худенькая девочка встает со стула.

— Это то, чего ты з-з-за-а-а…

Лицо девочки вытягивается, нижняя челюсть отвисает, кожа слезает с черепа.

— Это то, чего ты заслуживаешь.

Захлопываю дверь и, спотыкаясь, отхожу в коридор. Перехожу на бег, но коридор с каждым моим шагом удлиняется, подо мной шумят морские волны, а металлический лязг становится все громче.

Шипение… лязг…

Снова шипение и снова лязг…

Впереди возникает застекленный металлический шкаф. Он стоит под углом к стене, опасно раскачивается, а потом с грохотом, как какой-то металлический хлам, падает на пол.

Ф-ф-ш-ш-ш-ш-клац.

Внутри шкафа кто-то есть. Половина человека.

«ВСЕГО 50 ПЕНСОВ. ЕСЛИ ХВАТИТ ДУХУ!»

Бабуля. Она раскачивает шкаф, распиливает его пополам.

Ф-ф-ш-ш-ш-ш-клац

Ф-ф-ш-ш-ш-клац

Ф-ф-ш-КЛАЦ

На этот раз удар такой сильный, что шкаф валится на пол. Стеклянные стенки разбиваются вдребезги. Бабуля срывается с креплений и теперь лежит лицом вниз, вся усыпанная осколками стекла.

Но при этом продолжает издавать противные отрывистые гласные звуки:

— А-а-а-а… э-э-э…

Я замедляю шаг и боюсь подойти ближе. Бабулю начинает очень сильно трясти. Смотрю вперед и назад, но коридор в обоих направлениях уходит в непроглядную темноту.

Снова слышу голос отца.

— Она одержима своими историями и этой абсурдной воображаемой подружкой…

— Папа? Ты мне поможешь?

— Мечты наяву ни к чему ее в этой жизни не приведут.

— А-а-а…

Бабуля со скрипом вытягивает свои старческие руки над головой, пока они не оказываются под

углом к голове совсем как у взмывшего к небу супергероя.

— Э-э-у… э-у…

— Это плод ее больного воображения.

Бабуля еще немного сгибает руки, приподнимается, становится похожа на палатку. Прямо у меня на глазах из ее ополовиненного туловища начинают вырастать костлявые конечности, они удлиняются с невероятной скоростью, словно какие-то омерзительные стебли. Три метра, четыре, пять… А потом Бабуля поднимается на этих жутких, похожих на паучьи лапы ногах. Теперь она выше дома, выше всего на свете, она нависает надо мной, и я вижу, что у нее изо рта свисает толстая кожаная лента. Совсем как тогда на пирсе. Черный язык болтается между ее зубами, словно кусок гнилого мяса.

— А-а-а… — продолжает тарахтеть Бабуля и, судорожно подрагивая, движется ко мне на своих паучьих лапах. — А-э… Бек-кет…

— Неудивительно, что она плохо спит по ночам, — говорит отец. — У нее голова забита всякой ерундой.

Становится все жарче. Моя кожа начинает потрескивать, как жирный свиной окорок на огне.

— Ба… Бек… кет… — продолжает заикаться

Бабуля.

— Мы должны отослать ее из дома, — рычит отец.

— Я тебе не позволю! — кричит мама.

— Я принял решение.

— Ты винишь меня, да?

Хочу убежать, но не могу двинуться с места. Люстра раскачивается все быстрее.

— За то, что… не подарила тебе сына.

Не могу убежать, потому что, когда смотрю вниз, понимаю, что моя правая рука не заканчивается кистью. Мое предплечье постепенно превращается в толстую, покрытую зеленой слизью цепь, и эта цепь намертво крепится к лежащему на полу, заросшему ракушками якорю.

— А почему я не должен винить тебя, Диана?

Стены по обе стороны от меня охватывает огонь. Я пытаюсь бежать, дергаю рукой-цепью, но якорь слишком тяжелый, его не сдвинуть с места. Бабуля подгибает конечности и продолжает трясти своим черным языком, а под ней сокращают и расширяют свои желеобразные тела сотни медуз.

— Это твоя матка.

Загорается пол. В паркете появляются похожие на язвы огромные обугленные дыры, в эти дыры,

как в бездну, падает мебель. Столы, лампы. Сломанный автомат Бабули.

Смотрю вниз. Я тоже горю, моя кожа покрывается волдырями.

— Это твоя м-м… матка. Это твоя м-м-а-а-атка.

И тут я вижу ее. В темном коридоре за Бабулей стоит девочка, моя воображаемая подруга. Она наблюдает за тем, как я горю. Ее глаза словно две белые булавочные головки на черной ткани.

— Здесь темно, Беккет, — говорит она, указывая на пол. — Я не могу спать в темноте. А ты?

Дощатый настил с оглушительным грохотом обрушивается, и я лечу вниз, стремительно падаю в морские волны. Когда ударяюсь о воду, она шипит от жара, а якорь тянет меня через темные глубины к расплавленному ядру земли, пока мы наконец не останавливаемся в жуткой раскаленной пещере в сотнях миль от поверхности моря.

Это наверняка то место, где я умру. Адская картина. Стены пещеры из человеческой плоти, это гниющая и одновременно тлеющая утроба, где все сгорает, где моя горящая плоть отделяется от костей, словно какая-то розовая слизь.

Я горю.

Дай мне умереть.

Я горю…

С громким хрипом делаю резкий вдох и понимаю, что сижу на кровати в полной темноте. Дышу, как пробежавший стометровку спринтер. Уши заложило.

Похлопываю по простыне, ожидая, что она в любую секунду загорится, потом провожу липкой от пота ладонью по плечу. Пальцы дрожат, когда вспоминаю, как моя плоть слезала с меня, словно розовые сливки.

Огня нет, и мое тело в полном порядке.

Это был сон.

Но в комнате реально жарко… просто невыносимо жарко.

Отбрасываю одеяло, разворачиваюсь и опускаю ноги на пол. Похоже, этот старый и, прямо скажем, дряхлый котел может быть адски эффективным.

Если только это не…

Сердце набирает обороты, паркет обжигает ступни, как будто я иду по дощатому настилу в жаркий летний день. Котел, наверное, несколько часов кряду работал на полную мощность, но центральное отопление ведь не может быть настолько мощным?

Встав с кровати, понимаю, что снизу из кабинета доносятся щелчки и какое-то потрескивание.

Ноздри подергиваются от едкого запаха дыма. Подхожу к окну и, посмотрев вниз, вижу, что лужайка залита каким-то жутким мерцающим оранжевым светом.

О господи.

Огонь мне не приснился, он реальный.

Дом горит.

27

Натягиваю футболку и джинсы, выбегаю из комнаты, пересекаю лестничную площадку и, уже спускаясь, замедляю шаг. Жар усиливается так, что кожа на лице натягивается.

Спустившись, замираю, глядя на закрытую дверь отцовского кабинета. Из щелей по периметру, как серые призрачные пальцы, выползает серый дым.

И пока я так стою — одна нога на нижней ступеньке, другая в коридоре, — мне в голову закрадывается дьявольская мысль: «А может, пусть он уже сгорит, этот дом?»

Отбрасываю эту мысль прочь, не раздумывая, бросаюсь к отцовскому кабинету, распахиваю дверь и на меня тут же накатывает удушающая волна горячего воздуха. Закашлявшись, отступаю назад, пока не упираюсь спиной в стену, и не

могу поверить своим глазам.

Вся комната — пульсирующий огненный рой искр. Мебель почернела, с потолка на пол, словно омертвевшая кожа, падает деревянная обшивка.

Смотрю на эту ужасающую картину и начинаю сознавать, что это моих рук дело.

Я, не имея никакого практического опыта и притом нетрезвая, полезла разбираться со старым, выжившим из ума котлом и вполне могла не в том порядке пощелкать переключателями или нажать не ту комбинацию кнопок. И теперь в результате этих моих действий дом, который в ближайшем будущем должен стать приютом для детей и подростков Хэвипорта, минут через десять может превратиться в кромешный ад.

А потом замечаю, что выходящее на улицу эркерное окно разбито. Вглядываюсь в темноту и вижу, как в сторону города быстро удаляется невысокая стройная женщина в черном. Ее волосы, длиной до плеч, развеваются на ветру, и они светлые, цвета капучино.

У меня отвисает челюсть.

Линн.

Она хотела сжечь меня заживо.

Телефон. Надо вызвать пожарных. Где мой телефон?

Я его отключила. Отключила вчера и больше не включала. Все из-за нее.

Какая я дура. Не следовало ей доверять.

Смотрю наверх — как там в моей комнате? Но времени нет. Надо вызвать пожарных и догнать Линн. Мой мобильный придет в себя только секунд через пятнадцать после включения, но для этого его сначала надо найти.

Круто развернувшись, подбегаю к тумбочке с телефоном у входной двери. Ну конечно: мои родители были последними из цивилизованных людей, которые пользовались дисковым телефоном.

Тычу указательным пальцем в «девятку», кручу диск.

Вж-жик.

Девять.

В трубке — треск и шипение.

Снова — девять.

И снова — треск и шипение.

— Господи… чтоб тебя…

Дым режет глаза; зажмурившись, нащупываю ручку входной двери. Слышу гудки в трубке, одновременно поворачиваю ручку и ударом ноги открываю дверь. С облегчением вдыхаю холодный влажный воздух.

— Экстренная помощь, какая служба вам требуется?

— Пожарная… пожалуйста.

— Связываю с пожарной службой.

Пауза не дольше секунды.

— Пожарная служба. Слушаю вас. Назовите адрес, откуда звоните.

Массирую горячий затылок.

— Э-э, Умбра-лейн, Хэвипорт. Умбра-лейн, один.

— Причина вызова? Опишите ситуацию.

В панике оглядываюсь через плечо на выползающий из отцовского кабинета черный дым. Готова поклясться, что весь дом трясется, как будто судорожно пытается сделать глоток свежего воздуха.

— Мой дом… он горит.

— Есть пострадавшие?

Думаю о Линн. Она убегает, оставив меня умирать. В груди клокочет злость.

— Нет, нет… я здесь одна.

— Хорошо. А теперь вы должны выйти из дома. Выходите из дома и ждите пожарную бригаду. Назовите свое имя.

— Беккет Райан, — отвечаю я и почему-то вдруг чувствую себя девятилетней девочкой.

— Все будет хорошо, Беккет, — говорит женщина-оператор.

Я крепко сжимаю телефонный шнур, и в моем сознании вспыхивает жуткая картина: моя воображаемая подруга забилась в угол отцовского кабинета, вокруг нее пляшут языки пламени, ее маленькое тело съеживается, как пластик в микроволновке.

— Беккет?

— Да, я здесь. Спасибо. Уже выхожу. Спасибо.

Бросаю трубку, в последний раз оглядываюсь на черный дым и языки огня, которые уже начинают лизать стены в коридоре, и выбегаю из дома.

Даже не сознавая, что делаю и что происходит, бегу по улице. Лужи — плевать, и тем более плевать на проливной дождь. У меня есть цель. Далеко впереди, в конце дороги, что идет перпендикулярно Умбра-лейн, смутно вижу Линн. Вижу, как она машет на ходу руками и как развеваются ее светлые волосы. Она замедляет шаг, останавливается, наклоняется и упирается руками в колени, чтобы перевести дыхание. Но она не оборачивается. Не хочет видеть, что натворила.

Камень впивается в пятку, я спотыкаюсь и только в этот момент понимаю, что выбежала из дома босиком. Дорога мокрая и скользкая от

грязи, в ботинках я бы точно бежала быстрее, но, оглянувшись на дом, понимаю, что возвращаться бессмысленно. Кабинет отца весь охвачен огнем, и языки пламени ползут по стене, выискивая пути пробраться внутрь дома.

К тому же, если сейчас вернусь, упущу Линн.

— Эй!

Мой крик заставляет ее вздрогнуть — кажется, она сейчас обернется, но нет, она ускоряет шаг и ныряет в переулок. Всю дорогу от дома я ее нагоняла и теперь в считаные секунды тоже оказываюсь в переулке; расстояние между нами сокращается до трех метров.

Два метра.

Один.

— Линн.

На этот раз она поворачивает голову, но, прежде чем мы встречаемся взглядом, я напрыгиваю на нее, как гепард на газель. Она вскрикивает, я обхватываю ее рукой за горло, и мы валимся на мокрый асфальт.

Упав, вскрикиваем обе. Я чувствую, что сильно ободрала локоть. Линн закрывает лицо ладонью и начинает подо мной извиваться, но я сильнее, да и злости во мне на троих хватит.

Я хочу ее ударить, мне это просто необходимо.

Мне надо увидеть ее кровь.

— Ты конченая… психопатка.

Оседлав Линн, хватаю ее за плечи и чуть привстаю, чтобы перевернуть на спину. Она верещит, но сделать ничего не может — силенок маловато. Секунда-другая, и вот уже я стою над ней на коленях и крепко держу за горло, а она с несчастным видом смотрит на меня снизу вверх и вся трясется от страха.

Но когда мы встречаемся взглядом, я перестаю что-либо понимать.

Это не Линн.

— Ты… — Отпускаю ее горло. — Ты кто?

Она открывает рот, губы у нее подрагивают, как будто она боится, что, если ответит, тут же получит кулаком по лицу.

Где-то вдалеке завывают сирены.

— Я… я Пейдж.

— Кто? — нахмурившись, переспрашиваю я.

— Пожалуйста, не бей меня.

Я наклоняюсь так низко, что капли дождя капают с моего лица на ее лицо, и говорю, делая ударение на каждом слове:

— Ты только что подожгла мой дом.

— Это не я… не я придумала, — запинаясь от страха, бормочет она. — Я не хотела…

— Что ты не хотела?

Пейдж пытается заслониться руками, но я упираюсь коленями ей в плечи.

— Пожалуйста, это все не то, что ты думаешь.

Тяжело дыша, смотрю на свой крепко сжатый кулак; пожарные сирены завывают как будто у нас над головами.

Неужели я ее ударю? Она ведь совсем беспомощная.

Кто-то кричит:

— Держите ее!

И прежде чем я успеваю мысленно ответить для себя на этот вопрос, меня хватают, заламывают руки и поднимают так, что я ногами «кручу педали» в воздухе. Потом ставят на землю, и я оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, что происходит. Пейдж на карачках, словно паук, быстро отползает подальше, а между нами вырастает стена из четверых мужчин.

И это не какие-то незнакомцы, я встречала их прежде.

— Сэм?

Крайний справа — Сэм Гастингс, мой заклятый враг по «Рекерс армс».

Одет во все черное, как и его подручные.

— Ты сейчас должна быть в Лондоне, — говорит

он, а сам пыхтит, как паровоз.

— О чем ты вообще?

Сэм с вызовом вскидывает голову:

— В доме никого не должно было быть. Мы не думали, что ты там.

Я смотрю на него и вспоминаю слова Пейдж: «Это не я придумала».

И тут меня снова охватывает дикое желание врезать кому-нибудь по морде.

— Вы… ты хотел убить меня.

Сэм поднимает руки, как будто сдается полицейским.

— Эй, нет, все не так. Мы думали, что ты уже в поезде, что ты возвращаешься в Лондон. Ты сама сказала, что сядешь на тот поезд.

Я в полном замешательстве трясу головой.

— Поезд отменили. Его отменили, и я могла сгореть заживо там, в доме.

Смотрю за спину Сэма и встречаюсь взглядом с отступившей в переулок Пейдж. Злость закипает с новой силой, и я, не отдавая отчета в своих действиях, снова бросаюсь на нее и, понятное дело, натыкаюсь на стену из крепких мужских рук.

— Сэм, останови ее!

— Этот гребаный дом…

— Назад!

— Мы не знали, что ты там…

— Пустите меня…

— Остынь уже!

— Не смейте… Руки уберите…

— Твой отец еще как руки распускал.

Тишина. Я перестаю пробиваться через эту живую стену из крепких мужских рук.

Пейдж смотрит на меня. В этот момент она как будто превращается в маленькую девочку… И лицо у нее белое как мел.

Сэм и его приятели с некоторой опаской расходятся в стороны, а я трясущейся рукой провожу по мокрым волосам.

— Прости… что?

Пейдж шмыгает носом и нервно теребит пальцы.

— Твой отец… он бил меня.

Я делаю шаг вперед, все четверо мужчин заметно напрягаются.

— Мать твою, о чем ты вообще говоришь?

Пейдж хочет ответить, но не может, она начинает плакать, да так, что аж слюной захлебывается.

— Пейдж — моя младшая сестренка, — говорит Сэм. — Она училась в школе твоего папаши. И твой папаша частенько ее поколачивал, крепко так поколачивал.

Я медленно поворачиваюсь в его сторону:

— Быть такого не может.

Сэм прицельно смотрит мне в глаза:

— Это правда.

— Подожди, нет… — Я смотрю себе под ноги. — Мой отец, он был тем еще… то есть… поверь, я ненавидела этого старого подонка… но он бил только… то есть он не мог…

И пока я все это говорю, мои слова вязнут во рту, как какая-то фальшивая жвачка.

— Честное слово, — умоляющим голосом взывает ко мне Пейдж. — Я не вру. Я бы не стала придумывать такое.

На ее голос накладывается шум заработавших пожарных шлангов, а я думаю о сгоревшем дотла отцовском кабинете.

— Но… если он бил детей в школе… об этом бы стало известно… Об этом бы все в городе узнали.

— Твой папаша не бил детей, — говорит Сэм, и я вижу, что это дорого ему стоит. — Он бил только мою сестру.

Смотрю ему в глаза, и тут у меня в подсознании всплывают обрывки сделанных накануне под воздействием шетландского виски откровений.

Гарольд Беккет хотел сына. Он хотел мальчика.

А девочки, девочки хороши только для битья.

Пейдж безвольно опускает руки и признается:

— Он говорил, что я из плохой, из бедной семьи. Говорил, что может делать со мной все, что захочет, и моим родителям будет все равно… Ну и он был прав…

Я смотрю на Пейдж, потом на ее брата, и у меня такое чувство, будто голова наполнилась гелием и вот-вот оторвется от шеи. Мне-то всегда казалось, что, кроме меня, никого не было, что я была единственным грязным секретом отца. Но этот город превратил Гарольда Райана в полубога и так сделал его неприкасаемым.

Отец выступал в роли судьи и присяжных Хэвипорта в одном флаконе, он судил семьи других, а его семья тем временем давно прогнила насквозь.

— Он всегда бил меня одним и тем же ремнем, — продолжает Пейдж, и ее голос от волнения становится совсем тоненьким. — Ремнем с пряжкой. С тяжелой такой пряжкой, на ней еще была гравировка. Выпуклая такая — якорь, такой же, как на гербе школы.

Якорь.

Резко поворачиваюсь к Пейдж:

— Что ты сказала?

— На пряжке был… якорь, — запинаясь, отвечает Пейдж, и ее глаза наполняются слезами. — Он бил меня этой пряжкой.

Такое чувство, будто меня в грудь ударили, да так, что ребра затрещали. Поворачиваюсь ко всем спиной, прижимаю кулак к груди, а в голове мелькают картинки:

Якорь, увитый канатом, зеленый и мокрый.

Якорь на школьном, вытравленном на арке гербе.

ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ ДЛЯ ВСЕХ.

— О… господи…

Надо мной покачивается черный кожаный ремень, как маятник в напольных часах.

Символ надежды.

Мне восемь лет, я, совершенно беспомощная, стою на четвереньках в отцовском кабинете. Смотрю на свои ладони с широко расставленными пальцами, жду, когда это закончится. Но шлепки и выворачивание кистей — это не самое худшее. Это всего лишь то, что сохранилось у меня в памяти.

А ремень был его гранд-финалом.

Вчера Бабуля на пирсе не пыталась предсказать мое будущее, она показывала мне мое прошлое. Черный, вывалившийся из ее рта язык — это

ремень, который вытягивают из петель.

Вот чего ты заслуживаешь, мелкая паршивка.

– Беккет?

Заставляю себя поднять голову, но при этом одной рукой держусь за живот.

Пейдж стоит прямо передо мной и хмурится:

— Ты в порядке?

Стискиваю зубы, тяжело сглатываю и только после этого отвечаю:

— Ух… да. Я в порядке.

Пейдж проводит запястьем по покрасневшим от слез глазам.

— Мы правда не хотели, чтобы ты пострадала. Мы думали, ты уехала.

— Все хорошо… я тебе верю…

— А тогда ей никто не верил, — перебивает меня Сэм, сверкая от злости глазами. — Сестра пыталась рассказать учителям, но они от нее отмахивались, говорили, что она все выдумывает или, даже хуже, специально наговаривает на хорошего человека.

Ну еще бы, конечно, учителя ее не слушали, она ведь была робкой девочкой из проблемной семьи. Мой отец выбрал ее, потому что за ней никто не присматривал, такой была его тактика.

Пейдж сутулится и вся дрожит. Господи, какая

же она маленькая. Представляю, какой беззащитной она была в детстве.

— А потом я перестала, — тихо говорит Пейдж.

Ее брат ощеривается на меня.

— То, что твой папаша с ней делал, — говорит он, — это ее сломало, и после такого она так и не оправилась.

Я вижу, как у него подрагивают пальцы, кажется, он сам весь вибрирует от нервного напряжения. Его слова звенят у меня в ушах.

Она так и не оправилась.

– А теперь… — Пейдж взмахом руки указывает в направлении Умбра-лейн. — Теперь они хотят сделать из его дома приют для детей. Это неправильно, потому что он делал детям больно. Я знаю, что не была у него первой, знаю, потому что он сам мне сказал. Он сказал, что была другая девочка, но она уехала и поэтому… он выбрал меня.

Я внимательно рассматриваю лицо Пейдж, линию подбородка, тоненькие морщинки в уголках глаз. На вид она примерно моего возраста, так что не поступила бы в среднюю школу Хэвипорта до того, как меня отправили в школу-интернат. И без меня отцу понадобилась замена — легкая жертва, девочка для битья, которая будет все

безропотно терпеть.

— Мне жаль, Пейдж. Правда жаль.

Она судорожно передергивает плечами:

— Ты не виновата.

Да нет, Пейдж, в том, что случилось с тобой, частично виновата и я, ведь ты послужила для отца моей заменой.

– Он твой отец, но это же не значит, что мы теперь должны на тебя злиться, верно? — говорит Пейдж и, глядя на брата, повторяет: — Верно же?

Сэм скрещивает руки на груди и переступает с ноги на ногу. На меня старается не смотреть. Похоже, причиной наших с ним стычек в баре все-таки были не только какие-то его гомофобные наскоки.

— Ага, — неохотно признает Сэм. — Как скажешь.

С очередным порывом ветра с моросящим дождем понимаю, что вся продрогла, обхватываю себя руками и натыкаюсь на мокрый локоть. Смотрю на пальцы — они в крови. Вспоминаю, что ободрала локоть об асфальт, когда налетела на Пейдж и повалила ее на землю. От вида крови на пальцах комок подкатывает к горлу.

Вспоминаю, как нависала над Пейдж, испытывая какую-то животную потребность ударить

ее, причинить ей боль… Те же дикие эмоции накатили на меня в «Рекерс» на прошлой неделе. То есть не один раз. Да, мой отец был абьюзером, но, кроме этого, он еще умудрился проникнуть внутрь меня и поселился во мне, как раковая опухоль в здоровом организме.

Может, не стоит тратить силы на то, чтобы вытравить его из своих воспоминаний, может, лучше сосредоточиться на том, чтобы ему не уподобиться?

— Мне надо идти, — бормочу я и отступаю от Пейдж и Сэма с приятелями.

Пейдж протягивает руку, как будто пытается меня удержать.

— Прости, что так тебя напугала. — По ее бледному лицу вижу, что она искренне мне сочувствует, а потом она как будто сама чего-то пугается. — Подожди, ты расскажешь пожарным?

— Нет… не расскажу. Даже не волнуйся из-за этого. Я ведь, в общем, я чувствую… — Мельком смотрю на Сэма и заканчиваю: — моя семья вроде как у тебя в долгу.

Пейдж слабо улыбается:

— Спасибо.

Я разворачиваюсь и в одиночестве иду обратно

к Чарнел-хаусу. Колени дрожат, зубы клацают от холода, в голове один вопрос: «С чем столкнусь, когда снова переступлю порог этого дома?»

По мере того как приближаюсь к Умбра-лейн, на меня из предрассветного тумана надвигается дом.

Пожар потушен, парадные двери широко распахнуты. В углу здания, там, где отцовский кабинет, зияет, словно огнестрельная рана в боку зверя, черная дыра. Там, где языки огня тянулись под углом по кирпичной стене к крыше, остались черные следы, которые теперь похожи на черную хитроватую улыбочку, с которой дом приветствует мое возвращение.

Ко мне направляется крепкий, симпатичный пожарный с зажатым под мышкой шлемом. Сигнальные огни пожарных машин у него за спиной заливают пространство вокруг бледным голубым светом.

— Привет, — говорит пожарный. — Вы — Бекет Райан?

Откидываю мокрую челку со лба.

— Да, я.

— А мы тут понять не можем, куда вы подевались, — слегка хмурясь, признается пожарный.

Я оглядываюсь через плечо, как будто меня на

чем-то подловили.

— О… а, ну да. Простите. Я просто… — показываю на Чарнел-хаус. — Это дом моего детства, невыносимо было стоять тут и смотреть, как он горит.

Пожарный сочувственно кивает:

— Да-да, конечно, понимаю. — Потом обращается к своей коллеге: — Софи, принеси одеяло, хорошо? — Софи показывает ему большой палец, и он снова обращается ко мне: — Слушайте, пожар потушен, ситуация под контролем. Наибольший ущерб нанесен первому этажу. Обстановка в кабинете уничтожена, но точно могу вам сказать — все ваши вещи от пожара не пострадали, разве только дымом пропахли… Причем надолго, если не навсегда.

Я поглубже засовываю руки в карманы.

— В общем, по итогу, — смягчая тон, продолжает пожарный, — дом вполне себе сохранился. Понимаю, вам нелегко, но, поверьте, все могло быть гораздо хуже.

Смотрю на дом, на его бдительные окна и черную ухмылку, и где-то в душе даже хочу, чтобы все было хуже. Гораздо хуже.

— Вы правы. Спасибо.

Пожарный вздыхает и перекладывает шлем

под другую руку.

— Вам есть куда пойти?

Я смотрю вниз по улице. Не знаю, который точно час, но утро определенно на подходе. Можно пойти на пляж и встретить восход.

— Да, есть такое место.

Пожарный кивает, потом быстро так оглядывает меня с головы до ног, и тут я понимаю, что, возможно, у меня лифчик просвечивает через мокрую футболку.

— Слушайте, — пожарный откашливается, — если вы тут немного задержитесь, мы быстро убедимся, что все в порядке, а потом проводим вас в дом и вы сможете переодеться в сухое, взять телефон, ну и все, что посчитаете нужным.

— Да, это было бы здорово, спасибо.

Появляется его коллега Софи с одеялом из фольги, из тех, что обычно раздают на финише марафонцам.

— Вот, Эд, держи.

Она передает одеяло Эду, а вместе с ним еще и какую-то почерневшую полоску ткани, и при этом что-то шепчет ему на ухо.

— Спасибо, Софи. — Эд укутывает меня в одеяло и добавляет, обращаясь к коллеге: — Сейчас подойду.

Софи, уходя от нас, слабо мне улыбается и достает из кармана телефон.

Эд покачивает на руке в перчатке полоску ткани, как будто ее взвешивает.

— Э-э… Мисс Райан, в нашем городе есть кто-то, кто мог бы желать вам зла?

Ну, всего-то около восьми тысяч человек.

— Не знаю, вряд ли, никто на ум не приходит, — небрежно, насколько могу, отвечаю я и укутываюсь в похрустывающее одеяло из фольги.

Эд на протянутой перед собой руке демонстрирует болтающуюся полоску темной ткани.

— Это было найдено в вашем доме всего в нескольких футах от разбитого эркерного окна.

С задумчивым видом выпячиваю нижнюю губу:

— Не понимаю.

— Вы слышали о коктейле Молотова? Знаете, что это такое?

Неуверенно киваю в ответ, а сама смотрю на Софи, которая отошла к воротам и теперь говорит с кем-то по телефону.

Улавливаю только одно слово — «констебль».

— Если это то, о чем я думаю, — продолжает Эд, слегка понизив голос, — получается, кто-то хотел

вам навредить. Вы уверены, что среди местных нет никого, кто, скажем, затаил на вас обиду?

Сейчас Пейдж, Сэм и его доморощенная банда уже наверняка отступили далеко от Умбра-лейн и находятся на пути домой. Вспоминаю лицо Пейдж. Сколько же боли и обиды скопилось в ней за все эти годы. Вряд ли она сможет так просто стряхнуть с себя этот груз.

А что касается моего отца, то мы с ней очень даже похожи.

— Навряд ли, — отвечаю я Эду, гадая, читает ли он «Вестник Хэвипорта». — Я ведь вернулась сюда всего пару недель назад.

Эд шумно выдыхает и сует черную тряпку в карман штанов.

— Ну хорошо, если что припомните, дайте знать, договорились?

— Конечно, — вру я, наслаждаясь теплом, что дарит одеяло из похрустывающей фольги. — Обязательно.

Полчаса спустя дом объявлен безопасным, и Эд провожает меня по садовой дорожке к открытой парадной двери. На пороге я нерешительно останавливаюсь, вдыхаю запах жженой древесины и, слегка пошатнувшись, хватаюсь рукой за косяк.

Огонь превратил коридор в какую-то злове-

щего вида дыру с неровными, как ствол дерева, стенами. Добрался он и до антикварной люстры родителей, и когда я на секунду поднимаю голову, вижу не люстру, а свисающего с потолка жуткого паука с расставленными лапами.

— Мисс Райан?

Огонь бушует под потолком, языки пламени превращаются в раскаленные докрасна щупальца. В дальнем углу, съежившись, сидит моя воображаемая подруга. Она поворачивается ко мне, рот ее открыт, глаза как две черные пещеры.

— С вами все в порядке, мисс Райан?

— А? Что?

Эд появляется в поле моего зрения. Он хмурится и смотрит внутрь дома.

— Если хотите, могу подняться за вашими вещами, а вы тут постоите.

Вдыхаю воздух сквозь зубы.

— О… Нет, я в порядке. Все нормально.

Захожу в дом, медленно иду к лестнице, а дом скрипит и стонет у меня под ногами (уверена, что громче, чем раньше).

Эд остается ждать меня внизу, а я поднимаюсь на лестничную площадку. Поднимаясь, стараюсь не касаться закопченных перил. Наверху,

к собственному удивлению, обнаруживаю, что верхняя половина дома практически не изменилась, только все пропахло дымом и на полу какие-то странные подпалины. Если бы я, до того как сюда поднялась, не прошла через этот ад кромешный, никогда бы не догадалась, что в доме был пожар.

У себя в комнате сразу направляюсь к чемодану и переодеваюсь в сухую одежду; все время поглядываю на мобильный на прикроватном столике. Знаю, что должна его включить, но пока еще не готова иметь дело с потоком сообщений от Линн.

По одному бедствию за раз. На сегодня с меня хватит пожара.

Убираю телефон и ноутбук в сумку и выхожу из комнаты, а когда прохожу мимо родительской спальни, что-то в их комнате привлекает мое внимание. Останавливаюсь. На стуле, как это было в день моего приезда и все последующие за ним, на спинке стула висит отцовский ремень.

Он всегда бил меня одним и тем же ремнем.

Мельком смотрю вниз на ожидающего меня Эда.

Замечаю, что у этого красавца имеется небольшая лысина. С виду он чувствует себя там вполне

комфортно, поэтому тихо прохожу в родительскую спальню и подхожу к стулу.

Сердце тяжело грохочет в груди. А когда становится отчетливо видна гравировка на пряжке — величественные изгибы якоря, ребристые витки каната, — вдруг понимаю, что мне нечем дышать.

Раньше я не была в этом уверена, но теперь точно знаю, что меня били именно этим ремнем. И били не раз или два.

Чуть ли не до крови прикусив язык, беру ремень, как будто это ядовитая змея, а пряжка — ее голова. Отстегнув пряжку, под влиянием момента убираю ее в карман, а сам ремень зашвыриваю через комнату на кровать. Ремень сползает с кровати на пол и сворачивается в кольцо.

В последний раз оглядываю комнату: так далеко внутрь после первой ночи в доме я не заходила. Мне здесь все еще жутковато, как будто со смертью матери время в этих четырех стенах остановилось, и я прокралась сюда непрошеной гостьей через мембрану, разделяющую прошлое и настоящее.

Мамины тапочки по-прежнему под туалетным столиком с зеркалом, один лежит на боку. Покрывала сбились вокруг оставшегося после ее тела

отпечатка. На столике аккуратно разложены ее украшения и безделушки: деревянная шкатулка с крышкой с цветочным орнаментом, сникшая орхидея и два-три тюбика с кремом для рук и для лица. Здесь же рядом со стеклянным пузырьком духов лежит фотография отца.

Сердце сбивается с ритма, мурашки бегут по коже. Даже после просмотра любительского видео у Надии дома мне очень непривычно снова после стольких лет видеть его лицо. Как долго лежит здесь это фото? Так проводила мама свои последние дни? Сидела за туалетным столиком и рассматривала старые фотографии? Цеплялась за отцовский призрак?

Часть меня хочет развернуться и бежать из этой комнаты, уехать и больше никогда не возвращаться. Но другая моя часть хочет поближе рассмотреть фото отца, посмотреть ему прямо в глаза.

Снизу долетают приглушенные голоса пожарных. Прижимая сумку к боку, пересекаю комнату, с опаской, как будто могу получить удар током, беру фотографию. От собственного дыхания закладывает уши. Отец выглядит молодо. Здесь ему чуть за сорок, он гладко выбрит и вообще красивый, а судя по стене из красного кирпича и

игровому полю, на фоне которых сделан снимок, легко догадаться, что дело было в средней школе Хэвипорта. Он смотрит куда-то вдаль, возможно на группу своих любимых учеников. Вид у него счастливый и умиротворенный, а улыбка в точности как та, которую я видела на большом экране в домашнем кинотеатре у Надии, и, что хуже всего, она искренняя.

Я убедила себя в том, что жители Хэвипорта обманывались насчет моего отца и обожали его просто потому, что не знали по-настоящему. Но эта фотография рассказывает мне совсем другую историю. За стенами этого дома Гарри Райан, этот Бобби Дэззла, был таким же реальным, как и человек, который избивал свою дочь.

Меня накрывает волна печали. Не хватало только разреветься… Но тут я ощущаю в кармане тяжесть пряжки, вспоминаю Пейдж, и печаль как рукой снимает.

Роняю фотографию на стол и, когда уже собираюсь развернуться и уйти, замечаю вторую фотографию. Это групповая, так сказать семейный портрет.

Родители стоят в саду Чарнел-хауса на фоне увитой плющом стены, рядом с ними стою я, тут мне лет семь-восемь… а рядом со мной — Линн.

У меня замирает сердце.

Выходит, она все это время говорила правду. Ее рассказы о школе, о нашей дружбе — это все не какие-то выдумки. Все было по-настоящему, и это совместное фото — тому доказательство. Мы стоим, держась за руки, и щуримся на солнце. У Линн улыбка милая, с ямочками на щечках, а у меня какая-то кривоватая.

Вспоминаю свое последнее сообщение, и меня всю передергивает.

Возвращаюсь в Лондон. Больше никогда мне не звони и не пиши.

О Линн.

Не следовало мне ничего предпринимать у тебя за спиной. Не следовало встречаться с твоим мерзким папашей и тем более верить его словам. Он завел меня, я потеряла самообладание и поверила ему на слово, это было глупо. Папаша Линн в ту пору, когда мы были детьми, скорее всего, не просыхал большую часть дня, так что, даже если я и приходила играть в дом к Уайлдингам, сомневаюсь, что он мог вспомнить меня спустя почти тридцать лет.

Линн — одна из очень немногих, кто был добр ко мне в эти дни в Хэвипорте, а я по отношению к ней вела себя просто ужасно, в то время как она

хотела только одного — быть моим другом.

— Мисс Райан? Вы там как? Все в порядке?

Это, судя по голосу, спрашивает Эд, ожидающий меня внизу у лестницы.

Я кладу групповую фотографию на фото отца и отвечаю, оглянувшись через плечо:

— Все хорошо, уже спускаюсь.

Снова смотрю на милое веснушчатое личико Линн, на наши с ней сцепленные пальчики, и у меня сжимается сердце.

До отъезда из города надо обязательно все с ней уладить. Как-то все объяснить. Это меньшее, что я могу для нее сделать.

28

Чистый оранжевый свет льется в окна кафе «На берегу», нагревает столешницы из ламината и поблескивает на хромированных каркасах стульев. Океан за окнами необычно гладкий и безмятежный, лишь изредка можно увидеть всплеск от пикирующей в воду чайки.

— Рановато ты встала, — удивленно приподняв брови, замечает Джульет, а сама раскладывает на поддоне кофемашины разные приборы из нержавеющей стали.

Сейчас семь сорок пять утра, и если не считать

персонал, кроме меня, в кафе ни души.

— Слишком рано, — соглашаюсь я и, подавив зевок, достаю из сумки кошелек.

— Флэт уайт? — спрашивает Джульет.

— Да… Да, двойной навынос, пожалуйста, с овсяным молоком.

Джульет начинает готовить мне кофе, я кладу на стойку пятифунтовую банкноту, но она машет рукой:

— О нет, убери. Первый кофе мы всегда подаем бесплатно. Политика заведения.

— Что, правда?

Джульет широко улыбается:

— Ага.

Я в этом почему-то сомневаюсь, но благодарна за этот жест и поэтому протягиваю руку к банке для чаевых.

— Принимаю бесплатный кофе, но оставлю чаевые за улыбку.

И опускаю в банку пять фунтов.

Джульет молча кивает.

— Беккет! — окликает меня со спины доброжелательный женский голос с легким акцентом.

Обернувшись, вижу баронессу, а она как-то слишком уж пристально на меня смотрит.

— О… привет, Надия.

— У вас все хорошо? — спрашивает Надия, и, судя по тону, ее это действительно волнует.

То есть она уже в курсе.

— Я слышала о пожаре, — говорит Надия и подходит на шаг ближе.

В то же время я слышу, что Джульет делает паузу в работе, чтобы в свою очередь услышать, о чем мы говорим.

— Это ужасно. Слава богу, вы не пострадали. Что, по-вашему, могло стать причиной возгорания?

Я пожимаю плечами:

— Ну, из-за чего порой загораются старые дома? В общем, такое случается.

Надия прищуривается, не отрывая от меня глаз.

— Мне сказали, что пожарные подозревают поджог.

Беру свой кофе, отпиваю глоточек с пеной, а сама внимательно смотрю поверх бумажного стаканчика на Надию.

Да, она в курсе многих секретов Хэвипорта, но что касается абьюзивного поведения моего отца, тут она, как и все в Хэвипорте, просто слепой котенок.

— Держу пари — причина в неисправной

проводке или что-то вроде того, — беспечно предполагаю я, чтобы снизить градус ее озабоченности.

Если Надия возьмет след, который приведет ее к Сэму Гастингсу, то узнает о том, что мой отец делал с Пейдж, и тогда может отказаться от покупки дома.

— Что ж, полагаю, такое возможно, — отвечает Надия, рассеянно так, как будто прокручивает в голове другие сценарии, потом выдерживает паузу и, глядя мне в глаза, продолжает: — Слышала, вчера у вас была еще одна стычка в «Рекерс», и, знаете, я начинаю беспокоиться за вашу безопасность.

— Вообще-то, раз уж вы об этом упомянули… — Тут я приглаживаю волосы на затылке. — Я знаю, мы заключили соглашение, но, думаю, пора мне вернуться в Лондон. Мое присутствие в Хэвипорте для многих хуже чесотки. Да и пожарный сказал, что могут пройти недели, прежде чем дом моих родителей снова станет пригодным для нормального в нем обитания.

Надия делает неопределенный взмах рукой в сторону окна.

— Вы всегда можете остановиться в Анкорапарке.

— О, я… не хочу обременять своим присутствием…

Надия улыбается:

— Ерунда, уверена, вы меня не стесните.

Закусив нижнюю губу, смотрю себе под ноги.

Да, погостить у Надии было бы очень даже неплохо, вот только у нее в доме на каждом углу якоря.

— Я бы придержала ваше приглашение на потом, если вы, конечно, не против, — говорю я и беру стаканчик с кофе двумя руками. — Лондон зовет.

Надия, поджав губы, кивает.

— Понимаю.

Мы смотрим друг другу в глаза, я начинаю нервничать, такое ощущение, что еще секунда, и у меня выбьют почву из-под ног.

— Послушайте, Надия. — Я понижаю голос. — Чарнел-хаус… Пожар, все прочее, мой отъезд… Вы еще планируете…

— О, насчет этого даже не беспокойтесь, — уверенно говорит Надия. — Пожар — это всего лишь небольшая заминка. Он нас притормозит, но не остановит. — Она глубоко вздыхает. — И, Беккет, я понимаю. Понимаю, почему вы решили уехать. Знаю и ценю, что вы пытались сделать, несмотря

на то что не все в нашем городе встретили вас с распростертыми объятиями.

— Мне жаль, если я вас разочаровала.

Надия тихо смеется:

— Вы меня вовсе не разочаровали. Начнем с того, что Линн Уайлдинг, похоже, очень к вам привязана.

Когда Надия упоминает имя Линн, у меня сжимается сердце, и я вспоминаю о своем телефоне в сумке. Он все еще выключен и накапливает непрочитанные сообщения.

Прогоняю эти мысли прочь.

— Знаете, думается мне, что Джульет тоже очень даже по-дружески ко мне относится.

Оглядываю зал и вспоминаю, как Джульет выступила против мужа в мою защиту. А она тем временем стоит с посетителем возле окна в дальней от нас стороне зала и любуется рассветом.

— Ах да, — соглашается Надия, — у нее золотое сердце. Муж у нее, правда, человек… сложный.

Мы какое-то время обе смотрим на Джульет. Солнце восходит, и кафе наполняется его светом.

— Этой ночью был такой шторм, просто ад кромешный, — говорит Надия, глядя на море. — По всему побережью оползни, и на дорогах тоже та еще ситуация. А теперь смотрите — тишь и

благодать.

Джульет возвращается к кассе и машет нам рукой.

Надия машет ей в ответ и обращается ко мне:

— Что ж, солнце встало, пора двигаться дальше. Бон вояж, дорогая.

Она раскрывает мне свои объятия, и мы обнимаемся, но не формально, а как близкие друзья. В этот момент я понимаю, что меня уже очень давно вот так по-настоящему никто не обнимал.

Даже комок подкатывает к горлу.

— Спасибо… — Голос у меня срывается, но я все-таки договариваю: — Спасибо вам за все.

— А вы звоните, как вернетесь в Лондон. — Надия достает из сумки кошелек и подходит к барной стойке. — Поверьте, я с огромным удовольствием поделюсь с вами своими планами по поводу приюта.

— Обязательно позвоню.

— И мое приглашение в силе, — говорит Надия, когда я уже направляюсь к выходу со стаканчиком кофе в руке. — Mi casa, et cetera…

Утро выдалось прекрасное, насколько это может предложить ноябрь: воздух чистый и бодрящий, льдисто-голубое небо без единого облачка. После ночной грозы город напоминает

когда-то захламленную квартиру, которую теперь не просто идеально вычистили, так еще и жильцов выселили.

Дойдя до конца променада, поправляю шарф. Да, холодновато, но я решительно настроилась хотя бы час, лучше больше, сидеть на свежем воздухе и писать. Усталость не способствует продуктивной работе мозга, но мне есть что сказать — и это будет нечто новое, — поэтому ветер и холод станут для меня хорошим подспорьем.

Минут десять иду вдоль пляжа и наконец нахожу подходящее местечко — песчаный холм в окружении больших, поросших водорослями камней. Усаживаюсь, открываю ноут и, пока он загружается, беру телефон.

Мысленно готовлюсь к потоку сообщений, но их нет.

Встаю, размахиваю телефоном в воздухе и в награду получаю одинокий сигнал о сообщении.

Линн: Беккет, прости. Не знаю, что сделала, но прошу прощения.

Тру глаза, из горла вырывается сдавленный стон. Если бы она сорвалась, если бы засыпала меня сотней истеричных, полных отчаяния сообщений, это могло бы хоть как-то облегчить мое чувство вины. Но она этого не сделала. На-

писала всего два полных раскаяния и смирения предложения.

Чувствую себя ростом с букашку.

Мой макбук оживает.

Скривившись, смотрю то на его экран, то на телефон. Я все исправлю и очень скоро, но не с помощью текстового сообщения. Надо пойти и повидаться с ней, но только не сейчас. Сейчас она точно идет на работу.

Пойду к ней ближе к вечеру. Так ведь поступают люди в маленьких городках? Заскакивают на чашечку чая. Поговорим лично, все проясним, чтобы не осталось недомолвок.

Собираюсь отключить телефон и тут замечаю сообщение в чате с Зейди, как раз под чатом с Линн.

Да, Зейд я тоже задолжала разговор. Надо рассказать ей о пожаре, это понятно, и о Пейдж Гастингс, но я, похоже, уже пару недель вообще не интересовалась, как у нее дела. Замкнулась на своей личной драме, этот город и здешние люди просто зашорили меня.

Набираю:

Поезда снова ходят. Вернусь поздно вечером. Свободна завтра? Наверстаем упущенное. х

Зейд сейчас тоже в пути на работу, естественно,

с наушниками в ушах, где-то на Центральной линии, вся поглощена мыслями об очередном судебном разбирательстве.

Пробую представить их с Линн встречу. Они ведь могут однажды встретиться? И улыбаюсь. Да уж, парочку настолько разных персонажей чертовски трудно сыскать.

Возвращаюсь к своему ноуту, скролю последние документы и открываю файл «Хэвипорт 2023».

Начинаю набирать текст: «Сегодня рано утром для меня кое-что открылось. Секрет маленькой девочки, который она похоронила глубоко под фундаментами домов родного города, похоронила, потому что знала: никто ей не поверит. Этот секрет перевернул мне душу, потому что я храню такой же и пришло время со всем разобраться и посмотреть правде в глаза. Это правда о человеке, который для большинства людей был маяком, символом надежды, а для меня был самым настоящим монстром, который ничего не знает о твоем мире, но при этом тоже в нем живет…»

Пишу с сумасшедшей скоростью, ни на секунду не останавливаюсь. Впервые пишу об отце-абьюзере, о том, как моя детская одержимость воображаемой подругой стала катализатором его жестокости. О том, что эта его жестокость стала

причиной того, что мы так никогда с ним и не сблизились. Причиной того, что я все эти годы была поглощена черной, мутирующей ненавистью к отцу. И причиной того, почему я не смогла заставить себя навестить его… даже на смертном одре.

Да, не обязательно быть дипломированным психологом, чтобы понять, почему у меня сохранилось так мало воспоминаний о первых девяти годах моей жизни. Я отвергала эту часть себя, так замазывают штукатуркой отсыревшие и разрушающиеся стены в старом доме. Но дело в том, что я была ребенком. Откуда у ребенка селективное сознание? Вот поэтому мой мозг стер из памяти почти все воспоминания о школе Хэвипорта, о моей жизни дома, о дружбе с Линн. И даже сейчас я не уверена в том, что эти воспоминания могут вернуться.

И еще — мама.

Она знала, что отец бил меня? Наверняка знала.

То есть знала и не вмешивалась.

Даже не пыталась его остановить.

И единственная причина, почему он наконец перестал надо мной измываться, — это то, что они вышвырнули меня из дома, вычеркнули из

своей жизни.

Да, я оказалась в безопасности, но только лишь потому, что меня отправили за сотни миль от родительского дома в какой-то там интернат.

Пишу о раздвоении личности отца. О пугающей разнице между человеком, которого знали и любили в Хэвипорте, и тем, который бросался на меня с кулаками за закрытыми дверями своего дома.

Получается, что ему, для того чтобы предстать перед всем остальным миром в образе цивилизованного и даже любимого горожанами человека, было необходимо измываться надо мной и над Пейдж.

И чем сильнее он нас бил, тем мягче мог относиться ко всем остальным в своей жизни вне дома.

Пишу все это и даже не замечаю, как проходят четыре часа.

Беккет: Говард, я написала еще кучу всего. Прикрепляю к имейлу. Кстати, доброе утро.

Говард: О боги, женщина, ты просто огонь.

От такого сравнения меня, конечно, корежит. Надо бы ему обо всем написать. Но нет, он только задергается, а мне это ни к чему.

Беккет: Материал пикантный. Готовься.

Говард: Готов!

Беккет: Честно, тут тема взрывоопасная. Я об этом никому не рассказывала. Это только между нами, ок? Не для общего потребления.

Говард: Конечно.

Набираю полную грудь соленого морского воздуха и кликаю в имейл «отправить».

Беккет: К другим новостям. Возвращаюсь в Лондон. Решила — больше не могу жить без преступлений с применением ножа и фермерского сыра. Когда ближайший коктейль? х

Говард: Идея — блеск. Граучо? Ха-ха. х

Захлопываю ноут, убираю его в сумку, встаю и поворачиваюсь в сторону города. Представляю Линн на работе, как она сидит за столом, сортирует документы, затачивает карандаши… ну или еще что-то в этом роде. В половине шестого я к ней зайду. И мы попрощаемся.

29

Линн

Поднимаю ручку смесителя душа вверх, почти до упора, пока вода не становится обжигающе горячей, и кожа сразу розовеет.

Жаль, что нельзя все смыть горячей водой, все ужасное, что я сделала, всех людей, которых

подвела. Хочу начать сначала. Стать другим человеком.

Провожу рукой по двери душевой кабины, оставляя пальцами извилистые следы, и закрываю глаза.

Я просто хотела дружить.

Неужели я о многом прошу?

Телефон говорит, что Беккет прочла мой ответ, но никак на него не среагировала… И она больше никогда мне не напишет. Ведь не напишет? Я так отчаянно хотела стать ее подругой и вот теперь потеряла навсегда. Я…

Стоп.

Что это за звук? Дверной звонок?

Замираю, вцепившись в волосы. Нет, показалось. Ко мне, кроме Кая, никто не приходит, а у него сегодня вечером встреча с приятелем.

Берусь за ручку смесителя и поднимаю ее до упора.

Беккет

Слушаю стихающие трели звонка, а сама грызу ноготь большого пальца. Солнце уже зашло, и холод пробирает до костей.

На звонок никто не отвечает.

Снова тянусь к домофону, но тут дверь открывается, и я вынуждена попятиться назад.

Появляется молодой розовощекий мужчина лет двадцати пяти и удивленно мне улыбается:

— Могу вам чем-то помочь?

Провожу рукой по волосам.

— Даже не знаю. Я приятельница Линн, вашей соседки сверху. Вы же ее знаете? И вот, похоже, ее нет дома.

Мужчина добродушно смеется.

— Линн в душе. Я слышу через потолок. — Он показывает внутрь коридора. — А вы поднимитесь, почему нет? Она дверь обычно не запирает.

«Какая доверчивость, — думаю я, проскальзывая мимо соседа Линн и улыбаясь ему в ответ. — На моем месте мог оказаться кто угодно».

И благодарю, когда он уже идет по садовой дорожке:

— Спасибо.

Мужчина машет рукой:

— Передайте привет от Пита снизу.

Поднявшись, нерешительно стучу в дверь квартиры Линн. Никто не отвечает. Поворачиваю ручку, и дверь открывается, впуская меня в уютное гнездышко Линн. Оглядываю комнату, чувствую себя если не злоумышленницей какой-то, то уж точно незваной гостьей. Как лондонец, я никогда к такому не привыкну.

Вспоминаются слова баронессы: «Уверена, вы не раз слышали о том, что в маленьких городках люди не запирают входные двери. Казалось бы, клише, но здесь в Хэвипорте это действительно так. Или было так до недавнего времени».

Из-за приоткрытой двери в ванную комнату слышен шум воды в душевой кабинке, в щели просачивается пар.

— Линн?

Через секунду шум воды стихает.

— Кто там?

— Линн, это… это Беккет.

Короткая пауза, и голос Линн повышается на октаву.

— Беккет, о господи! Вау! Подожди, я тут вся мокрая. Сейчас выйду. Ты только подожди…

— Все норм, — громко отвечаю я, а сама улыбаюсь. — Не суетись, прими душ, я никуда не денусь.

Слышен скрип босых ног по акрилу.

— Хорошо… хорошо… спасибо… что заскочила. Я быстро. Я быстро.

Переминаясь с ноги на ногу, мысленно произношу небольшую речь, которую готовила в течение всего дня. До этого момента из нас двоих именно у Линн были проблемы с формулированием

мыслей, теперь настала моя очередь запинаться и подыскивать верные слова. Приятного мало, даже чувствую, как плечи напрягаются.

Подхожу к книжной полке Линн, провожу пальцем по корешкам и кричу, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно:

— Пит снизу передает тебе привет.

Слышу сквозь громкий плеск:

— О… О? Пит. Хорошо… спасибо.

— Вроде славный парень.

— Да, он славный! — возбужденно пищит Линн. — Работает в детском зоопарке.

Слышу, как она там плещется, а сама оцениваю взглядом скромный ассортимент романов на ее книжной полке.

«Робинзон Крузо», «Хорошо быть тихоней», «Элеанор Олифант в полном порядке». Все книги об одиночестве.

— Я уже почти все, — кричит из ванной Линн.

А я останавливаюсь на красном корешке довольно толстой книги, причем этот рифленый корешок почему-то кажется мне знакомым. Такое ощущение, что я уже читала именно эту книгу, а потом понимаю, что это вовсе не книга, а толстая тетрадь.

Чей-то дневник.

Апрель 2000 года

– Мама!

Слышу приближающиеся к моей комнате энергичные шаги. Линн, округлив глаза, с тревогой смотрит мимо меня в сторону лестничной площадки.

— Не надо так кричать, Беккет, — говорит мама, появляясь на пороге, и подрагивающими пальцами убирает прядь волос за ухо. — Чего ты хочешь?

— Не могу нигде найти свой дневник.

Мама цокает языком.

— Ты переезжаешь в новую школу и знаешь об этом не первую неделю, так что могла бы серьезнее относиться к сборам своих вещей.

— Я серьезно отношусь к сборам, — сжав кулаки, отвечаю я. — И дневник всегда хранила в одном месте, а теперь его там нет. Так что получается, его кто-то украл.

— Не говори глупости. Кому, ради всего святого, мог понадобиться твой дневник?

Ответа на этот вопрос у меня нет, и поэтому я злюсь еще больше.

Мама показывает на Линн:

— Почему бы тебе не попросить подружку помочь с поисками твоего бесценного дневника?

Я поворачиваюсь к Линн и, сдвинув брови, недовольно констатирую:

— Просила уже, но она чего-то не очень стара-ется.

Линн надувает губы:

— Перестань, я старалась, просто его тут нет, и все.

— Даю две минуты, — говорит мама, выходит из моей комнаты и, громко топая, спускается по лестнице.

Я смотрю на Линн, потом обвожу взглядом комнату, и у меня такое ощущение, будто весь дом качается и скрипит на ветру.

— Мне так грустно, что ты уезжаешь, — говорит Линн и прикусывает нижнюю губу.

— А мне нет, — сквозь зубы отвечаю я. — Этот дом, он плохой. И город этот тоже плохой. Так что и черт с ними.

Линн тяжело сглатывает.

— Но ты ведь еще приедешь? Приедешь, чтобы со мной повидаться?

Я отрицательно мотаю головой:

— Никогда больше сюда не вернусь. Когда вырасту, поеду в Лондон и стану писательницей. И мне все равно, если больше никогда не увижу родителей.

У Линн начинают подрагивать губы.

— А как же я?

— Ты тоже, когда подрастешь, сможешь переехать в Лондон, — небрежно поведя плечами, отвечаю я. — Мы можем жить вместе в большом доме, безо всяких там родителей. И безо всяких мальчишек.

По щеке Линн скатывается слеза, но она пытается улыбнуться.

— И… и мы будем вести дневники, никому их не покажем, только я тебе — мой, а ты мне — свой… И каждый вечер ты сможешь писать в моем, а я в твоем?

Я киваю и протягиваю Линн руку. Обмениваемся рукопожатием.

Тут на пороге снова появляется мама.

Она тычет пальцем в наручные часы и говорит:

— У тебя одна минута. Отец ждет снаружи и машину уже завел. — Смотрит на Линн. — Дорогая, тебе пора, Беккет уезжает.

— А мой дневник? — спрашиваю я.

— О Беккет, хватит уже о нем. — Мама берет меня за руку. — Идем, нечего здесь рассиживаться.

Я выдергиваю руку и самостоятельно спускаюсь по лестнице, оставив маму и Линн позади.

— Если тебе так нужен дневник, — говорит мама, спускаясь следом за мной, — заведи себе еще один, и хватит уже об этом.

Беру толстую тетрадь с книжной полки Линн и взвешиваю ее на руке.

Тяжелая.

ДНЕВНИК Беккет ДИАНЫ РАЙАН.

8–9 ЛЕТ

СЕКРЕТНО!!! НЕ СМОТРЕТЬ!!!

Журчание воды в ванной комнате стихает и превращается в мелкую дробь у меня в голове.

Я не теряла свой дневник.

Его украла Линн.

Давлюсь смехом. Следует ли из-за этого злиться? Да, думаю, его кража была по отношению ко мне предательством. Но это предательство по сути мелочь. Ведь клептомания — обычное дело для ее семьи.

Провожу большим пальцем по твердой рифленой обложке дневника.

Да, это многое объясняет.

Странное поведение Линн в эти последние две недели, как будто ей было что от меня скрывать.

И то ощущение, когда я, стоя на краю обрыва, развеивала пепел родителей. Тогда мне показалось, что у нее есть какой-то секрет, какая-то

тайна, которой она хочет со мной поделиться.

Насколько я знаю Линн — а мне кажется, что я начинаю ее понимать, — она, с тех пор как я приехала в Хэвипорт, терзалась из-за того, что сделала. Возможно, она не могла избавиться от чувства вины с того самого дня, как украла мой дневник.

Мы в прошлую пятницу сидели у нее в комнате, и я тогда еще удивлялась, мол, как странно, что не вела в детстве дневник. А мой дневник, пока я задавалась этим вопросом, был здесь, в этой самой комнате.

Уверена, она из-за этого ночами ворочалась, все не могла заснуть, гадала, как мне в этом признаться, накручивала себя и, если по-взрослому, делала из мухи слона. Неудивительно, что она держалась со мной как-то странно.

— Похитительница дневника, — с улыбкой бормочу я себе под нос, листая свои детские записи. — Смешная ты…

Останавливаюсь на датированной четвергом какого-то октября дате, и у меня перехватывает дыхание.

Верхняя половина страницы — это писала я. Почерк, как у любого девятилетнего ребенка, корявый, но уверенный.

Надеюсь, сегодня смогу хорошо поспать. Очень устала.

Ночью случается всякое плохое. Стараюсь не пугаться, но она очень пугает. Она хочет все время быть тут, рядом со мной.

Надеюсь, смогу сегодня хорошо поспать.

Я помню, каково это было, помню, как не могла заснуть… но сейчас дыхание у меня перехватывает не от этих воспоминаний. Есть здесь что-то лишнее. Под моей записью вторая, написанная и нарисованная явно не мной. Детские каракули, яркие красные чернила.

Сердце подскакивает к горлу.

Это всегда здесь было? Откуда это вообще взялось?

Примитивный рисунок: девочка — ручки-ножки палочки, голова — кружок (понятно, что я) — лежит на кровати, и глаза у нее — две короткие горизонтальные черточки. Над головой взлетают три «z». Вторая девочка с такими же ручками и ножками лежит на полу у меня под кроватью, но у этой глаза не черточки, а крестики.

И внизу страницы всего пять слов:

Сегодня — ночь у нее под кроватью

Переворачиваю дрожащими пальцами страницу и вижу почти такую же запись о следующей но-

чи. Сначала мои, сделанные черными чернилами размышления перед сном, а под ними несколько слов красными чернилами и очередной примитивный рисунок: девочка с глазами-крестиками сидит в шкафу, а я сплю под одеялом.

сегодня — ночь в шкафу

И так страница за страницей.

сегодня я в ее платье

теперь знаю, какая у нее кожа

сегодня всю ночь стою рядом и смотрю, как она спит

сегодня — ночь в одной кровати

У меня от такого волосы на голове шевелятся.

Когда меня отослали в школу-интернат, все мои ночные кошмары резко прекратились. Тогда я, вероятно, решила, что это потому, что наконец избавилась от постоянного присутствия отца в моей жизни и вообще освободилась от Чарнел-хауса с его тенями по углам и скрипучими половицами.

В общем, больше я ее не видела, эту мою внушающую ужас воображаемую подружку, которая была моей точной копией. А вскоре и думать о ней забыла, она ускользнула из моего сознания, как угорь исчезает под камнем на дне реки.

Но есть причина, почему моя воображаемая

подруга исчезла именно в тот день, когда я уехала из Хэвипорта. И причина эта уже не одну неделю была прямо передо мной, как на ладони.

Та жуткая девочка не была порождением моих детских фантазий. Это была Линн.

30

Линн

Быстро обтираюсь полотенцем. Сердце учащенно колотится в груди. Я так взволнована, что готова запеть во все горло.

Беккет, насколько я могу судить по ее голосу, не злится. Ее голос, он… нормальный, такой, будто мы можем все уладить. Как будто, несмотря на все то, что я сделала, мы сможем это исправить.

— Я так рада, что ты пришла, — говорю я, выходя из ванной. — И знаешь, что бы я там ни натворила, я сожалею. И я смогу загладить вину. Смогу…

Беккет смотрит прямо на меня. Глаза у нее огромные, лицо бледное.

— Беккет? Что…

Я опускаю взгляд. Она держит в руке украденный мной дневник, и открыт он на странице, которую я сразу узнаю. Двадцать восьмое октября, рядом с Бек на кровати спит другая девочка.

У меня сводит челюсти.

Она знает.

Беккет

— Как ты могла? — тихим, сдавленным голосом спрашиваю я.

Линн сглатывает и прижимает к груди сжатое в кулаке полотенце. Лицо у нее еще розовое после горячего душа.

— Все это время… — Слова даются с трудом, но я продолжаю: — Это была ты?

Она протягивает ко мне руку:

— Да… это была я. Но…

Леденящий ужас проникает мне в самое нутро. Хватаюсь свободной рукой за живот и представляю, как Линн часами стояла надо мной в темноте в этом старом, вечно стонущем доме. Стояла и просто на меня смотрела.

Наверняка в детстве я, увидев эти сделанные красной ручкой записи и рисунки в своем дневнике, решила, что это все мой двойник. Представляла, как та злая девочка в предрассветные часы торопливо делает пометки в моем дневнике. Господи, наверняка я была в ужасе от этой картинки.

— Сегодня я пришла сюда… — Голос срывается от нахлынувших эмоций, но у меня получается

взять себя в руки. — Я пришла извиниться. Извиниться за то, что оттолкнула тебя, за то, что не доверяла тебе, но теперь…

— Беккет, прошу, я понимаю, как это выглядит, то есть это плохо выглядит…

— Плохо? — Я трясу перед ней дневником, и его страницы громко шуршат, словно пожухлые листья на ветру. — Ты хоть понимаешь, насколько это все ненормально?

Линн прижимает к глазам ладони и тоненько всхлипывает.

Потом опускает руки и говорит сквозь слезы:

— Я бы никогда не сделала тебе ничего плохого, никогда не хотела быть причиной твоей тревоги, твоих страхов… Нет… Я просто хотела быть ближе к тебе.

— Что? Ближе? Господи, Линн. — У меня даже челюсть отвисает, а все страхи по щелчку превращаются в злость. Швыряю дневник на подлокотник дивана. — Что это за хрень такая? Как вообще такое могло произойти?

Она прицельно смотрит на меня глазами-пуговками.

— Дверь вашего дома… парадная дверь… часто была не заперта. Так что я могла тайком войти внутрь…

— Да чтоб тебя, хватит уже. Просто заткнись. Не хочу больше ничего слышать. Знать больше ничего не желаю.

Линн громко всхлипывает и уже не сдерживает слезы.

— Беккет, мне… мне так жаль. Я знаю: это все неправильно. — Она проводит ладонью по глазам совсем как провинившийся ребенок. — Но ты была всем для меня. Я не то что обожала тебя, я тебя боготворила. И… — Линн закусывает нижнюю губу и признается: — Я хотела быть тобой.

Это меня напрягает. Припоминаю, что она уже что-то такое говорила.

Знаки уже были, просто я их не считывала.

— Мы ведь никогда не были настоящими подружками, так?

Я усаживаюсь на подлокотник дивана и прижимаю кончики пальцев ко лбу.

— Что? — растерянно моргая, переспрашивает Линн и сама отвечает: — Нет, все не так.

— Ты была какой-то хитрой и мерзкой соплей, вертелась вокруг меня, подлизывалась… А у меня не было друзей, и я… да я просто с этим мирилась, вот и все.

— Мы были друзьями, правда были, — умоляющим голосом говорит Линн и осторожно делает

шаг в мою сторону. — Мы по-настоящему дружили. И… и… мы и сейчас друзья. Ты главный человек в моей жизни. А я… — Линн судорожно всхлипывает. — Я не представляю свою жизнь без тебя.

Совершенно обалдевшая, смотрю на Линн.

— Ты хоть сама себя слышишь? Линн… Ты больна, тебе нужна помощь.

— Да, — соглашается Линн и как будто даже рада услышать такое от меня. — Да, мне нужна помощь, и ты та единственная, кто мне поможет. Только ты сможешь меня спасти…

Она тянется ко мне обеими руками, а я вскакиваю с подлокотника дивана и пячусь подальше от нее.

Тут мне даже смешно становится.

— Нет, на это не надейся, поможет тебе психотерапевт, а я всего лишь несостоявшаяся писательница.

— Для меня ты всегда будешь лучшей.

Я крепко зажмуриваюсь, зажимаю уши ладонями так, что сама едва слышу свой голос.

— Просто заткнись, ладно? Просто умолкни. То, что было у нас в детстве… и вообще… забудь об этом. Все кончено.

Быстро прохожу мимо Линн, рывком на себя

открываю входную дверь и, громко топая, спускаюсь вниз. Она выходит за мной, я слышу, как шлепают босые ноги по деревянным ступенькам.

— Куда ты идешь?

Оглядываюсь на нее из холла.

— Не знаю. Куда-нибудь… лишь бы подальше отсюда.

Линн останавливается на нижних ступеньках. Она продолжает судорожно сжимать полотенце на груди, глаза ее полны слез.

— И ты не хочешь забрать свой дневник?

Я саркастически ухмыляюсь:

— Как ни странно — нет. И знаешь почему, Линн? Потому что от того, что ты сделала, у меня кровь в жилах стынет, и я не хочу, чтобы хоть что-то мне об этом напоминало. — Пару раз взмахиваю рукой, указываю тыльной стороной кисти вверх по лестнице. — Так что оставь его себе. Уверена, ты еще не раз будешь любоваться своими детскими рисунками, мне они никогда не нравились.

Линн сбегает с последних ступенек и начинает что-то мямлить в свое оправдание, но я тычу в нее указательным пальцем и заставляю умолкнуть.

— Не смей за мной ходить, Уайлдинг. — рыв-

ком открываю парадную дверь и, прежде чем Линн успевает вставить хоть слово, снова рявкаю: — Между нами все кончено, поняла меня? Кон-че-но.

Выхожу и захлопываю дверь у нее перед носом.

Не выбирая направления, бреду по пустынным улицам Хэвипорта и никак не могу успокоиться, даже наоборот, как будто раззадориваю себя.

Кто так поступает с друзьями?

Я просто хотела быть ближе к тебе.

В детстве ночные кошмары разрушали меня, и я не уверена, что смогла от них оправиться. Они изматывали меня, сбивали с толку, пугали, в конце концов. Я не понимала, что происходит в реальности, а что — нет, и даже в детстве мне в голову закрадывался страшный вопрос: «А вдруг я схожу с ума?»

Я так часто видела ту девочку-призрака в своей комнате, что и не сосчитать, и это видение казалось мне очень реальным, и, как следствие, я стала подозревать, что со мной происходит что-то неправильное. Очень неправильное.

А на самом деле ничего такого неправильного со мной не происходило.

Все дело было только в ней одной. Она под

покровом темноты проникала в наш дом, прокрадывалась в мою комнату, часами пряталась у меня под кроватью. Трогала мои вещи. Смотрела, как я сплю.

По затылку бегают мурашки, и я в панике оглядываюсь. Вдруг она где-то там в полумраке идет следом за мной? Для нее это не впервой.

Нырнув в узкий переулок, прислоняюсь спиной к стене и смотрю на лиловое небо. Изо рта вырываются белые облачка пара.

Куда я вообще иду? Какие мои следующие шаги? Какой план? Поезд на Лондон отходит через пару часов, а мой чемодан еще в родительском доме. Итак, надо вернуться на Умбра-лейн.

Иду дальше мимо автобусных остановок, по пути заглядываю в светящиеся теплым оранжевым светом окна кухонь. Думаю об отце. Представляю, как он бродил по коридорам Чарнел-хауса и его чуть не тошнило от отвращения к собственной ненормальной дочери и ее выдуманной сестре-близняшке. И меня постепенно охватывает отчаяние.

Во-первых, если бы не Линн, возможно, он никогда не стал бы меня бить. Может быть, ни на кого не поднял бы руку.

И жизни многих людей сложились бы по-дру-

гому.

Спустя минут десять, а может, и двадцать — трудно в таком состоянии следить за ходом времени, — понимаю, что прошла мимо родительского дома и даже этого не заметила.

Надо бы вернуться, взять чемодан и идти на станцию, но я вместо этого направляюсь в сторону железной дороги. Перехожу через мост и, глядя на пути, замечаю, что там среди прочего мусора все еще валяется тот одинокий ботинок с распущенными шнурками.

Бреду по улочкам по другую сторону моста и вскоре оказываюсь перед знакомым домом в викторианском стиле, с торцевой террасой, с ухоженным палисадником, с ковриком «Добро пожаловать» у порога и подвесной корзиной с лиловым вереском возле двери.

Меня не должно быть здесь.

Тянусь к дверному кольцу.

31

— Пожалуйста, только будь дома, — бормочу я и три раза стучу кольцом по двери. — Только будь дома.

Щурясь, вглядываюсь через матовое стекло в коридор, пытаясь увидеть там хоть какое-то

движение, и вспоминаю Линн. В тот последний воскресный вечер она вот так же стояла у двери, пока я прижималась грудью к ее бойфренду, а его пальцы впивались мне в спину.

— Это неправильно, — сказал он мне тогда с мягким акцентом островитянина.

Стучу еще два раза, теперь медленнее. И снова ничего. Отступаю с коврика и смотрю на окна первого этажа. Грудь словно стальной обруч сжимает: в доме темно. Предпринимаю еще одну вялую попытку постучать и прижимаюсь лбом к прохладному матовому стеклу.

Кажется, еще чуть-чуть — и зареву.

— Бек?

Вздрагиваю от неожиданности и, схватившись за грудь, оборачиваюсь.

На садовой дорожке стоит Кай, он улыбается, а потом, присмотревшись ко мне внимательнее, спрашивает:

— Ты как? Все в порядке?

— Да, да, — глотая слезы, отвечаю я. — Конечно в порядке.

Кай оглядывает меня с головы до ног.

— Уверена? — Он хмурится. — Точно ничего не случилось?

А я молча смотрю ему за спину на дорогу.

— Бек?

Тон Кая меняется, голос становится глубже, я убираю прядь волос за ухо, а он, не отрываясь, следит за моими подрагивающими пальцами.

— С Линн поссорилась, — признаюсь я. — Не по мелочи, а всерьез и… В общем, я с ней порвала и не знаю… мне нужно было с кем-то…

Кай морщит лоб и быстро смотрит вверх-вниз по улице.

— Слушай, нечего здесь стоять. — Он достает ключи из кармана. — Давай заходи. Сожалею, что тебе пришлось здесь ждать, заглянул после работы в паб, пропустил пару-тройку пинт и, если честно, сейчас немного навеселе…

В коридоре Кай принимает у меня пальто и вешает его на крючок рядом со своим.

Потом указывает вдоль по коридору и предлагает:

— Хочешь чего-нибудь? Перекусить? Чашечку кофе?

— Я бы выпить не отказалась.

— О… да, конечно, понимаю.

— Чего-нибудь покрепче.

— Уф-ф, вот беда — виски ни капли не осталось. Зато есть текила… Ты как?

Я часто-часто киваю, будто маньячка какая-то,

и Кай выходит из комнаты.

Плюхаюсь на диван, сердце учащенно колотится в груди. Слышу, как Кай в кухне выдвигает полки и звякает рюмками.

Наконец возвращается в комнату с бутылкой и двумя рюмками.

— Хотите верьте, хотите нет, но это очень даже приличная текила, не то пойло, что пьют студенты…

— Идеально, — перебиваю я его и жадно, как клешню какую-то, протягиваю руку.

Кай с нервной улыбкой передает мне бутылку. Я в одну секунду вытаскиваю пробку и с наслаждением делаю глоток прямо из горлышка.

Кай приподнимает одну бровь:

— Знаешь, хорошую текилу, вообще-то, принято пить мелкими глотками…

Оценив этикетку — стопроцентная голубая агава, — возвращаю бутылку Каю.

— Господи… извини. Я не… — Чуть пододвигаюсь, потому что Кай садится рядом. — Просто надо было, так сказать, срочно принять дозу обезболивающего.

— Брось, нашла перед кем оправдываться, — говорит Кай и ставит на кофейный столик рюмки. — Я в пабе выпил четыре пива и еще одну

на посошок. Хорошо, в общем, посидел.

Слабо улыбаюсь, а Кай наполняет рюмки и пододвигает одну мне.

— Бек, — говорит он, пытаясь перехватить мой взгляд, — ты расскажешь мне, что все-таки происходит?

Снова вспоминаю Линн и ее рисунки в моем дневнике. Представляю, как она наблюдала за мной через приоткрытую дверцу шкафа. Как она посреди ночи тянула вниз на себя мое одеяло.

— Все так запутано, долгий разговор.

Кай пожимает плечами:

— Ничего, у меня есть время.

Хмурясь, смотрю на свою рюмку.

— Она… слушай… Линн, она давно, еще когда мы были детьми, кое-что делала. А я узнала об этом вот только что, то есть полчаса назад. Такая хрень тогда происходила, сложно объяснить.

Кай несколько секунд непонимающе смотрит на меня, и его темные глаза в приглушенном свете такие удивительно красивые, словно притягивают меня к себе.

— Не похоже это на Линн. Ты уверена, что она в чем-то виновата?

Я опускаю глаза и несколько раз часто-часто киваю.

— Хочешь об этом поговорить? — предлагает Кай.

— Не знаю. — До боли прижимаю костяшки пальцев к глазам. — Думаю, просто хочу обо всем этом забыть. — Я сижу спиной к окну, по шее пробегает холодок, как будто Линн вот прямо сейчас дышит мне в затылок. — Но я знаю, я точно знаю, что ей нужна помощь. Но не моя или чья-то еще, а помощь профессионального психиатра.

— Все так плохо?

Плотно сжимаю губы, кажется, где-то в этом доме тихо скрипят балки.

— Послушай. — Кай придвигается еще ближе ко мне. — Я понимаю, когда ты говоришь о своем желании забыть. Если хочешь, мы можем забыть. Сегодня будем пить текилу, а поговорим обо всем этом как-нибудь в другой раз. Но… — Тут он понижает голос. — Когда-нибудь я должен буду об этом узнать, ведь она и часть моей жизни тоже.

Я ставлю рюмку на стол.

Кай вздыхает:

— И слушай, не хочу показаться каким-то помешанным на психотерапии придурком, но после того, как мы с тобой тут на днях поговорили о моей семье, мне реально стало лучше. Сначала было хреново, а потом… полегчало.

Он смотрит на меня так серьезно, что я невольно прыскаю со смеху и тут же прикрываю рот рукой.

— Извини, извини. — Кай хмурится, и я с виноватым видом поднимаю ладонь. — Честно, я не над тобой смеюсь. Я вообще не знаю, что меня рассмешило.

Видно, такая моя странная реакция заразительна, и взгляд Кая становится уже не таким серьезным.

— И что же тут смешного?

— Да мне и не смешно вовсе, просто… Не знаю, это может показаться странным, но у меня такое чувство, будто мы с тобой в чем-то похожи. Ты и я.

Теперь Кай улыбается:

— Ага, понимаю.

Я беру со столика свою рюмку и осушаю ее одним глотком.

Скривившись, продолжаю:

— Ладно… Хорошо, сейчас объясню. — Беру бутылку и неверной рукой разливаю текилу по рюмкам, да так, что она едва не переливается через края. — Ночью кто-то пытался спалить мой дом.

У Кая отвисает челюсть.

— Что? Господи, почему сразу не сказала? Ты как? С тобой все в порядке?

— Я… в общем, я в норме.

— Как… кто… — Кай бледнеет и от волнения не может сформулировать вопрос. — Дом?

— Жить будет, он нерушим. — Я ставлю бутылку на стол и беру свою рюмку. — Но после пожара я кое-что выяснила — не важно как, это долгая история. в общем, я узнала, что отец бил девочку из нашей школы.

Кай сжимает виски кончиками пальцев:

— Бек, нет…

— И дело в том, что единственная причина, почему он вообще назначил ее своей жертвой… — У меня судорожно сводит кишки, и, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, я опрокидываю очередную рюмку текилы. — Короче, это все из-за меня.

Если подумать, то из-за Линн, но сейчас мне неохота вдаваться в подробности.

Кай морщит лоб:

— Что-то не понимаю.

— Я тебе об этом не рассказывала, потому что вообще никому не рассказывала, но до того, как меня отправили в школу-интернат, единственным ребенком, которого он бил… была я. — Тут

мне почему-то становится неловко, и я пытаюсь улыбнуться. — Поэтому мы с тобой действительно похожи, могли бы даже организовать свой клуб.

Кай откидывает волосы со лба и смотрит на стену.

— А я-то думал, твой отец вроде святого покровителя Хэвипорта.

— Ага, большинство местных таковым его и считают.

Кай трясет головой, как будто не может смириться с тем, что я ему сказала.

— Ты как?

Я крепко стискиваю зубы, а Кай откидывается на спинку дивана.

— Даже не знаю, с чего начать. Не могу поверить, что этот подонок бил тебя…

Я смотрю на Кая. У него такие темные глаза, почти как уголь. Он единственный из моих знакомых, кто действительно в состоянии понять, через что я прошла и до сих пор прохожу в связи со своим отцом, и когда-нибудь я обязательно поговорю с ним об этом. Но не сегодня.

— Лайм с солью.

Кай вскидывает голову:

— Что?

— Нам нужны лайм и соль. Ну, это ведь текила, так что давай пить ее по правилам.

И я с бутылкой в руке выскальзываю в коридор.

Кай за мной.

— Бек, вообще-то, текилу пьют мелкими глотками…

— Знаю, знаю, ты уже говорил.

Теперь мы вдвоем на кухне, я открываю и закрываю навесные шкафчики, а Кай, немного обалдевший, с интересом наблюдает за мной с порога.

— Уверена, что не хочешь об этом поговорить? — спрашивает он, почесывая затылок.

Замираю, так и не открыв до конца очередную дверцу.

— Уверена, можешь мне поверить. — Закрываю шкафчик и начинаю рыться на полке для специй. — Но давай не сейчас. Сейчас я хочу выпить.

— Эдак ты меня вконец испортишь, — говорит Кай и идет ко мне через кухню.

Я перестаю рыться в специях.

— Стараюсь.

Мы встречаемся взглядом, и меня охватывает приятное волнение. Текила разливается по жи-

лам и прогоняет злость, как рассвет гонит прочь все ночные кошмары.

— Лайм в холодильнике, — говорит Кай и указывает мне в нужном направлении. — А соль на боковой полке плиты.

Через минуту-другую стоим возле кухонного стола, между нами стопки для текилы; рядом с недавно приобретенной Каем солонкой в форме улыбающегося Санта-Клауса горка тоненьких долек лайма. А в центре стола гордо возвышается бутылка с текилой.

— За наше угробленное детство, — говорю я и поднимаю свою рюмку.

Соль, текила, лайм.

Выпито.

— За… — Кай, чтобы подавить икоту, прижимает к губам тыльную сторону ладони. — За прекрасный повод уничтожить запасы супердорогой выпивки.

Соль, текила, лайм.

Выпито.

— За взросление в провинциальных приморских городках, — говорю я, указывая на окно локтем руки, в которой держу рюмку.

Соль, текила, лайм.

Выпито.

Кай, прищурившись, мрачно смотрит на свою рюмку.

— За отцов-абьюзеров.

Соль, текила, лайм.

Выпито.

— Подожди, подожди. — Я беру Кая за запястье, притягиваю к себе и насыпаю ему в углубление между большим и указательным пальцем щепотку соли. — За это выпьем иначе. — Язык у меня начинает заплетаться. — В этот раз ты слизнешь мою соль, а я… твою.

Кай морщится:

— Что?

Я сосредоточиваюсь на ставшей к этому моменту несколько расплывчатой улыбке Санта-Клауса и отмеряю себе на руку щепотку соли. Ладонь держу не очень ровно, и крупинки соли частично сыплются на стол.

— Меняемся: я занимаюсь тобой, ты — мной. — Я кривлю губы, как будто пытаюсь изобразить знаменитую ухмылочку Элвиса. — Нет, подожди. Сначала ты, потом я… Ладно, не важно. А теперь тост. — Поднимаю рюмку. — За тебя.

Кай слегка покачивается.

— За меня?

Не знаю как, но мы вдруг оказываемся лицом к

лицу, а Кай стоит спиной к столу.

— За тебя. За то, что ты рядом, хоть мы и не знаем друг друга.

Кай тихонько со мной чокается.

— За незнакомцев.

Я беру Кая за запястье, чтобы слизнуть соль, но, прежде чем успеваю осознать, что происходит, мои губы бегут вверх к его шее, а он крепко сжимает мои ягодицы. Стопки мы выронили… У него такие сильные руки… С моих губ срывается тихий стон…

Страстный, жаркий поцелуй, и в следующую секунду мы уже торопливо и неловко пытаемся расстегнуть джинсы. Я — его, он — мои. Я смеюсь от этой неловкости и чувствую, как затвердел его член. Вскоре выпрыгиваем из джинсов и отбрасываем их в угол кухни. Еще несколько секунд, и я остаюсь в одном лифчике, а на нем только расстегнутая рубашка.

Оба задыхаемся от желания. Меняемся местами, и Кай рывком усаживает меня на стол. Рюмки скатываются на пол. Твердый член Кая касается внутренней стороны моего бедра. Я хватаю его за отвороты рубашки и тяну к себе, а он горячими влажными губами целует меня в шею.

Входит в меня, я задерживаю дыхание, и мы,

жадно целуясь, начинаем раскачиваться. Я обхватываю ногами его бедра. Он наконец срывает с меня лифчик. Ритм наших движений становится все энергичнее. Кай опускает руку мне между ног и безошибочно нажимает большим пальцем на ту самую точку. Продолжает нажимать… Мой мозг взрывается в семнадцати местах, как окно, в которое швырнули горсть камней.

Обхватив Кая за шею, запускаю пальцы ему в волосы, прижимаюсь щекой к его скуле с однодневной щетиной. Он так приятно пахнет, с ним так хорошо, как будто он самый близкий мне человек, как будто мы уже давно знаем, как доставить друг другу удовольствие.

Я понимаю, что это неправильно, что он ее мужчина, не мой, но когда наши губы находят друг друга, когда наш пот смешивается и мы вместе приближаемся к оргазму, я признаюсь себе, что мне на это плевать. На самом деле меня даже заводит то, как плохо я по отношению к ней сейчас поступаю. Она позволила себе отнять у меня нечто важное, лишила как минимум нормального детства, и теперь я в ответ отбираю у нее кое-что другое. И ни секунды не сомневаюсь в том, что эта потеря причинит ей боль.

Эта потеря заставит ее кричать и захлебывать-

ся слезами.

Так что, да, я понимаю, что веду себя как злобная сучка, но мне это нравится. Я, порочная и сексуальная, беру реванш и чувствую себя просто великолепно.

Смотрю за плечо Кая в темное окно и представляю Линн. Ее бледное лицо появляется в окне: волосы еще мокрые после душа, глаза сверкают. Она наблюдает за тем, как мы трахаемся, за тем, как он проникает в меня, а я вцепляюсь пальцами в его спину.

Ты сама напросилась, Линн, теперь получай то, что заслуживаешь.

Я кричу, содрогаюсь всем телом, бью Кая кулаком в грудь, ритм нашего соития замедляется, мои глаза плотно закрыты, наши тела обмякают, мы хватаем ртом воздух и постепенно возвращаемся в реальный мир.

Открываю глаза… В окне за спиной Кая никого. Ее там нет и не было с самого начала.

После мы поднимаемся наверх и голые лежим на его кровати.

В его телефоне играет музыка, а мир за окном непроницаемо-черный, как занавес из тяжелого бархата.

— Мне они всегда казались немного слащавы-

ми, ну или слезливыми, — говорю я, лежа на боку и подперев голову рукой.

— Что? — У Кая отвисает челюсть. — Слезливые? Ты сейчас хочешь мне сказать, что «Дрифтвуд» — слезливая песня?[22]

— Ага. На мой вкус — очень уж сентиментальная песенка.

— «Трэвис» — это крайне важная краска в палитре шотландской поп-музыки, — возражает Кай и, устраиваясь повыше, подталкивает подушку у себя под головой.

Приподнимаю бровь и переспрашиваю:

— Прости, что? Ты сказал слово «палитра»?

— Ага, сказал. Хочешь подраться со мной из-за этого?

Кай улыбается, и эта его улыбка подстегивает меня снова заняться с ним сексом.

Я встаю на колени, сажусь на него верхом и упираюсь руками по обе стороны от его головы. Его взгляд скользит по моему телу.

Опустив руку вдоль его торса, нахожу его горячий и твердый член, а когда наклоняюсь, чтобы его поцеловать, он сжимает одну мою грудь в ладони.

---

[22] Примечания: 22

«Driftwood» — второй сингл, выпущенный инди-группой «Трэвис».

И тут раздается громкий, отрывистый стук.

Кто-то стучит в парадную дверь дома.

— Кто это? — спрашиваю я и выпрямляюсь, как напуганный сурикат.

Кай чуть склоняет голову набок.

— Беккет, я кто угодно, но точно не телепат.

— Тсс…

Поднимаю указательный палец и прислушиваюсь.

Кто-то кричит:

— Беккет!

У меня перехватывает горло.

Это она.

И снова:

— Беккет!

Кай таращит глаза, а я инстинктивно прикрываюсь простыней.

Он соскальзывает с кровати и быстро натягивает джинсы и футболку.

— Черт-черт-черт, — тарахчу я со скоростью пневматической дрели. — Откуда она узнала, что я здесь?

И пока бормочу, понимаю, насколько бессмысленно задаваться этим вопросом.

Линн не могла знать наверняка, что я здесь, но она могла наведаться в Чарнел-хаус, а там меня

не оказалось. Все кафе и пабы в Хэвипорте в этот час закрыты. Линн же не дурочка и могла легко догадаться, куда я пойду.

— Все норм, — говорит Кай, но я по его лицу вижу, что это далеко не так. — Сейчас разберусь.

Он быстро выходит из комнаты, а Линн еще ровно четыре раза бьет кулаком по двери и снова кричит:

— Кай! Я знаю, что она там! Знаю, она у тебя!

Слышу, как он босой спускается вниз.

Пауза.

Потом Линн, но голос ее все еще звучит приглушенно:

— Впусти меня.

Потом Кай:

— Прости, боюсь, сейчас не могу.

Потом другой звук — это Линн истерично дергает дверную ручку, как будто это поможет ей войти внутрь.

— Открывай. — Слышно, что Линн запыхалась, как от долгого бега. — Впусти меня, я должна ее увидеть…

Она перестает дергать ручку, и теперь уже я могу услышать, как тяжело дышит Кай.

— Я не впущу тебя, Линн.

Они надолго умолкают, и воздух как будто

электризуется.

— Ты трахнул ее? Да?

Голос Линн стал другим. Теперь в нем звучат стальные нотки.

— Слушай, Линн…

— Понятно, так я и знала…

— Прости, мне жаль, что все так вышло… Мне правда жаль… Веришь? Я никогда не хотел причинить тебе боль.

— Она не твоя, Кай, — говорит Линн с какой-то почти звериной, хищнической интонацией в голосе. — Она — моя.

— Беккет сказала, что тебе нужна помощь. Тебе нужно обратиться к психиатру. И мы, мы с Беккет, тебе с этим поможем. Ты не останешься одна, ты нас не потеряешь, но сейчас… сейчас тебе лучше уйти.

— Впусти меня. Мне надо с ней поговорить.

— Линн, прошу тебя.

— Я хочу войти…

— Линн. — Голос Кая понижается на пару тонов; теперь уже становится ясно, что он говорит абсолютно серьезно. — Иди домой, или я вызову полицию.

Спустя минуту Кай возвращается и садится на край кровати, а я сижу, оперевшись спиной

на подушки, таращусь на него выпученными от тревоги глазами, и грызу ноготь на большом пальце.

— Ты ведь не станешь сдавать ее в полицию? Ведь не станешь?

— Ох нет, нет, конечно, — отвечает Кай, слегка покачиваясь взад-вперед. — Просто я хорошо ее знаю. С ней нельзя давать слабину.

— Ты уверен, что она ушла?

— Да… Она ушла. — Кай поворачивается ко мне. — И я хочу, чтобы ты поняла — Линн… Ее иногда заносит, но она не способна кому-то всерьез навредить или сделать больно, и уж конечно не тебе.

Кай протягивает руку, чтобы погладить меня по плечу, случайно касается моей груди, и мы, встретившись взглядом, вспоминаем, чему помешала Линн, но момент уже упущен.

— Как думаешь, может, нам немного поспать? — предлагает Кай и прижимает ладонь ко лбу. — У меня после текилы до сих пор голова немного кружится.

— Да, да, думаю, это хорошая мысль.

После мы неловко пританцовываем в ванной у раковины, пока умываемся и вытираем лицо полотенцем; Кай позволяет мне воспользовать-

ся его зубной щеткой, я показываю ему язык в зеркале.

Вернувшись в спальню, ложимся при слабом освещении бок о бок на кровать. Лежим и дышим в унисон. В доме тихо.

— Доброй ночи, Бек.

— Доброй ночи, — отвечаю я и провожу пальцем по его бедру. — У меня утром будет к вам одно незаконченное дело, мистер.

Кай тихо смеется:

— Услышал и принял к сведению.

Заметив, что на лестничной площадке все еще горит лампочка, спрашиваю:

— Может, я выключу там свет?

— О… ну… ты не против, если мы его оставим?

Кай явно смущен, и я соглашаюсь.

— Конечно, пусть горит, мне норм.

— Знаю, это чертовски глупо, но… Я не могу спать в темноте. А ты?

Я замираю, кажется, даже сердце перестает биться и кровь свертывается в жилах.

Что-то в голосе Кая, в том, как он это произносит… Что?

Знакомо — вот что. Я уже это слышала.

Смотрю на Кая, а внутри нарастает тревожность, как будто в желудке кишит сотня дождевых

червей.

Моя воображаемая подружка крадучись забиралась ко мне в кровать и говорила эти самые слова…

Я не могу спать в темноте. А ты?

Да, конечно, это была Линн. Теперь я знаю, что это была она, я ведь видела те записи в моем дневнике.

Но если это была Линн, тогда почему Кай слово в слово с теми же интонациями задает мне этот вопрос? И почему его акцент такой же, как у той девочки из моих ночных кошмаров?

Шорох простыней. Кай поворачивается на бок лицом ко мне. Взгляд у него обеспокоенный.

— Почему ты так на меня смотришь, Бек?

32

— …Бек?

Я прикрываю рот ладонью.

Это не мог быть он. Чушь. Бредятина какая-то.

– Что с тобой? — обеспокоенно спрашивает Кай. — Что не так?

Убираю руку от лица и начинаю блеять:

— Я… мне… Мне надо в туалет.

Кай, хмурясь, внимательно на меня смотрит,

а я встаю с кровати. Я голая, но больше не чувствую себя сексуальной и хоть сколько-нибудь соблазнительной, нет, теперь я чувствую себя незащищенной, вернее, беззащитной.

Снимаю с крючка на двери легкий халат, торопливо надеваю и выхожу из спальни. С кровати меня не видно, и это хорошо, потому что в туалет я не собираюсь.

Специально открываю и со щелчком закрываю дверь в ванную, а сама, то и дело оглядываясь назад, спускаюсь вниз.

На первом этаже разворачиваюсь и, сделав несколько шагов, останавливаюсь напротив двери в чулан под лестницей.

Сюда заглядывал Кай, когда я в последний раз к нему приходила.

Нет, не может быть.

Поворачиваю ручку, открываю дверь и, согнувшись в три погибели, заглядываю внутрь.

В чулане всякий хлам и стопки старых журналов с загнутыми от времени уголками обложек. Но главное — там есть голая лампочка с выключателем-шнурком и достаточно места, чтобы я могла устроиться там, сидя на корточках.

Нет, быть этого не может.

Втискиваюсь внутрь и закрываю за собой дверь.

Тяну за шнурок, лампочка шипит и оживает. Освещение слабое, но читать можно.

Озираюсь по сторонам.

Только бы она была здесь.

В тот вечер, когда Кай показал мне ту вырезку, он заглянул в чулан и практически сразу ее нашел.

Да, вот она, лежит на стопке старых музыкальных журналов.

Вырезанная из газеты черно-белая фотография: дети семейства Каннингхэм сняты на фоне здания с вывеской «Шетландские склады» в Леруике.

«НЕУПРАВЛЯЕМОЕ СЕМЕЙСТВО С ПОЛИЦЕЙСКИМ КЛЕЙМОМ „НАРУШИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ“».

Нет, это все бред какой-то.

Кай вырос на Шетландских островах в сотнях миль отсюда. И да, он с семьей переехал сюда, когда уже вырос… То есть когда? Не знаю, он не говорил. Но в детстве здесь, в Хэвипорте, мы с ним никогда не пересекались. Так ведь?

Разве что… Я внимательнее разглядываю вырезку из газеты и замечаю нечто важное. То есть это действительно важно, настолько, что оторопь берет. В прошлый раз я не обратила на это внимания.

Мелким шрифтом под фотографией: «Вестник Хэвипорта, 21 марта 1997 года».

Нет. Нет, нет, нет и нет.

Дальше читаю то, что написано ниже на фотографии.

«Дети недавно поселившейся в Хэвипорте семьи Каннингхэм. Фото сделано на Шетландских островах в Леруике до их переезда в наш город».

Стало быть, клеймо «нарушители спокойствия» они заслужили не в Леруике. Они заслужили его здесь, в Хэвипорте.

Зажмуриваюсь и крепко стискиваю зубы.

Нельзя останавливаться.

Снова смотрю на фото.

Слева — три старших брата Кая, все рослые, и вид у них такой… В общем, таких ребят лучше обходить стороной. Двое показывают фотографу средний палец. Дальше стоит Кай — хрупкий мальчик в очках а-ля Гарри Поттер. А уже последней — младшая сестра. У нее длинные темные волосы, и на носу у нее кривовато сидят точно такие же, как у Кая, очки.

Я смотрю на младшую сестру Кая, и у меня в голове постепенно начинает складываться картинка, от которой становится не просто жутко, а вообще такое ощущение, будто я вдохнула ядо-

витый газ.

Теперь я припоминаю, что Кай никогда не рассказывал мне о своей сестре. Мне только казалось, что рассказывал, потому что эта «сестра» в таких же очках действительно очень похожа на девочку.

Девочка с длинными черными волосами и темными глазами.

У меня дрожат пальцы, нет, не только пальцы — вообще руки трясутся, а кишки так просто в узел скручиваются.

У Кая не было трех старших братьев, у него было четыре старших брата. А на фото крайняя справа не сестра.

То есть это не девочка вообще.

Это Кай.

— Бек?

Когда я слышу этот голос с лестничной площадки на втором этаже, у меня плечи судорогой сводит.

Потом скрип половиц, и он стучит в дверь ванной комнаты.

— Ты там как? Все в порядке?

Линн.

О, Линн… Что я наделала?

Линн — не брюнетка, и волосы у нее никогда

не были такой длины, как у меня. Когда мы были детьми, у нее была стрижка «боб», она сама мне об этом говорила. Да и в любом случае она всегда была ниже меня ростом. Мы реально никогда не были с ней похожи. Так что она при любых раскладах не могла сойти за мою воображаемую подругу.

Дом стонет у меня над головой. Я начинаю паниковать. Кай сейчас догадается, что меня нет в ванной.

Он вот-вот догадается.

— Я вхожу.

Слышу, как он рывком открывает дверь в ванную. Кажется даже, что слышу, как он чертыхается.

Опять, чтобы, не дай бог, не вскрикнуть, кусаю большой палец.

— Бек? — уже громче зовет Кай.

Времени нет, надо шевелить мозгами.

Нет, этого не может быть. Что за бред вообще?

А потом всего в нескольких дюймах от моего лица звук, похожий на чих, и с потолка чулана на меня сыплется пыль. Потом еще и еще. Это скрипят ступени у меня над головой.

Он спускается.

И тут у меня в голове с космической скоростью складывается картинка, со всеми мелочами, которые раньше от меня ускользали.

Тот вечер, когда мы познакомились. Когда я услышала, как он поет. Какой у него был голос… нежный, почти женский.

«Поет, как девчонка», — сказал тогда Сэм Гастингс.

А еще его акцент. Такой необычный для наших краев, характерный только для островитян.

И его глаза, такие темные, почти черные. Как у меня. В тот вечер нашего знакомства я сразу обратила на это внимание.

И то, как он легко и быстро перешел с Беккет на Бек, как будто мы сто лет знакомы.

А наше взаимное, животное влечение друг к другу? Оно ведь возникло почти сразу.

Как там говорят? *Нас привлекают люди, похожие на нас.*

В животе урчит, я рыгаю и тут же прикрываю рот ладонью.

Теперь его шаги прямо у меня над головой.

— Ты где?

Он всего какой-то час назад был внутри меня. Наши стоны, вскрики, наши тела ритмично бились друг о друга… Его запах… как с ним бы-

ло хорошо… Как будто он самый близкий мне человек.

— Бек, ну, серьезно, ты чего, спрятаться от меня решила?

Звук шагов стихает где-то в метре или двух от меня. Он останавливается на последних ступеньках лестницы.

Включает свет в холле.

Я задерживаю дыхание.

— Знаешь, что-то это все начинает меня напрягать.

Шаги приближаются к чулану под лестницей.

Крепко сжимаю кулаки.

Выключить свет?

Нет, слишком поздно. Даже если он не увидел полоску света под дверью, все равно может услышать щелчок выключателя. Ну или заметит, что свет в чулане погас.

— Это что? Какая-то игра? Типа сексуальная?

Шаги ближе. Справа от меня. Я делаю вдох и даже выдохнуть боюсь. Спустя несколько секунд, которые дорогого мне стоят, слышу, как он проходит в кухню и наливает себе стакан воды.

Страшно, но решаюсь выключить свет в чулане.

— Не хочешь стаканчик воды, Бек?

Он еще в кухне. Слышу, как позвякивают стаканы. Еще немного, и он поймет: что-то не так.

Открыть дверцу чулана и выбежать из дома на улицу?

Нет… нет.

Из кухни видна лестница, так что, если решусь, он меня увидит, а если не увидит — точно услышит.

Остается сидеть здесь и выжидать удобный момент.

— Не знаю, где ты, но я прямо сейчас принесу тебе стакан воды.

Когда будет подниматься наверх, сразу сорвусь с места.

— Это очень… как-то очень уж странно…

Мысленно возвращаюсь к нашей с Линн ссоре.

Я кричала на нее, не давала ей шанса ответить, не слушала, даже не пыталась услышать то, что она хотела сказать мне в ответ.

А если бы попыталась, до меня бы дошло, что она не виновна во всей этой жути. Я обвиняла ее в том, что она по ночам тайком прокрадывалась в мою спальню, а она просила прощения не за это вовсе, а за то, что украла мой дневник. Если бы я во всем спокойно разобралась, сейчас точно бы не пряталась в пыльном, захламленном чулане

от какого-то монстра.

Монстр под кроватью.

— Иду наверх, — громко говорит Кай, как будто озвучивает какую-то абсурдистскую пантомиму. — Так что ты, где бы ни пряталась, можешь выходить.

А прячусь я от кошмара, который, как мне казалось, был порождением моего больного воображения. Мое зеркальное отражение с каким-то потусторонним голосом.

При слабом, проникающем в дверную щель свете снова смотрю на газетную вырезку, точнее, на маленького Кая, который стоит последним в ряду своих братьев. Черные, плохо причесанные волосы, челка падает на глаза, руки тоненькие, кожа бледная и еще какая-то мучительная напряженность во взгляде.

Это Кай не раз и не два, а ночь за ночью прокрадывался в мою комнату, лежал под моей кроватью и ждал, когда я проснусь.

Это он стоял возле моей кровати и смотрел, как я сплю.

Он укладывался на кровать рядом со мной и прикасался к моему телу, пока я, как сказал доктор, зависала на пороге сознания, в промежуточном состоянии между бодрствованием и

сном.

Это его глаза сверкали в темноте.

Нет, нет, нет, нет, нет, нет…

– Ты ведь там, да?

У меня замирает сердце. Он рядом с дверью в чулан.

— Я видел, свет был включен всего пару секунд назад… — Кай смеется низким отрывистым смехом. — Это что — прятки для взрослых? Если так, я вот-вот выиграю.

Я в панике смотрю вправо-влево и замечаю прислоненную к стопке старых полотенец ручку от швабры, вернее, обломок ручки, так что один конец у него закругленный, а второй острый.

Быстро, можно сказать, молниеносно устанавливаю его под дверную ручку.

Тишина.

Потом слышу тихий хруст коленей Кая — это он садится на корточки возле чулана.

— Только дуну пару раз — дом развалится тотчас…

Начинает дергать дверную ручку.

Дергает и трясет, снова дергает так яростно, как будто пытается вырваться за врата ада.

А потом вдруг резко перестает.

— Бек? Что происходит? — Шумно выдыхает. —

Что ты там вообще делаешь?

Я меняю позицию — становлюсь на колени и упираюсь ладонями в пол, словно какой-то зверь перед прыжком. Теперь я готова.

— Это был ты.

Голос у меня хриплый, потому что к этому моменту я уже успела наглотаться пыли.

— Чего? Ты о чем вообще?

Слезы наворачиваются на глаза.

— Под кроватью. — И тут уже слезы ручьями текут по щекам. — У меня под кроватью, когда мы были детьми. Я думала, что схожу с ума, потому что по ночам вижу у себя в комнате эту жуткую девочку… Но тогда, все то время… Это был ты.

Кай хмыкает, я слышу, что он реально надо мной насмехается.

— Я вообще не представляю, о чем ты…

— Не ври мне, Кай. Даже не пытайся. Я нашла свой дневник с этими твоими… рисунками. И я прямо сейчас вижу тебя на фото из «Вестника». Это был ты. *Это был ты, это был ты…*

– Просто прекрасно! — Слышу, как он встает, наверняка держась за перила. — Прекрасно… чтоб тебя. Это был я. Довольна?

Он сказал это, произнес вслух, и это его признание для меня как удар в грудь. Я пячусь, насколько

это возможно, от двери, а это полметра, упираюсь спиной в стену и чуть не захлебываюсь слезами.

— Но я делал это… — Кай выдерживает паузу, а потом понижает голос, включая гипнотическую интонацию горца: — Я так поступал лишь только потому, что был в тебя влюблен.

Я в ответ на это признание издаю похожий на отрывистый лай звук, корчусь и блюю на пол прямо у себя под ногами и руками. Блевота смешивается с пылью и впитывается в хлам на полу, а я начинаю рыдать и, рыдая, икаю и кашляю от этой самой пыли.

— Нет… нет… прошу…

— Не вини меня в этом, Бек. — Теперь голос Кая не направлен прямо на меня, я слышу тихий шорох, — наверное, он сел на пол возле двери в чулан. — Ты ведь даже не представляешь, каким было мое детство.

Вытираю рот тыльной стороной ладони и так размазываю противную слизь по щекам.

Запах отвратительный.

— Я был маленьким мальчиком, очень грустным маленьким мальчиком, это ты можешь понять?

Теперь его голос такой, будто он прижимается щекой к двери. Прямо слышу, как его однодне-

ная щетина прикасается к двери чулана.

— Мы переехали сюда, в этот ваш город, и я никого здесь не знал, и, спасибо моим братьям, все здесь нас не принимали. Чего там не принимали, нас знать не хотели. Короче — ненавидели. Мы ведь воровали в магазинах, затевали драки и все такое… А все это, это не мое, понимаешь? Я был ранимым, я остро на все реагировал.

Тут я сажусь, прижимаю колени к груди и обхватываю себя за плечи. Мне становится холодно, в висках стучит. Наверняка это отголоски текилы.

— Мои братья были теми еще жестокими говнюками, вечно задрачивали меня из-за моих очков и слишком длинных волос. *Сладкая штучка*. Так они меня называли. Ага, через губу так называли: Кай — сладкая штучка. И еще мой папаша, он бил меня так, что от его оплеух в ушах звенело. И однажды я просто сбежал. Бежал в темноте по городу, бежал, плакал, и мне было так одиноко и плохо, потому что я понимал, что всегда буду один и никто никогда не разделит мое одиночество.

И я, пока вот так бежал, вдруг оказался перед твоим домом. Помню, тогда подумал, что вот он дом, где живет настоящая, то есть счастливая,

семья. В этой семье все любят друг друга, смеются… В общем, нет в этой семье места ненависти и разным там страхам.

Кай умолкает, как будто сознает, насколько его рассказ не имеет отношения к реальности. Я крепче обхватываю руками колени.

— Дверь была не заперта. Поэтому я просто вошел внутрь. Поболтался там, потрогал всякие ваши вещи, а потом поднялся наверх в твою комнату. И там была ты. Ты спала, и я никогда в жизни не видел никого красивее тебя. И тогда я захотел стать твоим другом.

Кай закашливается, как будто ему трудно говорить, но потом все же продолжает:

— Но ты бы не стала моей подругой. То есть не стала бы, если б мы встретились при дневном свете. Я точно это знал, потому что понимал, что я какой-то, ну вроде как шизик. И поэтому я по ночам прокрадывался в твой дом, лежал на полу у тебя под кроватью, или наблюдал за тобой, пока прятался в шкафу, или просто стоял у твоей кровати и смотрел на тебя. Я снимал очки, потому что в темноте они ни к чему, а без них я чувствовал себя гораздо свободнее. В общем, я чувствовал себя норм.

Сразу вспоминаю ту запись в дневнике:

(Сегодня — ночь в шкафу)

– Иногда ты просыпалась. Ну, не на самом деле, а вроде как просыпалась. Ты была типа в трансе. И ты была тогда такая красивая, прям как Белоснежка.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не заскулить и не захлюпать носом.

(сегодня — я в ее платье)

– И мне хотелось к тебе прикоснуться.

Я прикрываю глаза, в голове вспыхивают яркие и четкие картинки. Он прихватывает зубами мой сосок. Его ногти впиваются мне в кожу. Он входит в меня.

— Но я тебя не трогал.

Картинки растворяются, я делаю неуверенный вдох и крепко зажмуриваюсь. Господи, как жаль, что это не сон или не одна из моих галлюцинаций. От сна хотя бы можно пробудиться, а от галлюцинаций очухаться.

— Поначалу.

Тут же распахиваю глаза.

(сегодня — ночь в одной кровати)

Внутри меня что-то щелкает. В животе как будто запускается адский двигатель, все страхи, омерзение и печаль смешиваются и преобразуются в гнев. Я встаю на коленях и молочу кулаком

в дверь.

— Ты воплощенное зло, знаешь это?

Кай снова хмыкает, как будто я его забавляю.

— Я не делал ничего плохого, Бек. Если подумать, все мои тогдашние порывы и действия можно назвать романтичными. Не находишь?

Разжимаю кулаки и теперь упираюсь в дверь ладонями с широко расставленными пальцами. Кажется, еще секунда или две, и я надавлю на дверь, она распахнется, и у меня появится шанс вцепиться ему в горло.

— Романтичными? Ты в своем уме?

Пауза. Судя по звукам, он развернулся.

— Мы с тобой, ты и я — две стороны одной медали.

Презрительно фыркаю:

— Я и близко на тебя не похожа.

Теперь мы сидим лицом к лицу. Я это чувствую. Между нами только дверь чулана из старых, высохших досок.

— Раньше ты так не считала или уже забыла?

Прищурившись, смотрю на дверь.

— Что?

— Мы с тобой в чем-то похожи. Ты и я — это твои слова, ты сказала это меньше часа назад, прямо перед тем, как я вставил в тебя свой член.

С силой ударяю кулаком по стене, с потолка на голову сыплется пыль.

— Я пойду в полицию. Расскажу о том, что ты делал.

Кай снова смеется.

— И сколько мне тогда было? Девять? Они ничего не смогут сделать, даже будь у тебя доказательства, которых нет. Да и вообще, в чем было мое преступление?

— Не знаю… взлом с проникновением.

— Ваша дверь была не заперта.

— И все равно это незаконное проникновение. И сталкинг.

— Нельзя привлечь ребенка за сталкинг, — возражает Кай, но уже не так уверенно, как раньше. — И ты тоже не можешь меня судить. — Теперь голос у него какой-то придушенный, но при этом звучит громче. Наверное, прижался губами к двери. — Ты не можешь винить меня за то, что я тогда делал, потому что у меня не было гребаного выбора. Не было выбора, понятно? Мой отец был жестоким, злобным ублюдком, и я его боялся. Бо-ял-ся. Были вечера, когда мне казалось, что он хочет меня убить.

— Эй, Кай, у тебя как с памятью? Мой папаша тоже бил меня. Забыл? — Теперь уже я говорю,

чуть ли не прижимаясь к двери губами. — Но я не бродила ночами по городу, не забиралась в чужие дома и не спала под кроватями незнакомых людей, как какая-нибудь ГРЕБАНАЯ ПСИХОПАТКА.

Тишина. Кай не отвечает. Молчание затягивается, и это напрягает.

Прижимаюсь ухом к двери, но не слышу ни звука. Ни шорохов, ни дыхания, ни удаляющихся от чулана шагов.

Мне нужен план. Надо решить, что буду делать, когда выберусь из этого чулана, потому что нельзя же сидеть здесь до бесконечности.

Да, Кай меня пугает, он точно ненормальный, но он не жестокий по натуре. Да, я его почти не знаю, но уверена, что он не склонен к насилию. В тот вечер, когда мы познакомились в «Рекерс», кто ответил на хамство Сэма Гастингса? Кто спровоцировал драку? Кай получил удар под дых, а потом еще по физиономии, но даже не пытался дать сдачи. А я еще как пыталась. Если бы пришлось, я бы насмерть сцепилась с тем убогим гомофобом.

«Если придется, — думаю я, прижав ухо к двери чулана, — я смогу дать ему отпор».

Если придется.

И тут — ба-бах!

Заваливаюсь набок и прижимаю ладонь к уху. Грохот от удара эхом отдается в голове. Оглушенная, отползаю от двери и прижимаюсь спиной к стопке полотенец. Сердце тарахтит, как пулемет.

И тут снова голос Кая:

— А знаешь, Бек, думаю, хватит мне уже обустраивать этот дом. И я прям как чувствовал, что лучше держать эту кувалду поближе к чулану.

Ба-бах!

Дверь начинает трещать. Я вижу щель.

33

— Кай… Кай, что ты делаешь?

Слышу, как он делает глубокий вдох. Точно размахивается.

— Тихо там. Не мешай. Я занят делом.

Ба-бах.

Дверь поддается, щель становится шире. Я не то что пошевелиться не могу, я даже не моргаю.

— И… и… пока я занят, могу поведать тебе одну историю.

Теперь слышен такой звук, будто он опустил боек кувалды на деревянный пол.

Явно решил перевести дух.

— Когда-то давным-давно маленького шотландского мальчика оторвали от родного дома на

чудесных Шетландских островах и увезли далеко в чужой город, где у него не было друзей и вообще не с кем было поговорить. Его отец был тем еще злобным подонком — о, милые детки, поверьте, он реально был жестоким ублюдком, — и он породил целый выводок себе подобных говнюков. А тот мальчик, он жил в той семье и всего боялся. Он боялся, что однажды его папаша так ему врежет, что у него голова напрочь отлетит, вот прямо отлетит и покатится прямиком в море.

Слышу, как он задерживает дыхание, а потом — ба-бах.

— Теперь, дети, вы можете подумать, что это какая-то грустная сказка. Но вы ошибаетесь. Ошибаетесь, потому что однажды ночью, когда этот мальчик один-одинешенек шел по городу, он набрел на дом, большой красивый дом на красивой улице. И он вошел в этот дом, крадучись поднялся на второй этаж, и там в одной комнате он увидел девочку… такую красивую… Красивее ее он в своей жизни не видел. Он был маленьким и, кроме унижений и побоев, ничего в своей жизни не видел. Та девочка спала, и сон ее был таким спокойным, поэтому тот мальчик не хотел ее будить. Он просто хотел смотреть на нее и вдыхать ее сладкий запах.

— Хватит… Прошу, прекрати… Просто остановись.

Тишина, а потом опять этот звук — он опустил боек кувалды на пол. Только в этот раз стук раздается трижды, как будто Кай стучит кувалдой по полу и о чем-то думает.

И снова его голос у самой двери:

— Невежливо перебивать… мисс Райан.

Я задерживаю дыхание, мой затуманенный мозг охвачен одной детской идеей: если он меня не услышит, то и больно сделать не сможет.

Снова резкий вдох, а потом…

Ба-бах.

И стук бойка кувалды о пол.

— И этот маленький мальчик влюбился в ту девочку, но он не мог ей в этом признаться, потому что, когда они были вместе, она всегда спала, а если бы она увидела его при дневном свете, то наверняка подумала бы, что он какой-то со странностями, в общем — маленький фрик. И мальчик решил дождаться своего часа, когда он наконец вырастет и станет красивым, умным и сильным мужчиной. Он постоянно экономил, следовал правилу — маленькая птичка по зернышку клюет, и в результате смог купить дом, хороший, красивый дом, который мог бы сопер-

ничать с тем, в котором родилась та девочка, потому что надеялся, что когда-нибудь сможет ее пригласить к себе, очаровать и соблазнить, и тогда она согласится стать его женой, и они будут жить в этом доме долго и счастливо…

Снова удар кувалдой по двери, а за ним стук бойка по полу.

Я стараюсь не думать о том, что Кай купил этот дом исключительно ради меня. Что он приложил столько усилий и потратил столько денег ради той, кого практически не знал, да и вообще мог никогда не встретить в своей взрослой жизни.

Нет, пока мне грозит опасность, нельзя отвлекаться на эти мысли.

Дыхание Кая становится хриплым, он определенно устал.

— Но проблема была в том, что та девочка уехала из города и он не знал, где ее искать, потому что она, видишь ли, не хотела, чтобы ее нашли. Она попросту сбежала.

Ба-бах.

Я как завороженная смотрю на увеличившуюся щель и вижу за дверью какое-то движение.

— И он поселился в этом доме, в доме, который купил для нее, и стал изо дня в день работать над тем, чтобы сделать его достойным своей принцес-

сы. Он шлифовал, красил, работал в поте лица… и ждал. Ждал долгие гребаные годы. Но у любого мужчины есть свои потребности, и поэтому однажды он нашел себе девушку, та девушка была милой — в общем, вполне подходила на роль возлюбленной, да только не была его настоящей любовью. Она была лишь тенью той, настоящей любви.

Ба-бах.

Дверь поддается. Осталось два, максимум три удара.

— К этому времени его настоящая любовь стала успешной писательницей. Да, о ней узнали по всей стране, и в то же время было крайне сложно узнать, где она живет и с кем водит знакомства. Она не появлялась на литературных фестивалях, не устраивала автограф-сессии в книжных салонах… Она решила порвать со своим прошлым, и ей это удалось. Вернее, удавалось до недавнего времени.

Ба-бах.

— Но мужчина, в которого превратился тот мальчик, в глубине души знал, что однажды она обязательно вернется домой.

Ба-бах.

— Потому что, Бек… — Кай снова говорит возле

самой двери. — Все… в конечном итоге… возвращаются…

Еще удар, и серый боек кувалды пробивается сквозь трещину в двери. Теперь я вижу раскрасневшееся и потное лицо Кая, вижу его вытаращенные глаза и приподнятые как будто от удивления брови.

— Привет, — весело говорит он и подмигивает.

А потом берется за рукоятку кувалды двумя руками, напряженно сопит и тянет на себя, пока дверь не слетает с петель. Тогда он отпускает кувалду, пошатываясь, пятится к стене и вытирает пот со лба.

Десять, а может, и все пятнадцать секунд Кай стоит, упершись руками в бедра, и восстанавливает дыхание. А я так и сижу, забившись в угол чулана, и представляю себя жертвой маньяка, которую спустя годы после исчезновения агенты ФБР находят в подвале его дома.

И совершенно не понимаю, что делать дальше.

Бежать? Драться? Кричать?

— Привет. — Кай садится на корточки и с ослепительной улыбкой протягивает мне руку, словно принц Чарминг из какого-то ночного кошмара. — Ну, давай уже, выходи.

Спустя еще несколько секунд я стою рядом с

ним в узком коридоре, тонкий халат слабо подхвачен поясом, в общем, чувствую себя почти голой и обхватываю себя за плечи.

— Ну, вот и мы, — непринужденно говорит Кай, как будто все произошедшее всего лишь неловкое завершение первого свидания.

А я, не отрываясь, смотрю на него, как смотрит кошка на незнакомого человека, и у меня в сознании, словно неоновая вывеска, возникает фраза, которую я ему сказала в прошлый уик-энд, когда мы говорили о приступах ярости его отца.

Твое прошлое не обязательно определяет тебя сегодняшнего.

– Бек…

— Не прикасайся ко мне, — выпаливаю я и выставляю перед лицом ладони; пальцы дрожат, но я стараюсь говорить уверенно. — Клянусь, если ты… если попробуешь меня ударить…

— Я не причиню тебе боль. — Кай чуть от меня отстраняется и слабо улыбается. — Зачем мне это? Ведь я влюблен в тебя.

Он раздевает меня взглядом, и я, невольно отшатнувшись, прижимаюсь спиной к перилам.

— Ты… ты удерживал меня в этом доме, как какую-то заложницу или пленницу…

— Да неужели? — Кай оглядывается по сто-

ронам, как будто обращается к невидимой аудитории. — Не припоминаю, чтобы запрещал тебе уходить.

— Нет, Кай, газлайтинг со мной не пройдет…

— Но, конечно, если ты действительно сейчас уйдешь, — Кай отступает в сторону, — тогда, возможно, мне придется рассказать достопочтенной баронессе Надии Джавери о Гарольде Райане и его… внеклассной активности. — Кай качает головой, как будто ему совсем не нравится подобная перспектива. — А это ни к чему хорошему не приведет, ведь кто в здравом уме станет открывать детский приют в доме человека, который систематически подвергал детей насилию?

Прерывисто дыша, все так же пристально смотрю ему в глаза, а он проводит руками по волосам.

— Сделка по продаже дома сорвется, ты потеряешь лондонскую квартиру, и у тебя останется один только Чарнел-хаус… Дом, который ты никогда не сможешь продать.

Плотнее запахиваю халат. Кай загнал меня в угол.

Но потом вспоминаю о Пейдж и о том, как она в свое время пыталась привлечь внимание к поведению моего отца. Но учителя ее не слушали,

потому что, как и все в Хэвипорте, не желали знать правду.

С вызовом вскидываю подбородок:

— Ты же понимаешь, что тебе никто не поверит. Этот город годами отказывался видеть отца таким, каким он был в семье. И у тебя нет доказательств.

Кай цыкает на меня и уверенно заявляет:

— А вот тут ты ошибаешься. — Он прислоняется к стене и, как ковбой из кино, засовывает большие пальцы за пояс джинсов. — Я прочитал твою новую книжку.

Ничего не понимая, вглядываюсь в его лицо. Как он вообще мог узнать о том, что я снова пишу?

— История, конечно, душераздирающая, но весьма поучительная.

То есть Кай нашел файл с рукописью в моем ноуте? Но он не мог получить доступ без моего ведома… Если только… Я прикрываю рот ладонью — этот файл я послала своему агенту.

— Ты… взломал мою почту?

Кай чуть склоняет голову набок и плотно сжимает губы.

Потом признает:

— Да. — Он тычет в меня пальцем. — Но сделал

я это, Бек, только потому, что ты мне небезразлична. Потому что считаю, что искренность и честность — основа любых отношений.

Честность? Серьезно? То есть честность — это когда ты не говоришь женщине, которую трахаешь, что раньше по ночам пробирался в дом ее родителей и наблюдал за тем, как она спит?

– Суть в том, что я мог бы, недолго думая, сбросить твои коротенькие воспоминания на почту баронессы, и тогда твой карточный домик рассыпался бы на раз-два. Ни продажи, ни денег, прощай комфортная жизнь, здравствуй нищета. — Кай складывает ладони перед лицом, и глаза у него при этом светятся, как будто озарение снизошло. — Но у меня есть идея получше, гораздо лучше.

Кай приближается на дюйм, я пытаюсь отступить, но некуда — за спиной перила.

— Мы с тобой особенные, ты и я. Признай, что это так. — Он машет рукой в сторону кухни. — То, что совсем недавно было на том столе, это было настоящим. И ты тоже это почувствовала, я знаю, нутром почувствовала. — Кай прижимается ко мне и просовывает колено между моих ног. — Мы с тобой чертовски взрывоопасная парочка.

У меня начинает трястись голова, как будто я

маленькая девочка в кабинете у доктора и этот доктор вот-вот всадит в меня шприц с длиннющей, толстенной иглой.

— Нет. Нет, нет…

Кай подносит палец к моим губам, и я сразу умолкаю.

— Мы продадим Чарнел-хаус и твою лондонскую квартиру, ты переедешь сюда, ко мне, а потом мы поженимся, нарожаем прекрасных детишек и заживем нормальной счастливой жизнью. И мы забудем наших отцов, этих ублюдков, мы их забудем, а значит, победим, потому что не позволим им испортить нам жизнь. Понимаешь? Мы их победим.

И в этот момент, как бы жутко и странно это ни прозвучало, но в эту секунду я чувствую к нему влечение, пусть скоротечное, но вполне похожее на то, что я испытала при нашей первой встрече в «Рекерс».

В результате во рту появляется привкус желчи.

Я тяжело сглатываю.

— Нет. Я не стану… Ты должен меня отпустить…

— Но, Бек, у тебя больше никого нет. — Кай улыбается, как будто щерится, и я понимаю, что терпение у него на исходе. — Твои родители

умерли, — говорит он, едва ли не касаясь губами моей щеки. — О дружбе с Линн после того, что случилось, можешь забыть. Так что у тебя остался только я, я тебе нужен.

Отворачиваюсь, но сбежать не могу; теперь его мускусный запах вызывает у меня отвращение, а то, как твердеет его член, — тем более.

Его голос понижается до шепота:

— Годы назад, темными ночами, когда тебе было страшно и мерещилось всякое, я был там. Был рядом, под кроватью, на кровати, я обнимал тебя. — Теперь кончики его пальцев пробегают вверх по моему бедру, словно лапки безволосого тарантула. — Ближе меня у тебя никого нет, я — твоя семья.

Кровь шумит в ушах, едва слышу свой сдавленный всхлип.

Я не могу с ним здесь остаться. Ни за что. Даже если он действительно настроен переслать мою работу Надии, даже если он меня разорит и я все потеряю. Но что же мне делать? Попробовать ему подыграть, а потом бежать со всех ног? Или лучше подождать, пока он уснет, и только после этого попытаться ускользнуть из дома?

Оставаться здесь нельзя хотя бы потому, что я ему больше не верю. Да, он сказал, что не причи-

нит мне боли, но это неправда… потому что это сидит в нем. Это заложено в его ДНК. Я уверена, ведь прошлым вечером сама это почувствовала, когда, сжав кулаки, стояла на коленях над Пейдж и жаждала ее крови. Я хотела причинить ей боль, заставить страдать.

Грехи наших отцов.

— Время ложиться спать, Бек, — говорит Кай и крепко сжимает мои пальцы. — Не против, если мы запрем все двери и окна… просто на всякий случай?

Стою на пороге спальни Кая и чувствую за спиной его присутствие.

Первым делом смотрю на прикроватный столик.

— А где… мой телефон?

Он дышит мне в затылок.

— Тебе сейчас телефон не нужен. — Он жестко нажимает кончиками пальцев мне на позвоночник. — Входи уже.

Шаркая, иду к кровати, Кай подталкивает меня, и я чуть ли не падаю на матрас. Вцепляюсь в простыни, перемещаюсь к дальнему краю и там замираю полусидя-полулежа, совсем как испуганная несовершеннолетняя невеста.

— Не хочешь снять халат? — предлагает Кай,

расстегивая джинсы.

Я хватаюсь за узел на пояске халата.

— Так теплее…

— Ну, как знаешь. — Кай отбрасывает свою одежду в угол комнаты, связку ключей прячет под подушку, а сам проскальзывает под одеяло. Кровать стонет под его весом. — И конечно, если захочешь согреться, для этого есть один очень эффективный способ.

Несколько раз сглатываю, чтобы побороть панику, потом с притворной небрежностью пожимаю плечами.

— Может, утром? Я слишком устала.

В полумраке вижу, как он щурится.

— Ага. Утром.

Опускаю голову на подушку; не хочу менять положение, боюсь даже случайно к нему прикоснуться.

— Приятных снов, — говорит Кай и закрывает глаза.

— И тебе.

Спустя еще пару минут его дыхание замедляется, становится ровным и спокойным. Сама лежу на спине и смотрю широко открытыми глазами в потолок, на котором пляшут тени раскачивающихся в своем ночном танце деревьев.

Надо набраться терпения и ждать.

Буду ждать сколько потребуется, а когда он заснет — сбегу. Я найду выход. Да, он сильнее меня, но у меня будет преимущество, и я буду бежать и не остановлюсь, пока его дом не исчезнет из виду… пока он не исчезнет.

И если это сломает мою жизнь, что ж, так тому и быть.

— Кстати, у меня инсомния[23], — говорит Кай, и я застываю, вытянув руки вдоль боков. — То есть я хочу сказать, когда мы раньше делили кровать, я практически вообще не спал, просто лежал и слушал твое дыхание.

«Все спят, — в отчаянии думаю я. — Он все равно уснет, и тогда я…»

— И даже когда сплю, — продолжает Кай и чуть меняет положение, — просыпаюсь при малейшем звуке. При малейшем… звуке…

Я не отрываясь смотрю на раскачивающиеся на потолке тени, и мне почему-то кажется, что они раскачиваются все быстрее, словно подстраиваются под мой участившийся пульс.

— А теперь спи спокойно, Бек, — говорит Кай и похлопывает по простыне рядом с собой.

---

[23] Примечания: 23
Инсомния — расстройство сна.

Не знаю, как долго лежу без сна.

Время идет, но у меня нет телефона, а в комнате нет часов, во всяком случае, я их нигде не вижу. Знаю только, что в доме темно, а на улице тихо.

Дыхание Кая спокойное, я бы даже сказала — умиротворенное, и, когда я к нему поворачиваюсь, чувствую, как меня изнутри согревает конкретно на него нацеленный гнев.

Не такой уж ты инсомник, как я погляжу.

Да, у меня появился шанс, и надо попробовать им воспользоваться.

Вытягиваю руку вперед, чтобы сохранить равновесие, и медленно поднимаюсь, будто разводной мост. Но прежде чем успеваю выпрямиться, Кай хватает меня за халат, и я тут же замираю.

— Мы прекрасно проведем время, — довольным сонным голосом говорит он.

Я поворачиваю голову, смотрю на него выпученными глазами, а он как будто усиливает хватку, и у меня мурашки бегут по коже.

Глаза у него закрыты, он безмятежно и сладко улыбается.

— Она танцует на солнце, — монотонно продолжает Кай и тихо хихикает. — Красуется перед другими мужчинами…

Это он во сне разговаривает?

— Мы прекрасно проведем время, — повторяет Кай.

Я, скованная его железной хваткой, снова ложусь рядом с ним, и глаза мои наполняются холодными, лишенными всяких эмоций слезами.

Мне от него не сбежать.

Я не могу сбежать из этого дома.

34

Мои глаза открыты.

Надо мной нависает его бледное лицо, и все мышцы от ужаса сводит судорога.

Не делай мне больно. Прошу, только не бей.

Но когда мой мозг просыпается, я понимаю, что лежу на боку лицом к Каю, и плечи сразу расслабляются.

Глаза его закрыты, дыхание спокойное, горловое.

Похоже, мы оба в какой-то момент заснули.

Мочевой пузырь у меня переполнен до рези в паху. Смотрю за Кая на открытую дверь в спальню. Туалет прямо за стенкой.

Миллиметр за миллиметром сдвигаю ноги к краю матраса, стараюсь двигаться так, чтобы случайно не натянуть одеяло, и постоянно по-

глядываю на Кая. Он неподвижен, и лицо у него безжизненное, как восковая маска.

Как только ступни касаются холодного пола, встаю и осматриваюсь по сторонам в поисках телефона. Который час, я не знаю, но кто-то же в этом городе может еще бодрствовать? Линн или Надия. Полиция.

Прищурившись в синеватом полумраке, оглядываю прикроватный столик и стеллажи. Кай, наверное, спрятал оба наших телефона, когда я сама пряталась в чулане. Наверняка он уже тогда понял, что я ему не доверяю. Но куда же он их спрятал?

Здесь внизу темно, Беккет.

Перевожу взгляд на кровать, вернее, на пол у кровати.

Годы назад, когда тебе было страшно… я был там… под кроватью…

Не сводя глаз с Кая, опускаюсь на колени, упираюсь руками в пол и становлюсь на четвереньки. Теперь Кая не видно, но делать нечего. Приподнимаю край прохладного одеяла.

Внизу темно, но я все же могу разглядеть пару шлепанцев, скатанные в шарик носки и теннисную ракетку. А чуть дальше различаю в темноте обувную коробку без крышки.

Протягиваю туда руку и задерживаю дыхание. Нащупав край коробки, приподнимаю ее и осторожно, чтобы не греметь содержимым, вытаскиваю.

По телу пробегает нервная дрожь.

Внутри, помимо разных непонятных для меня трофеев Кая, рядом с его «самсунгом» лежит мой мобильный. Поднимаю коробку и приглядываюсь. Замечаю в углу комочек кружевного голубого хлопка. Это… мои трусики?

Вспоминаю, как сама сорвала их и бросила на пол в кухне, а Кай крепкими руками приподнял меня и усадил на кухонный стол.

Значит, он вечером, перед тем как мы поднялись в спальню, прихватил их, а потом спрятал в эту коробку.

А вот и другие трофеи: надорванный пустой пакетик из-под сахара из кафе «На берегу»; тамблер, из которого я пила виски вечером в субботу, он его даже не ополоснул; потемневшая долька лайма со следами зубов на высохшей мякоти.

От одного только прикосновения к скомканным трусикам у меня внезапно сводит живот, и я бросаю их обратно, как какое-то омерзительное дохлое насекомое.

Кай, стоило мне вернуться домой, то есть со дня

нашей первой встречи, начал охоту за мной, и все эти вещи были его трофеями. Он что-то бормочет во сне, и меня словно ледяная игла пронзает.

С опаской приподнимаюсь и смотрю на Кая.

Он все еще спит.

Мочевой пузырь вот-вот лопнет; плохо соображая от рези в паху, засовываю обувную коробку обратно под кровать, хватаю свою одежду со спинки стула и, крепко сжимая в руке мобильный, крадучись выхожу из спальни.

Не думай об этой коробке.

Не думай о Кае.

Подоткни одеяло плотнее, мама.

Поднимаю руку, чтобы толкнуть дверь в ванную комнату, и замираю.

Дом викторианский, дерево старое и сухое, значит действовать надо обдуманно, любой тихий скрип может его разбудить.

Когда открываю дверь, она почти не скрипит, но когда локтем закрываю ее за собой, скрежещет, как крышка гроба в каком-нибудь хорроре. Замираю на месте и таращу от ужаса глаза.

В спальне тихо.

Выждав десять секунд, подхожу к унитазу, предусмотрительно бросаю на воду сложенную в несколько слоев туалетную бумагу и медленно

опустошаю мочевой пузырь. Наконец с облегчением вздыхаю. Потом включаю мобильный и кладу его на бачок; пока он оживает, сбрасываю халат и быстро одеваюсь.

Время — 6:15 утра.

Линн, 2:28: Знаю, ты не хочешь получать от меня смс и звонки, но я ничего не понимаю. О каких рисунках речь? Те рисунки не мои.

Линн, 3:08: Я не должна была красть твой дневник. Мне так плохо, Беккет. Я просто хочу быть твоим другом. Прошу, прости меня.

Линн, 3:47: Прошу, прости.

У меня сжимается сердце. Она там, наверное, с ума сходит.

Слышу какой-то шаркающий звук и вскидываю голову, как почуявший опасность олень. Что это? Водопроводные трубы в простенках? Или я его все-таки разбудила?

Теперь нельзя терять ни секунды.

Телефон у меня, но стена между ванной и спальней слишком тонкая, так что звонить рискованно, тем более при слабом приеме.

Если выйду из ванной, эта дверь может снова заскрипеть, да так, что мертвого разбудит, и на этот раз мне вряд ли повезет.

Вспоминаю про связку ключей у Кая под по-

душкой. Вечером он провел меня по всему дому, с церемонным видом закрыл парадную и заднюю дверь, а также все окна, в которые мог бы протиснуться человек. Но запер он все только на первом этаже. Наверное, решил, что я не настолько сумасшедшая, чтобы попытаться бежать из дома, воспользовавшись одним из окон наверху.

Пройдя через ванную, выглядываю в окно с грязными стеклами. Вид открывается такой, что аж дурно становится.

Сколько до земли? Шесть метров? Семь?

Но потом замечаю примыкающую к стене теплицу. Слегка наклонная крыша находится на полпути от окна ванной до земли. Если получится перебраться на ту сторону, повиснуть и опустить ноги на металлическую балку между стеклянными панелями, тогда останется только сохранить равновесие и по-паучьи спуститься на землю.

Оглядываюсь через плечо на дверь ванной.

Сейчас или никогда.

Поднимаю окно, просовываю одну ногу наружу и практически сажусь на подоконник верхом. Холод тут же проникает в джинсы. Потом, низко пригнувшись, пролезаю наружу так, что внутри остается только моя правая нога.

Теперь главное — не смотреть вниз.

И смотрю вниз.

Чтоб меня.

До восхода еще больше часа, но того, что я вижу, достаточно, чтобы понять, чем все закончится, если облажаюсь на этом отрезке дистанции.

Просунув и правую ногу в окно, умудряюсь встать на карниз на одно колено, а сама под углом тянусь к крыше теплицы.

Вертикальный пластиковый желоб и несколько выступающих из дома труб служат неплохими опорами для рук и ног. Спустя десять-пятнадцать нервных секунд мне удается дотянуться ногой до края крыши теплицы. Но вторая при этом еще цепляется за выступ наверху.

Несколько раз надавливаю ногой на металлическую конструкцию. Вроде прочная, но это еще не значит, что она выдержит мой вес.

Большие стеклянные панели зеленые от плесени, и по ним словно варикозные вены во все стороны расползаются волнистые трещины.

Ладно, обратного пути все равно нет.

Раз, два, три…

Отпускаю карниз… И холодные пальцы Кая хватают меня за запястье.

35

Смотрю вверх и вижу в окне его силуэт. Хватка у него крепкая, он выворачивает мне запястье так, что кожа начинает гореть.

И я принимаю решение.

Это последний раз, больше ты ко мне никогда не прикоснешься.

Собравшись с последними силами, выдергиваю руку. Кай от неожиданности не может удержать равновесие и ударяется лбом об оконную раму. Громкий треск, он исчезает, а я падаю на крышу теплицы.

Следующий звук, который я слышу, похож на треск ломающегося льда.

Блэкаут.

Мир вокруг темно-серый в крапинку.

Слышу собственный тихий стон.

Где я?

С закрытыми глазами шарю руками справа и слева от себя. Какие-то твердые и холодные плиты — песчаник? Из чего следует, что я снаружи.

Спина у меня изогнута, я лежу на каком-то пригорке, но он не такой твердый, как камень, что и смягчило мое падение.

Падение?

Чувствую укол от осколка стекла, распахиваю глаза и теперь уже ощупываю себя. Память возвращается.

Падая, я разбила стеклянную крышу теплицы и приземлилась на этот пригорок.

Кай был наверху. Я вырвалась, он сильно ударился лбом о раму и… может, вырубился? Или уже в следующую секунду очухался и вскочил на ноги?

Значит, вот прямо сейчас он, закипая от злости, может спускаться за мной вниз.

Так, надо выбираться отсюда.

Стиснув зубы, сажусь и едва не кричу от боли. Смотрю вниз. Глаза лезут на лоб. У меня из живота торчит и чуть подрагивает осколок стекла.

— Черт! — восклицаю я сдавленным шепотом.

Тупо смотрю на длинный блестящий осколок и не могу поверить своим глазам. Потом доходит: он, должно быть, оторвался от стеклянной крыши, когда я уже приземлилась в теплице, и, упав, вонзился в меня, как дротик.

Но что удивительно, боли я совсем не чувствую, как будто моя нервная система понизила болевой порог до минимума, потому что реальную физическую боль мой организм уже не сможет

вынести.

Делаю глубокий вдох сквозь зубы и, удерживая равновесие на неровной поверхности, стараюсь трезво оценить ситуацию. Осколок, похоже, вошел неглубоко, так что я смогу самостоятельно его вытащить.

Быстро оглядываюсь по сторонам, замечаю неподалеку большой лист капустного цвета и, чтобы не порезаться, оборачиваю им осколок. Держу ухо востро — нельзя прозевать топот Кая внутри дома, — сжимаю стекло в руке, зажмуриваюсь и тяну.

Из горла вырывается какой-то первобытный рык, по щекам текут слезы. Отбрасываю осколок с кроваво-красным острием в сторону и слышу, как он с тихим звоном падает на каменную плиту.

Рана кровоточит, но не сильно, — в общем, от потери крови точно не умру.

Но если этот осколок меня не убил, то Кай еще может.

Прикусив губу, скатываюсь с похожего на жесткую подушку пригорка — это оказывается мешок для выращивания — и, стоя на четвереньках, перевожу дыхание. На каменной плите подо мной появляются темные капли крови. Зажимаю рану ладонью.

Главное, чтобы, как это говорят, жизненно важные органы не были задеты.

Но что это?

Вскидываю голову.

Скрип шагов на лестнице?

Все, надо бежать.

Спящие переулки в предрассветный час лилово-голубые. Прижав ладонь к животу, босая мчусь по мокрому от грязи и колючему от гравия и песка тротуару. Дома темные, на бегу замечаю только пару освещенных окон.

Ленточная застройка на восточной окраине Хэвипорта для меня словно погруженный во мрак замок. Половина домов заброшены, парадные двери разрисованы граффити.

Ускоряю шаг.

Надо быстрее попасть в ту часть города, что за мостом. Там безопаснее, и я наверняка смогу найти хоть кого-то, кто не спит. В такой час некоторые горожане уже выходят из дома на работу, очищают на подъездных дорожках свои машины от образовавшейся за ночь изморози.

Смотрю на мобильный: полоска сигнала исчезла. Голова кружится, сначала быстро, а потом резко перестает, как будто кто-то крутит лототрон. Перед глазами мелькают картинки с

острыми осколками стекла и кровоточащей раной в моем животе. Накатывает слабость. Ноги и руки становятся как будто невесомыми.

Пытаюсь понять, в каком направлении иду.

И выйду ли я так к мосту?

Дорога становится круче; круче, чем следовало бы. Я перестала следить за временем, но прошла, должно быть, прилично, потому что район Кая давно остался позади, а я уже не бегу, а бреду, пошатываясь, как пьяная. И даже не знаю, сколько еще смогу двигаться вперед. Болевой порог пришел в норму, теперь у меня в животе словно рыболовный крючок, за который кто-то то и дело дергает.

Осматриваюсь и не могу понять, почему я еще не на мосту? И почему воздух становится холоднее?

Останавливаюсь и упираюсь руками в колени. Вокруг меня при тусклом свете появляются знакомые очертания. Столб ограждения, перелаз. Неровные живые изгороди, уходящие вдаль черные поля.

Поняв, что выбрала неверное направление, в отчаянии зажимаю рот ладонью.

Железнодорожный мост ниже по склону холма, до него отсюда минут десять ходу, не меньше.

Ну конечно, я в спешке выбрала не тот переулок, а дальше меня вели помутившееся сознание и обезвоженный мозг. В горле пересохло, даже сглотнуть не могу. По телу расползается слабость. Теперь понимаю, что кровотечение не останавливается.

Можно повернуть обратно к мосту, но что, если снова на какой-нибудь развилке сверну не в том направлении? Что, если от слабости вообще не смогу идти дальше или, того хуже, потеряю сознание? Нельзя, чтобы он нашел меня в таком состоянии. Он вообще не должен меня найти.

Смотрю на голые черные поля и вспоминаю о заброшенном маяке, одиноко стоящем на продуваемом всеми ветрами обрыве.

И слова Линн: «В детстве он был нашим секретным убежищем».

Ее мечтательный голос звучит у меня в голове: «Там на самом верху в старой диспетчерской есть люк; если закрыть его на засов, до тебя никто не доберется».

Где-то на дороге у меня за спиной слышны тихие, размеренные звуки. Напрягаюсь так, что даже обернуться не могу.

Шаги.

Так ни разу и не оглянувшись, добираюсь до

перелаза, поднимаюсь по расшатанным ступенькам и спрыгиваю на траву по другую сторону изгороди.

Гроза взрыхлила землю, как ребенок, заигравшийся с картофельным пюре. Из последних сил бреду по полю, заледеневшие комья земли больно впиваются в мои нежные подошвы.

Позволяю себе оглянуться. В тусклом свете сложно разглядеть что-то, кроме изгородей, но если те шаги были его, значит расстояние между нами сокращается и скоро он меня нагонит.

Продолжаю взбираться по склону.

Когда рельеф поля выравнивается, убираю липкую ладонь от живота и с шипением втягиваю воздух сквозь зубы. На пальцах свежая кровь. Не останавливаясь, достаю из кармана мобильный, проверяю сигнал — одна мерцающая полоска.

Набираю сначала службу спасения, потом Линн, но вызовы обрываются, прежде чем мне успевают ответить.

Одной дрожащей рукой набираю несколько сообщений с неизбежными опечатками.

линн. это беккет, я в беде. кай преследует

я у старого маяка. пожалста приходи

мне надобежать. звони в полицию. прходи на маяк

Когда вижу на экране ее имя, слезы на глаза наворачиваются, но я не позволяю себе расклеиться. Нет никакой гарантии, что она увидит мои смс в ближайшее время. Она вообще, может, еще спит.

Надо найти решение получше.

Подняв голову, вижу на горизонте куполообразную крышу маяка и сразу чувствую прилив энергии. Сейчас все, что мне нужно, — это высота.

Как только выхожу на плоскую равнину за полем, ветер бросается мне навстречу, как истосковавшийся старый друг.

Прямо передо мной — мрачный и гладкий Ла-Манш, а справа на фоне неба — силуэт старой, потрепанной временем башни маяка.

Наплевав на боль, ускоряю шаг, а потом уже бегу трусцой, оглядываясь на ходу по сторонам.

Что-то здесь изменилось и кажется каким-то неправильным. Такое же чувство возникает, когда подходишь к своему дому и еще издалека видишь на подъездной дорожке чужую машину. Но времени разбираться с этими своими ощущениями у меня нет, и я просто больше об этом не думаю.

У открытого дверного проема, опираясь рукой на потрескавшийся косяк, позволяю себе переве-

сти дух и наконец переступаю через порог.

Вытянув шею, смотрю наверх. Красивая, но, увы, доживающая свой век винтовая лестница уходит вверх, подобно спиралям гигантской морской раковины.

Как только я ступаю на первую ступеньку, давно похороненные воспоминания всплывают на поверхность.

Мы с Линн, запыхавшиеся и смеющиеся, с подпрыгивающими за спиной ранцами врываемся на маяк.

Наперегонки к вершине…
Беккет! Подожди, не так быстро…

Продолжая зажимать рану ладонью, уверенным шагом поднимаюсь наверх, иногда переступаю через ступеньку.

Звук моих шагов эхом отражают сужающиеся стены башни. Чем выше поднимаюсь, тем громче и злее шипит ветер, словно затягивает вокруг маяка тугие воздушные петли.

Наконец, совершенно отупевшая от усталости, добираюсь до перфорированной металлической площадки наверху лестницы. Отрывисто кашляю, хватая ртом воздух, прислоняюсь к перилам и сдуру смотрю вниз. Высота такая, что жутко

становится.

Да, если что, падение будет долгим.

Отвернувшись от перил, оказываюсь прямо перед приставной лестницей, которая ведет к открытому люку.

Еще немного, и я смогу спрятаться в нашем убежище. Главное — добраться туда, пока не вырубилась.

С нижней площадки доносится громкий голос:

— Бек!

У меня внутри все сжимается.

Те шаги на дороге… это был он.

36

— Бек… какого черта…

Его голос с мелодичным акцентом островитянина, отражаясь от стен, поднимается наверх.

Воспоминаю его сильные пальцы, когда он схватил меня за запястье, и широко открытые глаза, когда смотрел в чулан через пробитую кувалдой щель, и меня словно парализует. Но длится это всего пару секунд, потом я вспоминаю, зачем и почему забралась на такую высоту, и мои мышцы снова оживают.

Осторожно, чтобы Кай не услышал звук моих шагов по металлической площадке, подхожу

к приставной лестнице, поднимаюсь и через открытый люк влезаю в небольшое круглое помещение. Здесь полно разных циферблатов, переключателей и вентилей, а по стенам, словно пучки спагетти, свисают связки проводов. Дверь одна, и выходит она на внешний балкон, там еще одна приставная лестница; эта, понятно, ведет к фонарю, но я уже поднялась достаточно высоко и подниматься туда — только силы зря расходовать.

— Теперь не убежишь. — Голос у Кая срывается, но в нем чувствуется веселость, и это напрягает; похоже, он уже преодолел треть лестницы. — Черт… гребаные… ступеньки.

Я, широко расставив ноги, стою над люком и хорошо слышу, как он, продолжая чертыхаться, ускоряется, и от этого у меня по спине мурашки бегают, словно мерзкие паучки.

В голове звучит тихий голос Линн: «Там до тебя никто не доберется».

Опускаюсь на колени на пол из листового металла. В животе словно шестеренка с острыми зубцами вращается. Сморщившись, осторожно опускаю тяжелый люк, удерживая его за рукоятку двумя руками, пока он с тихим щелчком не встает на место. Сразу задвигаю внушительный

засов и на всякий случай один раз тяну люк на себя. Все в порядке.

Несколько секунд, чтобы перевести дух, стою на четвереньках над люком и понимаю, что криво улыбаюсь.

Попробуй пробить своей кувалдой такое, придурок.

Кай снова меня зовет, но теперь его голос вместе с эхом звучат приглушенно.

Тяжело поднявшись на ноги, выхожу на балкон вдохнуть свежий морозный воздух и берусь за перила. Высота действует на меня, как рюмка ледяной водки.

Море, небосвод… Эти перспективы невозможно охватить взглядом; с наступлением рассвета знаменитые красные скалы отливают золотом.

Вид настолько завораживает, что я на время забываю, зачем здесь, и любуюсь им, словно туристка, посетившая с экскурсией маяк Хэвипорта.

Встряхнувшись, достаю из кармана мобильный. Все полоски на месте. Телефон пищит и вибрирует, сообщая о шести пропущенных звонках Линн. Она там наверняка с ума сходит от беспокойства, но сначала я должна поднять тревогу.

Девять-девять-девять.

Даже не верится, что я снова набираю этот номер.

— Экстренная помощь, с какой службой вас соединить?

— С полицией, пожалуйста.

— Соединяю.

Прикусив губу, оглядываюсь через плечо.

Когда Кай доберется до люка? Через пару минут, может, даже меньше.

Но я ведь надежно его закрыла?

— Полиция. Что у вас случилось?

Много чего, выбор широкий.

— Я… За мной гонятся… Преследуют…

Слышу щелчки клавиатуры, и фоном разговоры операторов с другими попавшими в чрезвычайную ситуацию людьми.

— Где вы находитесь?

Я совершенно не к месту усмехаюсь:

— Это покажется странным, но…

И тут я слышу металлический лязг. Слова застревают в горле. Кай добрался до люка.

— Алло? Мэм?

Опускаю телефон — голос оператора становится тихим и каким-то металлическим; обернувшись, в ужасе смотрю, как дрожит и подпрыгивает люк,

словно получает снизу мощные удары током.

— Бек, Бек, это я, — зовет Кай.

— Мэм, вы слышите меня? Мэм? — пытается поддерживать связь оператор.

А я, выпучив глаза, смотрю на судорожно подскакивающий люк и не могу сдвинуться с места.

Надо ответить, но нельзя, чтобы Кай меня услышал.

Голос оператора звучит все настойчивее:

— Алло? Где вы находитесь?

— Открой, Бек. Я знаю, что ты там.

Крадучись возвращаюсь в диспетчерскую. Кровь шумит в ушах. Подхожу к люку и смотрю на засов; он ни на миллиметр не сдвинулся, люк закрыт надежно.

Кай смеется, но смех у него какой-то натужный.

— Знаешь, пробежка выдалась на славу, я за весь год столько не бегал… Черт… Думал, инфаркт хватит. Ну давай, Бек, спускайся уже.

Я стою всего в нескольких сантиметрах от люка, в одной руке — мобильный, вторую сжала. Кулак трясется от напряжения.

Кай снова, наверняка двумя ладонями, бьет по люку. Засов дребезжит, но остается на месте.

А потом он натурально рычит, как зверь, и

продолжает:

— Чтоб тебя, Бек… Хватит… — Снова удар двумя ладонями по люку. — Знаешь, Линн ведь рассказала мне об этом месте. Рассказывала, как вы постоянно сюда приходили, когда мелкими были. Прятались тут… — Он кашляет и переводит дыхание. — Так что я знаю, что ты там, и я до тебя все равно доберусь. Лучше просто открой люк, и дело с концом.

Если Кай видел, как я поднимаюсь по склону, тогда знает, где я прячусь. А если ему просто повезло, что он из нескольких вариантов преследования выбрал верный — к скалам и маяку, — тогда, чтобы он там ни говорил, он не может быть уверен в том, что я здесь.

Он не уверен.

И значит, теперь все зависит от того, кто сломается первым.

— Знаешь ты кто, Бек? Знаешь? — Голос Кая понижается до прерывистого шепота. — Ты тупая… гребаная… шлюха. Слышишь меня? Грязная потаскуха.

Я закрываю глаза и делаю медленный вдох.

Он не сможет пробить прочную сталь.

— Обещаю, я не сделаю тебе больно. — Голос Кая неожиданно становится нежным, как теплое

молоко. — Я никогда не причиню тебе вред, Бек. Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю. Прошу… прошу тебя…

Теперь его речь звучит невнятно, он давится словами и при этом поскуливает, как раненая бродячая собачонка.

Он… плачет?

— Прошу… прошу, поговори со мной… — Люк чуть подрагивает, как будто Кай слабо толкает его одной ладонью. — Открой, Бек. Ну хватит. Если не откроешь, я… — Люк дребезжит громче. — Если не откроешь, я пойду туда… пойду туда и брошусь с обрыва. Ты не думай, я правда сброшусь. Прошу, пожалуйста… открой…

Люк уже не дребезжит, а лязгает и гремит, а Кай вопит как одержимый:

— СПУСКАЙСЯ, ТУПАЯ ШЛЮХА! СПУСКАЙСЯ, ИЛИ Я ВЫРВУ ТВОЮ ГРЕБАНУЮ ГЛОТКУ, БЕССЕРДЕЧНАЯ СУКА! Я УБЬЮ ТЕБЯ И ВЫБРОШУ В МОРЕ, ТЫ, КУСОК ДЕРЬМА!

Лязг стихает, дыхание Кая становится прерывистым.

Я понимаю, что стою, прижавшись к стене диспетчерской, и вот-вот разревусь.

Это не тот молодой мужчина, с которым я познакомилась в тихий пятничный вечер; не тот

певец и автор песен, от голоса которого у меня замирало сердце; не тот мужчина, который пил со мной виски и внимательно слушал, когда я делилась с ним своими секретами, буквально изливала ему душу; не тот, в кого я влюбилась.

Сейчас в нем говорит его отец.

Слышу удаляющиеся шаги. Кай спускается по приставной лестнице и спрыгивает на площадку из перфорированного листового металла, а потом начинает спускаться по винтовой лестнице.

Он действительно уходит.

Вернувшись на балкон, сажусь, поджав ноги, на пол возле перил и проверяю свой мобильный.

Экран пустой, должно быть, случайно сбросила звонок, когда заходила в диспетчерскую. Набираю номер экстренного вызова по второму разу и с механическим спокойствием, как актер, репетирующий давно выученную сцену, повторяю все сказанное в первый раз.

— Вы сказали, что вас кто-то преследует?

Смотрю в проем между перилами. Из-за горизонта уже начинает выглядывать бледно-желтое холодное солнце.

— Да… вроде того. И он… он опасен. Я думаю, он сходит с ума.

— Мне нужны ваши координаты. Вы сейчас в

безопасном месте?

— Я на заброшенном маяке… на том, что в конце линии Шоттс, за полем. Я на балконе, но я… я закрыла люк на засов. Так что да, я в безопасности.

Оператор печатает.

— Вы знаете того, кто вас преследует?

Думала, что знаю.

— Мы… друзья, кажется. Он, он хотел причинить мне вред, но не смог сюда подняться, так что… я не знаю.

Собираюсь с духом и смотрю вниз. От головокружения тошнота подкатывает к горлу; качество картинки меняется, как будто я смотрю в объектив с постоянно изменяющимся диаметром диафрагмы.

Но я запрещаю себе отворачиваться, потому что теперь в любую секунду из маяка может выйти Кай.

— Оставайтесь на месте, мисс Райан. Направляем к вам наших офицеров.

— Только поторопитесь, хорошо? Мне кажется, он собирается совершить нечто безумное. Я думаю…

И тут у меня появляется дурное предчувствие, и по всему телу начинают бегать мурашки.

Оператор прочищает горло.

— Мисс Райан?

Нервные окончания, как оголенные провода под кожей.

— Да?

— У вас все в порядке?

— Все… хорошо, — отстраненно говорю я. — Я в безопасности. Просто приезжайте побыстрее.

— Офицеры скоро будут у вас. А сейчас я собираюсь повесить трубку. Вы не против? Или хотите еще что-нибудь сообщить?

— Нет, не против, спасибо.

Уронив мобильный на мокрый пол балкона, наклоняюсь вперед и с бешено колотящимся сердцем внимательно осматриваю небольшой участок далеко внизу.

Вспоминаю, как, поднимаясь к маяку, почувствовала что-то неладное, но тогда так и не поняла, в чем дело. А теперь с высоты могу увидеть, что именно изменилось на том участке у обрыва.

Предупреждающий об оползнях знак, который и так был покосившимся, лежит на мокрой траве, видимо из-за шторма в понедельник. Так что теперь тому, кто придет сюда в первый раз, как Кай, и в голову не придет, что его жизни угрожает опасность.

Но не эта перемена напрягла меня, когда я сегодня поднималась к маяку.

Вчера утром, когда мы с баронессой случайно встретились в кафе «На берегу», она упомянула о том, что из-за шторма по всему побережью случилось множество оползней.

И вот теперь, глядя вдоль обрыва, я понимаю, как сильно изменилась волнистая линия его кромки. Когда я пришла к обрыву развеять прах родителей и столкнулась здесь с Линн, эта линия возле знака была выгнутой, сейчас она, наоборот, вогнутая. Исчез без следа огромный ломоть поросшей травой земли, как будто мифический гигант поднялся из моря, откусил кусок от скалы и был таков.

И это наверняка произошло в течение последних тридцати шести часов.

И берег после шторма, как и предупреждала Надия, все еще может быть неустойчивым.

«Однажды какой-нибудь местный парнишка, или девчонка, или пьянчужка, или просто кто-то не совсем в своем уме обязательно пройдет мимо нашего знака, край скалы обвалится и несчастный рухнет на камни в море» — так она сказала.

Сердце у меня замирает, как будто кто-то ударил кулаком в грудь, я встаю с пола, и на меня

сразу налетает порывистый ветер. И в эту секунду у подножия маяка материализуется Кай. Быстро идет по траве, как мышка, вынырнувшая из своей норки, и направляется прямиком к обрыву.

— Кай! — кричу я, но из-за сильного ветра сама себя еле слышу. — Кай! Не ходи туда!

Порыв ветра проносится по балкону и едва не сбивает меня с ног. Я крепче вцепляюсь в перила и снова кричу:

— Ка-а-ай!

Все без толку. Я слишком высоко и слишком далеко от Кая, и мало того что у меня голос ослаб от стресса и бессонной ночи, так еще и ветер уносит мои крики в противоположную от него сторону.

Кай, то и дело спотыкаясь, быстро идет к обрыву. Подойдя к самому краю, останавливается и смотрит на море. Ветер треплет его волосы.

А я трясу головой и отступаю к стене, не в силах смотреть на это.

Но тут Кай поворачивается к маяку и замечает меня на балконе. Он начинает размахивать руками и что-то кричит, совсем как потерявшийся на ярмарочной площади ребенок. А я машу ему, чтобы он отошел от края обрыва, но он остается на месте. Стоит, сжав кулаки, по стойке смирно и кричит.

Я, естественно, не могу разобрать его слов, но мое воображение делает эту работу за меня.

У меня в голове звучит голос Кая так, будто я стою совсем рядом с ним там, на краю обрыва. И он шепчет мне в ухо: «Я прыгну, Бек. Я умру, и смерть моя будет ужасной, и виновата в этом будешь ты. Мое тело разобьется об острые камни, его разорвет на куски и унесет в море, и все из-за тебя. Прощай, Бек. Хороших тебе снов в темноте».

И вот тогда земля уходит у него из-под ног.

Это похоже на короткий рывок вниз, так дразнят посетителей парка развлечений на аттракционе «свободное падение», прежде чем реально послать в это самое падение.

Небольшой участок земли, на котором стоит Кай, резко опускается где-то на полметра и останавливается. Кай оборачивается, наклоняется и хватается за голову.

Даже издалека я могу прочитать этот язык тела.

Он не собирался бросаться в море с обрыва.

Он был вне себя от отчаяния и решил, что, если пригрозит покончить собой, я открою люк. Но я не поддалась на его угрозу, а теперь уже слишком поздно.

По скале, там, где он стоит, расползаются трещины. Смотреть на это невыносимо, и я отворачиваюсь к стене. Потом слышу жуткий приглушенный грохот и падаю на колени.

Кай выкрикивает мое имя.

А потом… ни звука…

Я упираюсь ладонями в стену с облупившейся краской и яростно трясу головой. Я в таком ужасе, что не могу заставить себя встать и посмотреть туда, где стоял Кай, и твержу себе, что это все произошло не со мной и не с ним. Что этого вообще не было на самом деле.

У меня в ногах звонит мобильный.

— Беккет? — говорит Линн, когда я наконец отвечаю на звонок. — О господи, Беккет. Это ты? Ты в порядке?

Я смотрю на свои окровавленные пальцы, на одежду в грязи и словно вижу все это в первый раз. Рана от осколка уже подсохла.

— Я… я в порядке.

— Слава богу. Я так перепугалась. Где Кай? Он ничего тебе не сделал?

Я вырву твою гребаную глотку, бессердечная сука!

– Его нет, он… упал. Со скалы. Его больше нет.

Линн несколько секунд молчит, я слышу толь-

ко ее дыхание, а потом она спрашивает:

— Ты в безопасности? Где ты?

— На маяке.

— Иду к тебе. Я уже возле перелаза, сейчас буду на маяке. Ты, главное, никуда не уходи.

Но я не могу здесь оставаться. Я должна спуститься, пойти туда и увидеть все своими глазами.

Прекращаю звонок.

Вернувшись в диспетчерскую с этими бесконечными циферблатами, переключателями и вентилями, становлюсь на колени возле люка, открываю и спускаюсь по приставной лестнице. Потом, морщась от боли, иду вниз по бесконечной спирали винтовой лестницы.

И вот уже стою на твердой земле и вдыхаю свежий, морозный воздух. Солнце поднялось выше и освещает все вокруг мягким розоватым светом.

Иду по траве к краю обрыва. Иду медленно и подхожу не слишком близко. В любую секунду в том же месте может случиться еще один оползень. Один неверный шаг, и я тоже окажусь внизу, буду хватать ртом воздух, пока течение не утащит меня на глубину.

Остановившись там, где чувствую себя более или менее в безопасности, пытаюсь посмотреть

вниз. Береговую линию отсюда не видно, но я вижу куски дерна, которые покачиваются на мутной, бурой воде, словно спасшиеся после кораблекрушения. А волны, будто от злости на самих себя, мечутся во все стороны, изрыгая грязную пену.

Там, внизу, никто не смог бы уцелеть, даже самый сильный и опытный пловец.

Кай наверняка уже утонул.

Отступая назад, стараюсь не думать о том, какая там внизу ледяная вода, и в этот момент понимаю, что у самой руки онемели от холода, и прячу их поглубже в карманы. В одном нащупываю какой-то металлический предмет, достаю и понимаю, что это отцовская пряжка с якорем Хэвипорта.

— Беккет!

Резко оборачиваюсь и вижу Линн.

Она только-только поднялась по склону и машет мне рукой. Запыхавшаяся, подходит ближе, и, когда я вижу ее искаженное от волнения лицо, у меня все внутри переворачивается. Я ведь никогда не позволяла себе доверять ей в полном смысле этого слова. Я вообще никому по жизни не доверяла.

Если честно, думаю, что не знаю, как это — ко-

му-то доверять.

Не успеваю я это усвоить, эмоции захлестывают, и я начинаю рыдать.

На душе, прям до боли, кошки скребут, когда представляю другую жизнь, которую мне не дано было прожить, жизнь, в которой Кай никогда не прокрадывался бы тайком в мою комнату, не становился бы моим воображаемым другом, вернее, подружкой и так не провоцировал бы моего отца на жестокость ко мне.

Если бы ничего этого в моей жизни не было, стала бы я лучше? Не случись все это, смогли бы мы с Линн стать настоящими подругами и стала бы наша дружба чем-то действительно значимым, что привязало бы меня к родному городу? И родители не отослали бы меня из дома?

Линн, видя мое состояние, срывается на бег, а я поворачиваюсь к морю и, размахнувшись, запускаю отцовскую пряжку к небу и смотрю, как она по дуге опускается и наконец исчезает из виду.

…Нам казалось, если будем кричать достаточно громко, ветер подхватит все плохое, что делает нам больно, унесет далеко в море и бросит там, и это плохое больше никогда не вернется…

Линн обнимает меня со спины, и я возле самого уха слышу ее успокаивающий голос:

— Все хорошо, Беккет. Я держу тебя. Обещаю, я тебя никогда не оставлю. Все будет хорошо.

Издалека доносится вой сирен. Я падаю в объятия Линн, и мы обе, как одно целое, валимся на землю. Обливаясь слезами, я обнимаю ее крепко, насколько позволяют силы, а в это время якорь моего отца опускается на дно моря.

Декабрь

37

Возвращаясь на Уолдорф-Райз, выбираю маршрут по Портобелло-роуд, и не потому, что это наиболее короткий путь к дому, а просто чтобы окунуться в людское море. А Портобелло сегодня целиком во власти Рождества. Люди теснятся у прилавков, уличный музыкант во все горло распевает песни Мэрайи Кери, торговцы подогревают в огромных емкостях глинтвейн. Кофейни забиты до отказа модными, листающими свои айфоны ребятами лет плюс-минус двадцати.

В какой-то момент я, сама не понимаю почему, останавливаюсь перед витриной одного из магазинов и смотрю на свое отражение. То есть мы с моим отражением смотрим друг на друга.

После Хэвипорта, города, где я за последние двадцать лет прожила наездами считаные дни, я вернулась в мой настоящий дом, здесь мне реально хорошо, потому что шанс, что кто-то меня узнает или, не дай бог, окликнет по имени, стремится к нулю.

Кладу чемодан на диван и сама бухаюсь рядом. Обвожу взглядом гостиную со всеми атрибутами моей прежней жизни.

Постер «Мрачный Жнец» Терри Пратчетта, в рамочке и подписанный автором[24].

Абстрактная картина, которую я по наитию купила в Нью-Йорке за какие-то смехотворные деньги.

Книжная полка с моими расставленными полукругом наградами, которые вынуждены смотреть друг на друга, как испытывающие неловкость подростки.

В руке держу пачку накопившихся за время моего отсутствия писем.

На первом сверху штамп — «просрочено», это точно очередное уведомление о моей просроченной ипотечной задолженности с последним требованием ее погасить. И впервые за несколько месяцев я знаю, как решить эту проблему.

Пройдя на кухню, делаю себе эспрессо; отпив глоточек, протягиваю руку к груде писем на столе, и сразу как будто кто-то в живот кольнул. Ощупываю через футболку повязку на своем «осколочном ранении».

---

[24] Примечания: 24

«Мрачный Жнец» — юмористическое фэнтези известного английского писателя Терри Пратчетта.

Интересно, шрам останется или нет?

После того как прибывшие к маяку полицейские увезли меня оттуда, я пару дней провалялась в больнице Эксетера. Сама рана была, в общем-то, пустяковая, но за два с лишним часа в прямом контакте с потом и грязью она могла инфицироваться какой-нибудь заразой, и доктора хотели убедиться, что этого не случилось.

В Хэвипорте на поиски тела Кая послали шлюпки со спасателями и водолазов, но все безрезультатно. Я и не думала, что его найдут, разве что случится нечто маловероятное, как в кино, когда какой-нибудь любопытный спаниель находит на берегу оставшееся после прилива тело.

Конечно, для моего душевного спокойствия было бы лучше иметь материальные доказательства его смерти, но приходится довольствоваться заверениями полицейских в том, что после падения с такой высоты, да еще в бурные волны и на острые камни, никто не уцелеет. Так что сейчас его тело, может даже и разодранное на куски, уже покоится на морском дне и служит пищей всяким падальщикам.

Передернувшись от таких мыслей, делаю еще один глоток кофе и смотрю на сваленную на столе корреспонденцию. В основном это счета.

Еще две-три недели назад я бы эти счета, не глядя, отправила в ящик стола, но теперь, когда полученные от продажи Чарнел-хауса деньги поступили на мой банковский счет, я наконец могу приступить к погашению моих задолженностей по кредитам, ипотеке и прочем.

Беру первый попавшийся конверт и уже собираюсь его вскрыть, но тут мое внимание привлекает нечто необычное, а именно уголок затесавшейся в кучу счетов почтовой открытки.

Наморщив лоб, смотрю на изображенную на открытке прямостоящую таксидермированную лису в котелке и с моноклем. Перевернув, читаю послание из одного предложения:

Позвони мне, глупышка. Говард. Х

Усмехаюсь про себя. Говард решил таким способом ко мне подлизаться, чтобы я начала хоть как-то реагировать на его звонки. Впрочем, он по-своему прав, ведь он, пока я была в больнице, звонил мне несколько раз, а я даже эсэмэской не ответила.

Встаю, набираю его номер, медленно прохожу через комнату и, остановившись у окна, смотрю на улицу внизу.

Фургон доставки из супермаркета пытается припарковаться задом в чудом найденное сво-

бодное место у тротуара.

— Будь я проклят! Беккет Райан!

— Привет, Говард.

— Ты куда пропала? Злишься на меня, решила помариновать.

— Теперь это называется — игнорить.

— Я тебе всю неделю звонил. Мужчина вправе начать волноваться, если его не хотят.

— Успокойся, не из-за чего тебе волноваться. — Я глубоко вздыхаю и признаюсь: — Я была в больнице.

Пауза. За окном проезжает мотоцикл.

— Ох… дорогая, ты бы хоть смс прислала. Надеюсь, ничего серьезного?

Упираюсь в холодное стекло кончиками пальцев и решаю для себя: стоит ли прямо сейчас начинать этот разговор?

— Нет… ничего серьезного. Но мне по почте пришла твоя лиса с моноклем. Жуть на все десять баллов. И что же я могу для тебя сделать?

Говард прочищает горло и выдерживает необычно долгую для него паузу.

— Говард?

— Не надо меня ненавидеть.

— Что?

— Просто не надо меня ненавидеть.

Вот это заход.

— Ну тогда для начала ты должен поведать мне, за что именно тебя не надо ненавидеть.

Слышу приглушенный нервный смешок и скрип офисного кресла.

— Ну… на прошлой неделе я обедал с одним из моих любимых редакторов. С Мэгги… Уитстабл, в «Шеперде». — Говард запинается, что тоже ему несвойственно, а я возвращаюсь от окна к кухонному столу. — Просто давно не общались и решили наверстать упущенное. Обсудили слияние, новый офис, ну и так далее. А потом она спросила о тебе.

Я медленно сажусь на стул.

— Понятно…

— Мэгги… Ей всегда нравилось, как ты пишешь. И она, как и все мы, искренне недоумевала, почему ты пропала с горизонтов, и… короче говоря… Я понимаю, что не должен был, но я упомянул о твоей новой работе.

Тут я напрягаюсь.

— Говард…

— Клянусь, это не было какой-то там подачей с моей стороны. Но Мэгги сразу заинтересовалась, и я рассказал ей о твоей работе несколько подробнее, она попросила разрешения ознакомиться

с каким-нибудь отрывком. Ну, ты понимаешь, слово за слово…

Я же писала ему, что это все строго между нами. Прямо так дословно написала: «Не для общего потребления».

— О чем ты вообще?

— О том, что твой текст ее сразил. Она сказала, что в жизни не читала мемуары такой степени откровенности. И сам посыл ей тоже нравится.

— Что?

— Ну, то, как это можно подать: «Бывшая автор бестселлеров в борьбе с внутренними демонами оставляет… э-э-э… миры фэнтези, благодаря которым стала суперзвездой, чтобы противостоять реальному насилию из своего прошлого». Ну или что-то в этом духе.

У меня сжимается горло, я с трудом откашливаюсь, а Говард продолжает:

— Да, звучит жестковато, но в такого рода делах всегда так. — Теперь уже он откашливается. — В общем, главная новость дня — они бы хотели сделать тебе предложение. Публикация в следующем году. Честно держался несколько дней, я ведь знаю, что это не то, что ты планировала, и если я злоупотребил…

— Ты не имел права…

Говард молчит, а я крепче стискиваю в руке мобильник.

— Я… э-э-э… да, конечно, — блеет Говард.

— Это не книга, я с самого начала ясно дала это понять. — Встаю, с грохотом отодвинув стул. — Это не товар, который выкладывают на прилавках «Сэйнсбери», и не какое-то там сенсационное разоблачение или еще какая бульварщина. Я писала это только для себя, тут мне читатель вообще не нужен.

Но пока все это говорю, ловлю себя на том, что не уверена в собственной искренности, и апеллирую скорее не к Говарду, а к самой себе.

— Дорогая, пойми, я волновался за тебя. Ты по телефону упоминала о проблемах с деньгами, и голос у тебя был такой… То есть я понял, что тебе хреново. А они предложат солидный аванс…

— Но это не про деньги, неужели ты не понимаешь? Я верила, что ты никому это не покажешь. — Говард что-то бормочет себе под нос, я уже жалею, что набросилась на него с упреками, но все равно не могу остановиться. — Господи, они ведь там сейчас организуют детский приют. Ты знал об этом? В нашем бывшем доме — в его доме, — потому что, как оказалось, мой отец был для этих людей героем, и не думаю, что они оце-

нят такую вот сенсационную публикацию. Или ты предлагаешь позвонить в муниципальный совет Хэвипорта и попросить их установить у парадной двери детского приюта табличку: «Добро пожаловать в наш приют. Гарольд Райан любил детей, жаль, что еще он практиковал насилие над детьми»?

— Прости, я не знал…

— Ладно, я сейчас не готова продолжать этот разговор. Мне надо идти.

— Беккет, прошу…

Но я прерываю связь. Кровь шумит в ушах, щеки горят, сердце бешено колотится в груди.

Посидев так какое-то время, дважды набираю Зейди, но она не отвечает, тогда я выключаю мобильник и бросаю его на диван.

Продолжая смотреть в окно, ловлю себя на том, что разглядываю завсегдатаев в местном пабе через дорогу. Они пьют пиво, разговаривают о чем-то… Окна в пабе запотели, свет внутри теплый — оранжевый. Меня там знают. То есть, конечно, не знают, кто я, но всегда подают недорогое красное вино, поддерживают огонь в камине и не задают лишних вопросов.

Я надеваю пальто.

Когда через несколько часов вваливаюсь к себе,

я не то чтобы пьяная в хлам, но точно не трезвая. За спиной у меня три обстоятельных разговора на тему коррупции в правительстве, игра в покер с женщиной, которая утверждает, что была любовницей Синатры… Ну и еще минут сорок я гладила бордер-колли, чтобы как-то отвлечься от мыслей о возможной публикации моих так называемых мемуаров. О том, что эти «мемуары» для тысяч незнакомых мне людей будут не просто откровением, а настоящим взрывом мины под их представлениями о порядочности некоего городского морального авторитета.

Бывшая автор бестселлеров в борьбе с внутренними демонами оставляет миры фэнтези, благодаря которым стала суперзвездой, чтобы противостоять реальному насилию из своего прошлого.

«Жестковато», — сказал Говард.

А как еще? Разве возможно в мягкой форме подать то, через что я прошла в детстве? Я вываливаю на целый город свои семейные секреты… И ради чего? Это такая неудачная попытка закрыть гештальт?

Пыхтя, локтем толкаю за собой дверь и, слегка покачиваясь, начинаю расстегивать пальто. На последней пуговице смотрю вниз и случайно

замечаю на полу что-то белое. Конверт на придверном коврике. Наверное, еще днем уронила.

Сажусь на корточки, поднимаю…

Адрес написан от руки, почерк красивый и убористый. Вскрываю конверт, достаю и разворачиваю лист кремовой почтовой бумаги. Сердце замирает, когда вижу, что это официальный бланк с гербом Хэвипорта.

Три якоря.

АНКОРА-ПАРК

Хэвипорт

Беккет, нанятые мной строители при разборе хозяйской спальни Чарнел-хауса обнаружили конверт, который я посчитала важным вам переслать.

Счастливого Рождества.

Надия

Представляю мрачную обстановку в спальне родителей, их пустую кровать и завихрения теней в углах комнаты.

Мы с Надией пришли к соглашению. Все в доме: мебель, бытовая техника, — в общем, все, что может быть полезным в детском приюте, они оставляют себе, а от всего прочего вправе избавиться.

Но я не завидую этим самым строителям,

которые были вынуждены разгребать завалы прошлого моей семьи.

Отложив на стол короткое письмо Надии, возвращаюсь к конверту и обнаруживаю там еще один, адресатом которого также является Беккет Райан, то есть я.

И меня с головы до ног пронзает жуткий холод.

Почерк моей матери.

Насколько я помню, она вообще никогда мне не писала. Не писала даже после того, как они с отцом отправили меня в школу-интернат. То есть, если бы она не присылала мне открытки ко дню рождения, я бы вообще не знала, какой у нее почерк.

Открываю второй конверт, чувствую запах ее парфюма, и мурашки бегут по коже.

10 ноября 2023

Моя дорогая и любимая Беккет!

Понимаю, ты удивишься, получив это письмо, ведь я никогда прежде тебе не писала, но, поверь, хотела написать, и не раз.

На этой неделе я просматривала наши старые семейные фотоальбомы. Гарольд убрал их, как и многое другое, на чердак, и я, после того как ты уехала, ни разу не пересматривала эти фотографии. Там есть одна, где мы в саду и вместе с нами

твоя любимая подружка Линн. Очень грустно, что ее родители оказались такими плохими людьми, это очень помешало ей начать свою хорошую и достойную жизнь, но я знаю, что ваша дружба очень много для нее значила.

Фотография, та, которую я нашла на прикроватном столике в ночь пожара.

Интуиция меня не обманула — последние дни перед смертью мама просматривала старые фотографии и пыталась понять, что в ее… в нашей жизни было не так.

Как бы то ни было, эта фотография напомнила мне о том, что когда-то мы были семьей. И в душе у меня теплится надежда, что после смерти отца ты однажды все-таки захочешь вернуться домой. Я так хочу видеть тебя рядом.

Деменция забирает близкого человека, превращает его в кого-то другого, это, конечно, ужасно, но я должна признать, что в моем случае, на подсознательном уровне это принесло мне облегчение.

Мужчина, который не желал меня, ушел, исчез без следа, и на его месте появился растерянный ребенок, а я снова стала родителем. Беккет, я знаю, что была тебе плохой матерью, но я старалась. И думаю, в этой второй попытке мне

удалось стать добрее. Я заботилась о нем, делала все, что в моих силах.

Сегодня днем я пожертвовала все, что осталось от наших сбережений, местному благотворительному фонду по борьбе с домашним насилием. Знаю, большая часть этих денег — твои, но уверена, ты не будешь против. Ты ведь успешная писательница, а солиситор сказал мне, что отец в завещании оставил за тобой право продать дом.

В фонде, естественно, меня засыпали благодарностями, но правда в том, что я просто должна была что-то сделать со своим стыдом и чувством вины за то, что молчала все эти годы. За то, что позволяла ему делать это с тобой.

Из всех допущенных мной ошибок эта была самой страшной. Я знала, что он тебя бьет, и должна была что-то сделать, но не могла, потому что он и меня тоже порой бил и я его боялась. Но я никогда не прощу себя за то, что молчала. Я не смогла защитить тебя от него, и груз вины за бездействие давит на меня каждый божий день.

Я невольно охаю.

Ну конечно она знала.

Знала, но была не в силах это остановить. Совсем как Сэм Гастингс и его младшая сестра. И она

достаточно долго прожила в Хэвипорте, чтобы понимать, кто проиграет в случае «слово Гарри Райана против ее слова».

Представляю маму такой, какой она была много лет назад. Ясно вижу, как она стоит в кухне возле раковины, пока я обедаю. Даже как будто чувствую запах тостов и слышу рокот стиральной машинки… И ее силуэт на фоне окна.

Молчание было для нее единственным выходом. У нее не было своего агента, не было обещавшего выгодный контракт издателя. У нее была только я — грустная, часто раздраженная девочка с вечными рассказами о своих кошмарах — и муж, который ненавидел нас обеих. И все это было атмосферой ныне заброшенного отцовского дома.

В последние дни я постоянно чувствую жуткую усталость. Уже не надеюсь снова тебя увидеть, и в этом нет твоей вины. Пожалуй, мне надо смириться с мыслью, что если ты и вернешься в Хэвипорт, то только на мои похороны, а может, и тогда не приедешь.

Мне одиноко, но я справляюсь. Иногда кто-нибудь приходит в гости. А еще есть очень приятный молодой шотландец, он мне в этом году очень много с чем помогал. Его зовут Кай…

Внутри меня поднимается горячая волна, снова резкой болью отдается рана в животе. Крепче сжимаю в пальцах письмо.

Его зовут Кай. Думаю, я могу назвать его другом. Мы познакомились на собрании городского совета. Такой славный мальчик. В общем, он заглядывает, чтобы помочь по дому, и, прежде чем уходит, мы частенько выпиваем по бокалу вина. Иногда он остается, ночует в твоей спальне. В первый раз я ему сказала, что твоя старая кровать наверняка маловата для взрослого мужчины, но он сказал, что сойдет.

Не в силах читать дальше, просто тупо смотрю на письмо. Тот, кто так аккуратно застелил мою детскую постель к моему приезду… Это был он.

У меня начинается дикая изжога.

А теперь мне пора спать. Я действительно очень устала. Кай только что ушел, а от вина клонит в сон. Милая моя девочка, я люблю тебя. Жаль, что я так редко это тебе говорила.

Проверяю дату на письме. Десятое ноября. День ее смерти.

От ужаса кровь стынет в жилах.

От вина клонит в сон.

Кай даже сейчас, когда его тело разлагается где-то на дне Ла-Манша, в двухстах милях отсюда,

умудрился сделать мне больно.

Он словно говорит: «Видишь, Бек, я все еще у тебя в голове, да, я внутри тебя, я спал в твоей постели, я отравил твою мать, и ничего тебе с этим не сделать».

Комната как будто накреняется.

— О господи… О боже…

Вдруг вспоминаю, что Кай сказал мне в коридоре своего дома на прошлой неделе. Он сказал, что знал, что я вернусь, потому что все в конце концов возвращаются. Я тогда подумала, что он просто болтает, говорит всякие банальности, первое, что приходит в голову. Но это не было пустой болтовней. Он знал, что я приеду в Хэвипорт, потому что убил мою мать. Знал, что после ее смерти мне, естественно, надо будет уладить массу вопросов, потому что я ее ближайшая родственница. Он расставил ловушку, и я легко в нее попалась.

Вспоминаю, как он прижимал меня полуобнаженную к стене, как его пальцы скользили по внутренней стороне моего бедра, а он шептал мне на ухо: «Бек, у тебя больше никого нет».

Голова идет кругом. Могла ли я все это как-то предотвратить? Если бы заказала билет на поезд на неделю раньше, она бы все еще была жива?

Ближе меня у тебя никого нет, я — твоя се-

мья.

Вообще, на подсознательном уровне я всегда считала, что мама не способна покончить с собой, это просто не в ее характере, а он у нее был истинно английский, то есть сдержанный, да и элементарно воспитание бы не позволило.

Я же не прислушивалась к своей интуиции, а теперь уже слишком поздно, потому что нельзя обвинить мертвеца в преступлении, нельзя подвергнуть труп наказанию. Некого мне винить и наказывать, кроме самой себя.

Отбросив письмо, встаю из-за стола и подхожу к буфету, где, я точно это знаю, за упаковкой спагетти спрятана бутылка дешевого джина.

Но потом вспоминаю, как Сэм Гастингс в «Рекерс армс» покачивал зажатой в руке «розочкой» от бутылки из-под сидра. И сладкий привкус рома, который я пила в ту ночь, когда решила сразиться с бойлером и была уверена, что слышу в пустом доме чей-то смех. Как упивалась «Мальбеком» в молодости, как опрокидывала шоты текилы у Кая. И бокал вина, который убил мою мать.

Надо с этим заканчивать. Нельзя продолжать пить, лишь бы только уснуть.

Оперевшись руками на стол, смотрю на письмо матери и представляю ее искаженное от отчая-

ния лицо.

Милая моя девочка, я люблю тебя. Жаль, что я так редко это тебе говорила.

Соленые слезы щиплют глаза.

Мне тоже жаль, мама.

Январь

38

Если налегке, то до Паддингтона я всегда иду пешком. От Ноттинг-Хилла до вокзала всего двадцать минут хода, к тому же можно выбрать маршрут по боковым зеленым и чистым улочкам.

Да и всегда полезно сжечь излишки энергии. Я с декабря веду трезвый образ жизни, как следствие, сплю по ночам и просыпаюсь с ясной головой и желанием заниматься спортом, а ходьба придает целеустремленности и помогает думать.

Прошло пять недель с того вечера, когда я прочитала письмо от матери. После я несколько часов просидела в темноте, от вина еще шумело в голове, а ее слова нависали надо мной, словно тени на потолке.

Никогда не прощу себя за то, что молчала.

За бездействие…

Со временем стало все труднее игнорировать правду, а правда заключалась в том, что моя история не обо мне, она о моей матери, о Пейдж и Сэме Гастингс, о маленьком провинциальном

городе, который предпочел комфортную ложь уродливой правде.

Мне далеко не приятна мысль о том, что, передав свои воспоминания издательству, я поделюсь с миром своими самыми сокровенными секретами, но, если это единственный способ положить всему этому конец, так тому и быть. Возможно, я единственная, кто может призвать отца к ответу за все, что он совершил.

В общем, в итоге я перезвонила Говарду и извинилась за то, что сорвалась в наш прошлый разговор. Он немного поворчал, а потом пообещал больше не рекламировать мою работу, предварительно со мной не посоветовавшись, ну и закончилось все тем, что он отвел меня в Чайна-таун отведать хрустящей утки.

После я на неделю заперлась в квартире: редактировала уже написанное, набрасывала новые эпизоды и примиряла себя с мыслью, что однажды это смогут прочитать незнакомые мне люди.

Закончив с работой, сделала несколько звонков и стала ждать. Ближе к уик-энду «Шепард паблишинг» купили «Спящие в темноте», мои откровенные детские воспоминания (я уже свыклась с тем, что так называют эту мою работу).

Новость быстро разлетелась, мое имя впервые за несколько лет замелькало в издательской прессе, и со мной вышли на связь люди, о существовании которых я уже успела забыть.

Меня стали приглашать на вечеринки, презентации и открытие книжных магазинов, я даже посетила некоторые из этих мероприятий, где упивалась исключительно коктейлем «лайм с содовой».

В остальное время я работаю над рукописью, превращаю спутанный поток сознания в читабельную книгу. Мэгги оказалась редактором моей мечты, она жесткая и в то же время очень оптимистичная, у нее острый ум, и она всегда говорит, что думает. Такого рода книгу очень тяжело писать, но, с другой стороны, иначе и быть не могло. Я решила посвятить ее своей матери.

Прежде чем подписать контракт, я позвонила Надии. Рассказала ей все о Кае, о Линн, об отце и пообещала, что не соглашусь на публикацию, не предам огласке всю правду, пока не получу ее одобрение. И можете мне поверить, я бы сдержала данное обещание.

— Хороший сегодня выдался день, — сказала мне Надия морозным утром, когда я впервые после всех событий приехала в Хэвипорт.

Мы стояли на подъездной дорожке к Чарнел-хаусу, обе в касках и жилетах со светоотражающими полосками и наблюдали за тем, как мускулистые рабочие разгребают обугленные завалы в кабинете моего отца.

— Люблю начинать новые проекты, старт дарит предвкушение.

— Мы еще сделаем из вас члена ордена Британской империи, — сказала я, и Надия понимающе рассмеялась, пока двое строителей тяжело опускали отцовский картотечный шкаф в контейнер для мусора. — Так быстро все происходит, даже не верится.

— Ну, как вы знаете, я не слоняюсь без дела по городу. Но какое-то время я все же сомневалась в том, что эта идея может быть реализована. Новости о вашем отце… Это было неожиданно, и я не была уверена в том, как люди на такое отреагируют, — призналась, поглядывая на дом, Надия. — Мы все обсудили на городском собрании. Без этого мы, как община, не могли обойтись.

А я вспомнила городское собрание, на котором сама присутствовала месяц назад, то, как люди смотрели на меня поверх своих чашек с чаем, какая напряженная была атмосфера и как быстро

все скатилось до банальной свары.

— Я бы не удивилась, если бы сегодня утром увидела на стоянке у станции свое горящее чучело.

Надия подняла указательный палец — характерный для нее жест, который не дает забыть о том, что она юрист, и улыбнулась.

— Если бы вы присутствовали на собрании, точно бы удивились. — Тут она перестала улыбаться. — Поначалу, естественно, было непросто. Людям всегда не нравится, когда их пытаются лишить веры во что-то… И сама мысль о том, что Гарольд был… по сути монстром, вызвала у них отторжение. Одна женщина даже высказала предположение, что вы все это выдумали. Но Джульет из кофейни «На берегу» взяла слово и выступила в вашу защиту, вернее, так — приняла вашу сторону. Она определенно прониклась к вам симпатией, и даже смогла переубедить собственного мужа, а это уже немалое дело. Они с Джозефом не понаслышке знают, каким враждебным может быть маленький город. Но сейчас они имеют вес в Хэвипорте, так что их позиция существенно повлияла на…

— В сторону! — отрывисто крикнул один из рабочих.

И сразу за этим последовал пронзительный сигнал заднего хода, и по подъездной дорожке к дому начал заезжать груженный опорами для строительных лесов грузовик с открытой платформой.

Мы с Надией отступили на лужайку перед домом.

— Так о чем это я? — спросила она, пока мы наблюдали за тем, как водитель маневрировал по гравию, а его напарник не спеша шел рядом.

— О Джульет.

— Ах да. Ее реакция меня весьма воодушевила. И теперь многие горожане благодаря Джульет выступают в вашу поддержку. Возможно, они с самого начала были на вашей стороне, просто боялись выступить против большинства.

Водитель заглушил двигатель, спрыгнул из кабины на землю и, едва подошвы его такелажных ботинок коснулись гравийной дорожки, посмотрел в нашу сторону и приветственно кивнул Надии.

— В этом городе вообще есть хоть кто-то, кого вы не знаете? — удивленно спросила я.

— Не думаю, — со смехом ответила она. — В общем, к концу собрания я решила, что строительство приюта надо продолжить, как и было

запланировано. Если такой город, как Хэвипорт, всего через месяц после того, как дурно тут с вами обошлись, способен так перемениться, значит и во всем сообществе могут произойти серьезные перемены к лучшему. И если Гарольд Райан больше не может оставаться символом надежды для нашего города, тогда, возможно, этим символом сможет стать его дом.

Мы одновременно повернулись к дому и посмотрели на его зияющую рану, на обугленные внутренности, на сеть подпалин, которые, словно черный плющ, ползли по кирпичной кладке.

Чарнел-хаус для меня всегда был плохим местом, средоточием страхов и печали, но в то ясное морозное утро, глядя на его нерушимый силуэт на фоне безоблачного неба, я впервые поняла, что могу смотреть на него иначе.

— У меня есть к вам предложение, — сказала я, глядя на окно своей детской спальни.

— Слушаю.

— Вы уже нашли человека, который бы присматривал за домом? Я имею в виду управляющего на постоянной основе?

Надия удивленно приподняла брови, а потом отрицательно покачала головой.

— В общем, я тут подумала, что вы могли бы

рассмотреть кандидатуру Линн.

Надия удивленно приоткрыла рот.

— У нее, конечно, нет нужного опыта, — нахмурившись, продолжила я, — и она понятия не имеет о том, что я прошу вас об этом, но… Я думаю, она заслужила передышку.

У нас за спиной строители, обмениваясь шутками, начали разгружать опоры для строительных лесов.

Надия скрестила руки на груди:

— А где она сейчас работает?

— Точно не знаю, в каком-то офисе в городе. Линн может и не согласиться на эту работу, но мне почему-то кажется, что она ей подходит.

Надия задумчиво кивнула:

— Я не могу ничего обещать…

— Да, да, конечно, я понимаю.

— Но я обдумаю ваше предложение. — Надия поправила каску. — А знаете, вы хорошая подруга.

— Пытаюсь такой стать.

Мимо нас, тяжело ступая, прошла группа рабочих, которые переносили опоры для строительных лесов. Проводив их взглядом до парадного входа, я невольно заметила на портике двух чаек. Они сидели бок о бок, хлопали крыльями, и одна

тыкалась клювом в другую.

— Знаете, думаю, я должна перед вами извиниться, — сцепив пальцы, призналась я.

— Это за что же? — нахмурившись, спросила Надия.

— Я знаю, как вам дорог этот проект, а я, моя книга… поставила вас в сложное положение. Поверьте, я и не думала…

— Беккет, — покачав головой, сказала Надия и пристально посмотрела мне в глаза, — если кто-то здесь и должен извиняться, так это я. Ваше возвращение в Хэвипорт должно было стать затянувшимся уик-эндом, не более. А после того как я принудила вас задержаться, вам угрожали физической расправой, вам, по счастью, удалось бежать из дома во время пожара, а это, скорее всего, был поджог, который, к нашему стыду, до сих пор остается нераскрытым, вы… пережили все эти ужасы с Каем Каннингхэмом. И я отчасти чувствую себя ответственной за то, что это все с вами произошло.

Я прикрыла ладонью глаза от солнца.

— Значит, квиты?

Надия улыбнулась и протянула мне руку:

— Квиты.

Мы обменялись рукопожатием.

Надия указала на угол дома:

— Давайте обойдем его сзади, хочу показать вам, где у нас будет теннисный корт…

– К девятой платформе прибывает поезд компании «Западные железные дороги» из Эксетер-Сент-Дейвидс.

Пройдя через главный вестибюль вокзала, петляю в толпе.

Останавливаюсь у турникетов и чувствую, что даже слегка дрожу в предвкушении нашей встречи.

Двери открываются, и из вагона в середине состава выгружается Линн с чемоданом на колесиках. Толпа увлекает ее за собой, ее невинное лицо с большими, как у лани, глазами так разительно отличается от пустых лиц приехавших этим же поездом пассажиров.

— Линн! — кричу я и машу рукой, когда она замедляет шаг перед очередью у турникетов.

Она находит меня взглядом, нервно улыбается и достает из кармана билет.

Наконец проходит через турникет, и мы неловко обнимаемся.

— Привет.

— Привет.

Двое мужчин в костюмах быстро проскакивают

между нами.

Я сую руки в карманы.

— Как доехала…

— Спасибо… Ты иди вперед.

— Нет, ты.

Линн оглядывается по сторонам. Огромный вокзал явно произвел на нее впечатление.

— Как хорошо, что ты меня встретила. Я ведь никогда раньше на метро не ездила.

— О, поверь, — почесывая висок, говорю я, — тебе ничего не угрожает. Весь Лондон у твоих ног.

Линн смотрит куда-то мне за плечо.

— А мы… здесь где-то рядом хард-рок-кафе?

— Прости, что?

— Хард-рок-кафе, я всегда хотела там побывать.

Я стараюсь не улыбаться.

— Думаю, это можно будет устроить. — Забираю у Линн чемодан и киваю в сторону эскалаторов. — Давай забросим твой багаж домой, а уж потом составим план дальнейших действий. Правда, на сегодняшний вечер у меня запланировано нечто… не похожее на хард-рок-кафе.

Издательство «Шепард паблишинг» располагается на верхнем этаже современного офисного центра на берегу Темзы. В просторном и сверка-

ющем чистотой вестибюле, куда ни посмотри, повсюду можно увидеть экзотические растения.

Мы подходим к стойке регистрации.

— А вы, должно быть, Беккет, — широко улыбаясь, говорит администратор.

— Должно быть, так, — отвечаю я и расстегиваю пальто, пока администратор что-то набирает на клавиатуре. — И со мной еще одна гостья. Линн Уайлдинг.

— Да, конечно, вижу в списке.

Я разворачиваюсь на каблуках, а Линн вытягивает шею, чтобы разглядеть башню открытой планировки — застекленные стены, шахты лифтов, и на каждом этаже яркие разноцветные стеллажи с книгами.

— Вот, пожалуйста, держите. Желаю приятно провести время.

Администратор вручает мне шнурки с бейджиками, я передаю один Линн. Она смотрит на него так, будто это пропуск за кулисы на концерте Бейонсе.

— Божечки… Там что, будут знаменитости?

Я криво улыбаюсь:

— Ты никогда не была на книжной вечеринке, верно?

Линн трясет головой.

— Так вот, боюсь, никаких селебрити не будет. Но если тебе по душе неловкие разговоры и ты предпочитаешь теплое белое вино, гарантирую — время проведешь прекрасно.

Пока лифт беззвучно поднимается на последний этаж, Линн начинает нервно теребить уголок своего бейджа и хмурится.

— Значит, эта вечеринка в твою честь?

— Вроде того. Мэгги захотела, как она выразилась, «отметить мое возвращение в издательский бизнес», но на самом деле это лишь повод поесть волованов и посплетничать о писателях.

Линн хмуро смотрит на свое отражение в зеркальных стенах лифта.

— Твои гости, наверное, ожидают, что я разбираюсь в книгах. Что, если я сморожу какую-нибудь глупость?

— Не сморозишь, Линн, потому что ты не глупая. Мы уже с тобой об этом говорили.

Линн снова хмурится:

— Я тут про Кая вспоминала.

— Линн…

— Я была с ним целый год и ничего не заподозрила. Я должна была что-то почувствовать. Должна была разорвать наши отношения…

— Я тоже ничего не заподозрила. Помнишь? —

Кладу руку ей на плечо. — Мы обе… Но его больше нет. Так что постарайся сегодня хорошо провести время, ладно?

Линн кивает и проводит пальцами по волосам.

Лифт останавливается.

Когда выходим на этаже издательства, нас встречает гул голосов, приветственные улыбки, многие из гостей чуть поворачиваются в нашу сторону.

Обстановка в точности такая же, как и на всех издательских сборищах, на которых мне довелось побывать: импровизированный столик с напитками в одном углу, мини-буфет — в другом. Сотрудники издательства все в смарт кэжуал, стоят небольшими группками, беседуют и вежливо кивают друг другу.

Из окна от пола до потолка открывается панорамный вид на реку. Темза сегодня неспокойная и мрачная.

— Беккет, привет!

К нам стремительно направляется Мэгги, невысокая, зеленоглазая, с копной светлых, подпрыгивающих при каждом шаге локонов. По флангам ее сопровождают четыре энергичного вида молоденьких помощницы.

— Как я рада, спасибо, что пришли. — Мэгги

быстро пожимает мне руку и улыбается Линн. — Я Мэгги, редактор Беккет.

Линн протягивает ей тонкую ладонь, и они обмениваются рукопожатием.

— Линн из Хэвипорта, — объясняю я, и помощницы Мэгги кивают. — В детстве мы были близкими подругами, так что она помогала мне… восстановить связь с городом.

Мэгги несколько отстраняется и светлеет лицом.

— Линн, ну конечно. Я могу предложить вам выпить?

Тут из-за спины Мэгги звучит по-отечески доброжелательный голос:

— Сказано — сделано.

И к нашей компании присоединяется улыбающийся Говард с треугольными бокалами в руках. Следом за ним появляется Зейди в лиловом брючном костюме.

— А, шампанское, — радостно восклицает Мэгги. — Отличная работа, Гов. — Она прикасается к моей руке. — Беккет, дорогая, еще успеем поболтать. Присоединишься к нам чуть позже, а сейчас испытай судьбу, может, еще не все закуски смели.

И она уплывает в сторону буфета, помощницы,

как утята, за ней.

Говард кивает на Зейди:

— Вот от кого жди проблем, я здесь всего пятнадцать минут, а она уже успела меня подпоить.

— Издательские вечеринки такие до неприличия пресные, — с видом заговорщицы отвечает Зейди. — На адвокатской тусовке мы бы уже давно переключились на водку.

Она дружески меня обнимает, и я вдыхаю знакомый аромат грейпфрута и цветов апельсина.

Когда отстраняемся друг от друга, она смотрит мне в глаза и тихо спрашивает:

— Ты как, малышка?

Зейди в курсе, что сегодняшний вечер очень важен для меня. Книжная вечеринка в мою честь; раньше такие мероприятия были для меня чем-то само собой разумеющимся. В те времена я даже не догадывалась, насколько мне повезло.

— Все хорошо, — отвечаю я, и мы улыбаемся друг другу.

Потом она поворачивается к Линн:

— Я Зейди, приятельница Беккет.

— А я… Линн, приятельница Беккет, — как попугай повторяет Линн.

Зейди бросает на меня многозначительный взгляд, а я таращу на нее глаза, чтобы она не

сказала чего лишнего.

Повисает пауза.

— Как насчет тоста? — спрашивает Говард и передает Линн бокал.

Второй протягивает мне, но я выставляю перед собой ладонь.

— Спасибо, сегодня — ни капли.

— О господи, так и не пьешь?

Я невольно усмехаюсь:

— Не ожидал от меня такого?

Говард весело подмигивает Линн и небрежно пожимает плечами.

— Думаю, в Лондоне случались и более странные вещи, говорят, однажды в Темзу заплыл кит. — Говард ставит на ближайший столик бокал, от которого я отказалась, ловко подхватывает с подноса проходящего мимо официанта стакан с апельсиновым соком и передает его мне. — За «Спящих в темноте», главные воспоминания сегодняшнего дня.

Мы все дружно чокаемся.

— Итак, — говорит Говард, пригубив шампанское, — вы та самая знаменитая Линн?

Линн хмурится:

— Знаменитая?

— Ну, в некотором роде, так сказать, из мему-

аров.

У Линн округляются глаза, как у испуганного животного.

— Я есть в книге?

Я испепеляю Говарда взглядом и поворачиваюсь к Линн:

— Поверь, я собиралась с тобой это обсудить.

Говард изображает «упс-фейс».

— Сегодня вроде подают неплохие закуски. Зейди, ты как? Пойдем перекусим? У них там эти вкуснейшие маленькие дамплинги со свининой…

И они уходят. А я избавляюсь от своего стакана с соком и умоляюще складываю ладони.

Линн смотрит на меня и ждет, что я скажу.

— Послушай… Линн. Эта книга. Я хотела…

— Тебе не надо передо мной извиняться.

— Нет, я… О господи… — Массируя виски, пытаюсь как-то объясниться. — Я хотела с тобой это обсудить… В этот уик-энд. Честно… Там нет ничего плохого, но я могу вымарать…

— Все хорошо, — говорит Линн, и я вижу, что она готова рассмеяться. — Правда, все нормально.

Я провожу пальцами по волосам:

— Так ты не в обиде?

Линн опускает свой бокал.

— Не знаю, понимаешь ли ты это, но то, что мы снова стали подругами, это вроде как… изменило мою жизнь. Так что, если я есть в твоей книге, я только рада.

С облегчением выдыхаю:

— Уверена?

— Конечно. — Она смотрит в свой бокал, и щеки у нее чуть розовеют. — И потом, думаю, я должна тебя поблагодарить.

Вскидываю голову:

— О господи, за что?

— За мою новую работу. В детском приюте.

Вспоминаю то холодное декабрьское утро и баронессу в строительной каске и светоотражающем жилете.

Я ведь особо и не надеялась на то, что она рассмотрит мое предложение, не говоря уже о том, чтобы его принять.

Не могу сдержать радостную улыбку.

— Ты теперь управляющая? Какая прекрасная новость.

— Я знаю, это благодаря тебе меня пригласили на собеседование.

Я фыркаю, как будто она говорит о каких-то несущественных мелочах.

— Ну… в некотором смысле. Но все равно прими мои поздравления. — Беру со стола свой стакан с соком. — Думаю, за это следует поднять второй тост.

Линн указывает на мой стакан:

— Ты действительно не пьешь?

— Знаю — тоска зеленая, но зато я целый месяц примерно себя вела.

Тут кто-то громко и заразительно смеется, я сразу узнаю смех Зейди и, посмотрев в ее сторону, замечаю на ближайшем столике тот самый оставленный Говардом бокал с шампанским.

У меня даже в горле начинает першить.

— А впрочем… думаю, от одного бокала особого вреда не будет…

Беру золотистый напиток со стола и разглядываю пузырьки.

Линн произносит тост:

— За новые начинания.

Мы чокаемся.

— За новые начинания, — повторяю я и делаю большой глоток. В горле мгновенно перестает першить, и я киваю в сторону буфета. — Как смотришь на то, чтобы набить животы дамплингами?

Пытаюсь вставить ключ в замочную скважину

парадной двери и смеюсь радостно, как заигравшаяся в какую-то веселую игру маленькая девочка.

После нескольких неудачных попыток Линн прижимается ко мне сзади и предлагает:

— Давай я попробую…

Я смотрю на нее через плечо:

— О, привет! Спасибо, Линн.

Она берет мою руку в свою, и мы совместными усилиями добиваемся успеха.

— Готово.

Дальше поднимаемся по лестнице, Линн то и дело упирается ладонью мне в спину, возможно, пытается так удержать меня от падения, а возможно, сама пытается сохранить равновесие, тут сложно сказать.

— Хорошо, что ты осталась, — заплетающимся языком говорю я, когда мы добираемся до небольшой площадки на верху лестницы. Здесь так тесно, что даже от нашего с ней дыхания становится душно. — То есть я хочу сказать, что у тебя здорово это получается с ключами. И тебе нравится хард-рок-кафе, и… — Я прищуриваюсь, чтобы как-то восстановить резкость. — Может, я немного запьянела, но я хочу, чтобы ты кое-что знала… — Тычу в нее пальцем и случайно попадаю прямо

в грудь. — Ты… ты… настоящая подруга.

Линн улыбается в ответ, но я смутно ее вижу, она похожа на расплывающуюся от воды акварель.

— Да, я тоже немного захмелела, — хихикая, признается Линн. — Вы на книжных вечеринках не дураки выпить.

— Это потому, что мы креативные, — отвечаю я и поднимаю перед носом связку с ключами. Наконец нахожу нужный. — Чертовы ключи.

Как только оказываемся в коридоре, у меня голова идет кругом, я приваливаюсь к стене и чувствую, что на лбу выступила испарина.

— Нам бы неплохо водички попить, — предлагает Линн.

Я боковым зрением вижу только ее смутный силуэт и киваю, хотя, оказывается, даже голову поднять тяжко. Очевидно, месяц трезвости серьезно снижает сопротивляемость алкоголю.

— Там… у меня есть кое-что в спальне…

Указываю вялой рукой в сторону гостевой комнаты, как будто Линн за пять часов могла забыть расположение комнат у меня в квартире.

Надо бы тоже переместиться в комнату из коридора, но тошнота подбирается к горлу и не дает сдвинуться с места.

Я закрываю глаза.

— Кажется, пора… пора спать.

За закрытыми веками пульсирует темнота.

— Ух ты…

Пол накреняется, и я хватаюсь за ближайший предмет. Это настольная лампа. Тени тоже накреняются.

— Ты как там? В порядке?

Голос Линн доносится как будто со дна колодца.

— Ага, просто нельзя пропускать тренировки… — Тычу пальцем вверх. — А теперь на боковую.

Линн прикасается к моему плечу:

— Ты зови, если что. Хорошо?

Я поднимаю вверх большой палец:

— Ага, спокойной ночи.

Линн убирает руку, и ее силуэт исчезает в коридоре.

— Спокойной… ночи, — икая, повторяю я.

Опираясь на стену, добираюсь до спальни, заваливаюсь внутрь и плюхаюсь на кровать. Сижу так, практически неподвижно, несколько минут, а потом вдруг чувствую позыв к рвоте.

Зажимаю рот рукой.

Что происходит?

Меня раньше никогда, даже в подростковом

возрасте, от выпивки не рвало.

Сидя, как на насесте, на краю кровати, смотрю через открытую дверь в коридор, пытаясь сфокусироваться на оранжевом свете от лампы. После того как я сдвинула ее с места, лампа отбрасывает тень, которая очень похожа на тень незнакомца в залихватски сдвинутой набок шляпе.

Я не двигаюсь с места, но кажется, будто с каждой секундой приближаюсь ближе, как будто я не человек, а камера в режиме зум, и в итоге оказываюсь прижатой лбом к лампочке.

В голове звучит голос Кая.

Мы продадим Чарнел-хаус и твою лондонскую квартиру, ты переедешь сюда, ко мне, а потом мы поженимся, нарожаем прекрасных детишек и заживем нормальной, счастливой жизнью…

За последние несколько недель я сумела задвинуть воспоминания о той ночи куда-то глубоко в подсознание. Смесь похоти и текилы, желание ощутить его во мне. Я внушала себе, что ничего этого не было.

Но это было. Мы с ним переспали, а я даже не думала предохраняться или принять наутро таблетки. Да и как я могла об этом думать, ведь он хотел убить меня? Безопасный секс — это последнее, о чем я могла тогда думать.

Прижимаю руки к животу и смотрю себе под ноги.

У меня задержка. Я так сосредоточилась на работе над книгой, что потеряла счет времени.

Да, конечно, задержки и раньше случались, и в этом не было ничего криминального.

Но в этот раз все по-другому.

Судорожно роюсь в ящике прикроватного столика в поисках оставшегося от прошлогодней паники по поводу возможной беременности теста. Нахожу его среди смятых рецептов и спутанных наушников и вся в испарине бреду в туалет.

Спустя три минуты я уже снова в спальне, сижу на кровати и, не отрываясь, смотрю на показатели теста.

Комок подкатывает к горлу.

— Линн… — сиплым голосом зову я. Тишина. Я пытаюсь закричать: — Линн!

Спустя минуту слышу шаги босых ног в коридоре.

Линн заглядывает в комнату:

— Все в порядке?

Я поднимаю голову и смотрю на нее, как испуганный ребенок, позвавший посреди ночи маму.

Она видит мое лицо, и ее большие глаза, кажет-

ся, становятся вдвое больше.

— Что стряслось?

Линн проскальзывает в комнату и садится рядом со мной на кровать. Я показываю ей тест.

Она беззвучно охает. Потом судорожно сглатывает.

— О господи, Беккет! Это Кай?

— Да… Кроме него, никого не было.

Оглядываюсь по сторонам, не могу ни на чем остановить взгляд, в голове полная сумятица. Язык все еще заплетается, я туго соображаю, и вообще кажется, что все это происходит не со мной.

Линн накрывает мою руку ладонью:

— Так все и должно было случиться.

— Что?

Она сжимает мою руку, и я впервые замечаю, какие у нее тонкие пальцы, почти как у ребенка.

— Все это… Твое возвращение в Хэвипорт, знакомство с Каем, то, что вы переспали и зачали ребенка… Все так и должно было случиться.

И она улыбается. Улыбка у нее широкая, как будто между ушей подвесили гирлянду из маленьких белых флажков.

Линн крепче сжимает мою руку:

— Я все для этого сделала.

39

Линн

Беккет смотрит на меня с застывшим лицом. Похоже, она не на шутку испугалась.

— Линн, прошу, пожалуйста. Мне так плохо… Меня тошнит… А ты… я не понимаю, о чем ты…

Зажмурившись, напоминаю себе о том, что она не в курсе того, что предшествовало ее возвращению в Хэвипорт. Она ничего об этом не знает.

Я не собиралась рассказывать ей об этом сейчас. Хотела подождать, пока мы сблизимся настолько, что я смогу быть уверена, что ей можно доверять.

Но теперь, когда она ждет ребенка, это все меняет.

Она здесь совсем одна, ей нужна близкая подруга, а Зейди точно не подходит на эту роль. Зейди любит тусовки, носит лиловые брючные костюмы, она крутая адвокатша, а я… я могу дать Беккет все, что ей нужно. Я могу переехать сюда, в ее квартиру, могу присматривать за ее ребенком. Она должна это понять.

Она должна узнать о том, что я сделала ради нее.

— Все хорошо, Беккет, — говорю я и открываю

глаза. — Сейчас я все тебе объясню. Ты очень многого не знаешь, но я объясню. Обещаю.

Она одной рукой обхватывает себя за живот, а я представляю плавающий в ее матке маленький зародыш. Зародыш с большой, как у инопланетянина, головой.

— Все началось прошлым летом, когда твоему отцу реально стало хуже.

Беккет резко выпрямляется, а я чувствую себя на коне: теперь я выступаю в роли рассказчика, и мне это по душе, это наполняет меня гордостью.

— Однажды твоя мама пришла на городское собрание. Пришла, чтобы рассказать всем о том, что твоему отцу стало хуже и, возможно, мы в городе больше его не увидим. — Вспоминаю людей в ратуше, их тупые угрюмые лица. — И все ей сочувствовали из-за твоего отца. Некоторые даже прослезились. Но только не я, потому что я знала правду.

Беккет, нахмурившись, смотрит на меня, а я тоже очень серьезно — на нее.

— Я знала, что он тебя бил. Я узнала об этом раньше всех других, потому что прочитала об этом в твоем дневнике… И я тогда очень разозлилась. Почему ему позволено забыть обо всем зле, которое он причинил, а ты должна всю жизнь

нести этот груз на своих плечах? Это несправедливо. Поэтому мне его не было жалко. Он заслужил свою болезнь.

Беккет начинает оглядываться по сторонам, находит на прикроватном столике стакан с водой и залпом его выпивает.

— А после выступления твоей мамы было чаепитие с шоколадным печеньем. Вот тогда я и разговорилась с Каем. До этого мы не пересекались, он ведь в начальной школе учился в Мотдейле, а в средней ни с кем не дружил, был сам по себе. Но я порой видела его в городе. И когда он сказал мне, что прочитал все твои книжки, я решила поделиться с ним своим секретом. Я рассказала ему о том, что пришла в ратушу не для того, чтобы повидать Диану… Я пришла, потому что хотела увидеть тебя.

Тут Беккет опускает голову, закрывает лицо ладонями и тихо стонет.

А я продолжаю:

— Конечно, я понимала, что ты не появишься на том собрании. Ты вообще никогда не приходила на собрания в ратушу. Но я надеялась, я так надеялась, что, возможно, в этот раз все будет по-другому.

А потом мы с Каем стали чуть ли не каждый

день тусоваться. И в общем, как-то случайно стали парой. Мы ведь практически были неразлучны, ну, как члены одного книжного клуба, понимаешь? Но говорили мы не только о твоих книжках. Мы говорили о том, как сможем вернуть тебя в Хэвипорт.

— Н-нет, нет, нет… — мычит Беккет, не отрывая ладони от лица. — Прошу, не надо…

— И знаешь, тебя ведь было очень непросто найти. Ты не появлялась на разных там ваших мероприятиях, тебя не было в соцсетях. Мы с Каем начали терять терпение и в итоге поняли, что если хотим снова тебя увидеть, то должны заставить тебя вернуться в город.

Беккет опускает руки. Лицо у нее белое как мел.

— Что?

Я ловлю себя на том, что снова улыбаюсь. Эта самая лучшая часть моей истории.

— Линн, ты меня пугаешь…

— Решение убить Гарольда далось нам легко.

Беккет начинает тихо поскуливать. Ей тяжко будет это выслушать, но без этого никак. Все, что я сделала, я сделала ради нее.

— Твой отец был настоящим злодеем, он сам напросился. Но на деле наша затея была очень

рискованной, действовать надо было крайне осторожно. К счастью, от нашей полиции в Хэвипорте вообще никакого толку. Моя мать годами воровала в одних и тех же четырех магазинах, а ей даже предупреждения ни разу не вынесли. В общем, я сказала Каю, что если он будет соблюдать осторожность, то ему за это ничего не будет.

Беккет начинает очень часто дышать, как будто у нее случилась паническая атака.

— Это… это неправда… Я не верю… Ты все выдумала…

Крепко сжимаю ее руку.

— Я бы никогда не стала тебя обманывать, Беккет Райан. Понимаешь меня?

Она пытается от меня вырваться, но я очень хорошо ее держу.

Я никогда ее не отпущу.

— Кай подружился с твоей мамой, это было просто, ведь он такой обаятельный парень… Даже тебя сумел подкупить. Он стал помогать ей по дому, ходил за покупками, присматривал за Гарольдом, когда сиделки уходили. А я, естественно, оставалась в стороне, твоя мама могла меня узнать, и тогда весь наш план коту под хвост. И вообще, я не могла по глупости загреметь в тюрьму. Ведь я должна всегда быть рядом. Все

только ради тебя.

Беккет пытается встать с кровати, но у нее подкашиваются ноги. Она плачет.

— Прекрати. Я не могу это слушать…

— А твой отец, он слабел с каждым днем. У Дианы уже сил не хватало на то, чтобы за ним приглядывать. И Кай говорил ей, чтобы она пораньше шла спать, мол, сам за ним приглядит. Но на деле он оставался с Гарольдом в темной спальне и нашептывал ему на ухо разные страшные истории. Рассказывал твоему злобному папаше истории о том, как он за все содеянное попадет в ад и там черти будут рвать его на части, будут сдирать с него кожу горячими длинными пальцами, а потом сделают из нее себе платья и будут в них отплясывать и хохотать, обдавая его своим вонючим дьявольским дыханием. И твоему отцу становилось все хуже. Любой бы сказал, что он потерял связь с реальностью. И это действительно так и было. Кай доводил его до безумия, пугал до смерти. Воздавал по заслугам. А потом, где-то спустя неделю, твой папаша не выдержал, его хватил удар, и он отправился на тот свет.

У Беккет глаза блестят от слез, она яростно мотает головой.

— Перестань… Прошу тебя… замолчи…

— Умно, правда? Да, очень умно придумано. — Я отпускаю ее руку, и в этот раз она даже не пытается встать с кровати. — Но этого было недостаточно.

— Прошу…

— Ведь смерть Гарольда не могла вернуть тебя домой, да? Ты ненавидела его за все то, что он с тобой делал, так почему тебе было возвращаться на его похороны? Так что одного родителя было недостаточно.

Беккет издает какой-то жуткий звериный звук, и по ее щекам текут слезы.

— Мама…

— Она тоже должна была уйти. Уйти, как все те, кто отравлял твою жизнь. И я должна была за этим проследить.

Тут Беккет начинает рыдать. Рыдает по-настоящему. Мне безумно хочется прижать ее к себе и утешить, и я обязательно это сделаю, но сначала закончу свой рассказ.

— И Кай был самым токсичным из всех. Он хотел, чтобы ты принадлежала только ему одному. Я с самого начала об этом знала. Ты не должна была в него влюбляться. Он был нужен только для того, чтобы вернуть тебя домой, он не имел

права украсть тебя у меня. Так что я и от него тоже избавилась.

— Ты все лжешь, — захлебываясь от рыданий, выкрикивает Беккет. — Там был оползень. Я видела…

— Я, когда получила твою эсэмэску, побежала к обрыву и увидела его там. Он цеплялся за край обрыва. Рыдал, выл, такой жалкий… Хотел, чтобы я его спасла. Но с чего бы? Он всегда стоял у меня на пути, вечно вел себя так, будто любит тебя больше, чем я. И это притом, что я полюбила тебя раньше, чем он. Гораздо раньше, понимаешь?

Тут я вспоминаю, как он цеплялся за край обрыва, и это воспоминание делает меня по-настоящему живой.

— И я наступила пяткой на его пальцы. Причем сильно, и не раз и не два. И он сорвался… упал в море.

Сначала я решила, что сохраню это в тайне. Просто не была уверена, что ты поймешь. А потом узнала о том, что он с тобой делал, когда мы были еще маленькими девочками. Узнала о том, что в твоей комнате по ночам действительно кто-то прятался.

И тогда я поняла, что те рисунки в дневнике Беккет — это все Кай. А я-то думала, что это она

сама рисовала.

Но это был он.

— И тогда я поняла, что поступила правильно и когда-нибудь обязательно тебе об этом расскажу. О том, как спасла тебя, как убила того монстра, который прятался у тебя под кроватью. — Тут у меня даже голос начинает дрожать от волнения. — О том, как я убила всех монстров.

Лицо Беккет становится какого-то неестественного цвета, как кусок бледно-зеленого мыла.

— А теперь остались только ты, я… и ребенок. — Я протягиваю руку к ее животу. — Теперь мы сможем вместе его вырастить.

— Мне… мне плохо…

Она встает с кровати, наверное слишком резко, потому что глаза у нее закатываются и она снова оседает на кровать.

— Мне… мне плохо…

— Все хорошо, Беккет, это просто вино и гормоны. Сейчас ты делишься своей кровью с ребенком.

Она пытается ухватить меня за руку, но сил явно не хватает.

— Линн… прошу…

— Тебе надо отдохнуть. Поспи, хорошо? А я о тебе позабочусь.

Я обнимаю ее и укладываю на кровать. Она лежит на спине, раскинув руки.

— Я никогда тебя не оставлю. Я твоя лучшая подруга. Я всегда была твоей лучшей подругой.

Наклоняюсь и всматриваюсь в ее такое красивое, бледное лицо. Глаза ее наконец закрываются, дыхание становится ровным.

А я смотрю, как она погружается в сон, и глажу, словно куклу, по волосам.

Моя прекрасная фарфоровая кукла.

— Спокойных снов, Беккет Райан. Я присмотрю за тобой.

Благодарности

Я благодарен моей жене Пип, которая сочла эту книгу настолько жуткой, что хотела спрятать ее в морозилке.

Благодарен моему агенту Эду Уилсону за его упорство, за брюки в стиле канин и нюх на негрони.

Благодарен моему редактору Касиму Мохаммеду за то, что он с самого начала горой стоял за эту историю.

И команде Амазон: Лауре, Сэнди, Дженни и всем, кто остался за кадром. Работа с вами — чистое счастье, и вы поспособствовали тому, чтобы из меня вышел неплохой писатель.

Я благодарен моей семье за любовь и поддержку (мам, прости, что иногда позволял себе чертыхаться… это все из-за моих персонажей).

Благодарю Джорджа за то, что он однажды сказал: «Думаю, тебе стоит написать роман».

(Наверное, твоим следующим полезным советом будет такой: «Не сыграть ли тебе в лотерею, у тебя есть шанс выиграть?»)

Огромная

благодарность команде «Lightyears» — без вас, ребята, моя жизнь была бы совсем другой.

Хочу выразить свою благодарность Джастин и всей команде «Byte The Book» за неустанную поддержку писателей.

Я благодарен покойному ныне Джону Хоулетту, настоящему писателю, за то, что он прочел эту мою работу.

Спасибо, что потратил на меня свое время, Джон. Теперь ты вряд ли узнаешь, как вдохновляли меня твои слова.

И наконец, спасибо Джерри Оуэнсу, Джейн Уотрет, Марин Ленехан и профессору Дэвиду Пантеру. Великие учителя редко удостаиваются благодарности, которой заслуживают. Я искренне благодарен всем вам.